

Научная библиотека

Михаил Долбилов

**Жизнь творимого романа.
От авантекста к контексту
«Анны Карениной»**

«НЛО»

2023

Долбилов М. Д.

Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту «Анны Карениной» / М. Д. Долбилов — «НЛО», 2023 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-44-482177-3

В какие отношения друг с другом вступают в романе «Анна Каренина» время действия в произведении и историческое время его создания? Как конкретные события и происшествия вторгаются в вымышленную реальность романа? Каким образом они меняют замысел самого автора? В поисках ответов на эти вопросы историк М. Долбилов в своей книге рассматривает генезис текста толстовского шедевра, реконструируя эволюцию целого ряда тем, характеристик персонажей, мотивов, аллюзий, сцен, элементов сюжета и даже отдельных значимых фраз. Такой подход позволяет увидеть в «Анне Карениной» не столько энциклопедию, сколько комментарий к жизни России пореформенной эпохи – комментарий, сами неточности и преувеличения которого ставят новые вопросы об исторической реальности. Михаил Долбилов – ассоциированный профессор Департамента истории Университета штата Мэриленд в Колледж-Парке, США.

ISBN 978-5-44-482177-3

© Долбилов М. Д., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ПОЯСНЕНИЯ О БИБЛИОГРАФИИ И ЦИТИРОВАНИИ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1	23
1. «Круг внешне скромный, но могущественный»	25
2. Графиня Толстая из Зимнего дворца	37
3. Антропология гвардейского либертинства 185	53
4. «Моя скачка труднее, Ваше Высочество»	70
5. «Все смешалось в царской семье»	84
6. Молодой генерал, ратующий за «партию власти людей независимых»	95
Глава 2	108
1. Развод и новый брак Анны, или «Стальные стали формы жизни»	110
2. «Круг почти сведен... Всего будет листов 40»: Дожурнальная цельная редакция романа	121
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Михаил Дмитриевич Долбилов

Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту «Анны Карениной»

ПОЯСНЕНИЯ О БИБЛИОГРАФИИ И ЦИТИРОВАНИИ

Окончательный (основной) текст романа «Анна Каренина» цитируется – за вычетом особых, каждый раз оговариваемых, случаев – для *частей с 1-й по 4-ю* по новейшему, исправленному, академическому изданию: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 100 т. Художественные произведения. Т. 11: Анна Каренина. Роман в восьми частях. Части первая–четвертая / Текст подгот. Л. Д. Громова-Опульская, М. А. Можарова, И. Г. Птушкина; Ред. А. В. Гулин, П. В. Палиевский. М.: Наука, 2020; для *частей с 5-й по 8-ю* – по предыдущему академическому изданию: *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. Роман в восьми частях / Изд. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайдешнур. М.: Наука, 1970 (Серия «Литературные памятники»).

Ссылки на окончательный текст романа помещаются непосредственно вслед за цитатами и заключаются в скобки. Первым идет номер страницы (номера страниц), затем, через косую черту, номер части и номер главы, разделенные двоеточием, например: (428–430/5:21). В ссылках общего характера на определенное место романа даются разделенные двоеточием номер части и номера глав: (2:7); (3:1–6). Ради компактности ссылок позволяю себе отступить от оригинального обозначения номеров глав римскими цифрами.

Ссылки на текст рукописей и корректур помещаются в примечания. При цитировании черновиков по хранящимся в фонде 1 Государственного музея Л. Н. Толстого рукописям и корректурам романа указывается номер согласно изданию: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. М., 1955 (далее – *ОнР*) – без дублирования шифром соответствующей архивной единицы хранения. В примечаниях к цитатам этот номер, выделенный курсивом, следует за сокращением *Р* (рукопись) или *К* (корректурa) и отделяется двоеточием от указания листа или листов, напр.: *Р*38: 77 – рукопись 38, лист 77; *К*128: 2–3 – корректурa 128, листы 2–3¹.

При цитировании черновиков по публикации в Юбилейном издании: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах (далее – *Юб.*). Т. 20: Анна Каренина. Черновые редакции и варианты / Ред. Н. К. Гудзий. М.: ГИХЛ, 1939. С. 3–573 (далее – *ЧРВ*) – указание страниц публикации дополняется указанием в скобках номера – согласно *ОнР* (а не прежней систематике, используемой в *ЧРВ*) – рукописи или корректуры, из которой извлечен цитируемый отрывок: *ЧРВ*. С. 512 (*Р*102).

Оцифрованный текст тома 20, как и всех остальных томов *Юб.*, доступен на веб-сайте «Лев Толстой. 90-томное собрание сочинений»: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/696/>.

При пользовании им важно помнить, что номера рукописей и корректур романа приводятся в тексте файлов, как и в печатных экземплярах издания 1939 года, по старой систематике, существенно отличной от установленной в *ОнР*. (Переводная таблица прежних и нынешних номеров дается в Приложении.)

¹ Хотя в *ОнР* аннотации рукописей и аннотации корректур составляют разные разделы, нумерация тех и других – сквозная, то есть за последней единицей в разделе рукописей, *Р*108, следует *К*109. Почти все сохранившиеся корректуры включают в себя значительные сегменты рукописного текста – авторские правки и вставки и/или их копии рукой переписчика.

Хочется верить, что в скором будущем оцифровка сделает и рукописи толстовских сочинений более доступными всем интересующимся.

Для воспроизведения рукописных текстов Толстого применяются следующие обозначения.

Зачеркнутый шрифт – вычеркнутое в автографе в процессе писания (линейная правка, при которой новый вариант вписывается на той же или следующей строке). Это же обозначение применяется также в цитатах из рукописных текстов других авторов.

Угловые скобки – вычеркнутое при позднейшем обращении к автографу или в процессе правки копии.

Курсив – вписанное в процессе правки, включая замены удаленного. Использование курсива для обозначения добавленной мною эмфазы каждый раз оговаривается особо. В цитатах не из рукописных, а из опубликованных текстов курсив сохраняет значение, приданное ему в публикации.

Пример воспроизведения авторской правки в копии:

<Дело о разводе было поручено адвокату.> Алексей Александрович с этого дня <своего объяснения с шурином> не входил более в комнату своей жены и решился <ехать на ревизию> *ехать к инородцам предпринять поездку для наблюдения на месте дела орошения полей Зарайской губернии, о котором он составил подробный проект. Было решено, что во время его отсутствия Анна переедет на новую квартиру.*

Прямые скобки – восстанавливаемые слова и части слов, сокращенные или пропущенные автором (а также пояснительные конъектуры).

Полный список сокращений помещен в конце книги.

ВВЕДЕНИЕ

Тимофей Павлович Пнин, кажется, первым – еще в 1950-х – попробовал объяснить соотношение поступи исторического времени и хода времени внутри романа Толстого «Анна Каренина» (далее – *АК*), усматривая в их взаимосвязи один из секретов магии, заключенной в этой саге любви, измены, прощения и воздаяния². Позднее Набоков развил наблюдения своего героя и представил остроумную, хотя и спорную реконструкцию хронологии действия в толстовском шедевре. Она держится на демонстративно точной датировке начала действия февралем 1872 года, чему служит вкрапленная Толстым в текст (якобы с большим значением) периферийная историческая деталь, и на представлении о разной для разных героев скорости течения времени³.

В дальнейшем наблюдения Набокова нашли себе применение в неоструктуралистском исследовании В. Александрова, где «относительность» и «эластичность» времени в *АК* выступают эпифеноменом типичной, как утверждает, именно для этого романа множественности независимых друг от друга индивидуальных перспектив, точек зрения. Каждый персонаж, согласно этому тезису, настолько отгорожен от других в мире своего сознания, что его поступки, реакции и мысли, образуя собственный лейтмотив, подрывают притязание на обобщение или истину суждения нарратора – следовательно, не вполне властен нарратор и над ходом времени в реальности романа⁴.

На другом берегу толстоведения страсть и вкус ко второму роману Толстого, в чем-то подобные набоковским, проявились в интересе не столько к движению времени в романе, сколько к движению проекта романа во времени, и коронным методом здесь была текстология. Еще в 1939 году под редакцией Н. К. Гудзия в составе 90-томного собрания сочинений – так называемого Юбилейного издания – вышел том с обширными извлечениями из рукописных редакций романа, остающийся и сегодня из публикаций первоисточников основным для того, кто обращается к истории написания *АК*⁵. Творческой истории романа посвящена помещенная в том же томе статья – первый такого рода опыт в научной литературе об *АК*⁶. В середине 1950-х годов В. А. Жданов сначала в изданном под его редакцией справочнике «Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого», а затем в своей монографии пересмотрел предложенную в Юбилейном издании систематику рукописей, выделил главные фазы генезиса *АК* и в согласии с апологетическим каноном отечественного толстоведения описал динамику создания романа как усилие неуклонное, от редакции к редакции, совершенствования сюжета, композиции и стиля⁷. Спустя еще более десятилетия увидела свет реконструированная Ждановым и Э. Е. Зайденшнур Первая законченная редакция (далее – *ПЗР*)

² Набоков В. В. Пнин / Пер. с англ. С. Ильина // Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. III. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 111–112, 117–118 («Пнин», гл. 5, разделы 3 и 5).

³ Набоков В. В. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. И. Толстого. М.: Независимая газета, 2001. С. 270–279.

⁴ Alexandrov V. E. Limits to Interpretation: The Meanings of «Anna Karenina». Madison: The University of Wisconsin Press, 2004. P. 139–144, 295–296.

⁵ ЧРВ. С. 3–573. Серьезный недостаток публикации, признанный позднее в отечественном толстоведении, состоит в том, что из текстов рукописей извлекались отрывки (общим счетом двести два из более чем девяноста рукописей, а также корректур) по принципу существенного отличия от более или менее соответствующих им мест окончательного текста. При этом опубликованы отрывки в порядке, согласном именно с окончательным текстом, а не с последовательностью работы автора от рукописи к рукописи и внутри каждой из них. Иными словами, по этой «нарезке» удобно усмотреть особенности отдельно взятых фрагментов рукописей, но гораздо труднее хотя бы представить себе поэтапный процесс пересоздания ранних редакций в финальную. В настоящей работе многие редакции, важные для моей аргументации или такие, качество публикации которых в Юбилейном издании почему-либо вызывало сомнение, изучены по подлинникам рукописей или их фотокопиям.

⁶ Гудзий Н. К. История писания и печатания «Анны Карениной» // Юб. Т. 20. С. 577–643.

⁷ ОпР. С. 187–234; Жданов В. А. Творческая история «Анны Карениной»: Материалы и наблюдения. М.: Сов. писатель, 1957.

АК⁸, подробнее о которой говорится ниже. Влияние самого фактора исторического времени оказалось гораздо менее изучено в этих текстологических штудиях. Даже важнейшие изменения в творимом тексте романа предстают в монографии Жданова как бы самодовлеющими, нередко без хотя бы приблизительных датировок⁹; «отражению действительности» в авторском вымысле посвящена одна краткая глава, где изложен ряд важных наблюдений, но прежде всего преследуется цель доказать точность «отражения» и верное в главном понимание Толстым прогресса в истории¹⁰.

В трактовках же толстовской книги, шире привлекающих свидетельства исторического и биографического характера, текстологии и генезису произведения, напротив, уделяется немного внимания¹¹. Да и в целом черновой субстрат АК использовался и используется исследователями той ли, иной школы спорадически и выборочно¹².

В настоящем исследовании предпринимается попытка соединить хронологию написания романа и темпоральные измерения его окончательного текста (далее – *ОТ*) самой субстанцией истории. Изобретательная переплавка были в вымысел заявила о себе как о характерной черте толстовского мимесиса¹³ в «Войне и мире», что разносторонне показано целым рядом исследователей¹⁴. В АК применяется похожий прием, но с той разницей, что автор выступает не воссоздателем прошлого (пусть даже окрашиваемого в тона позднейшей эпохи), а наблюдателем и хроникером современности. При этом сами условия рождения второго романа Толстого,

⁸ Толстой Л. Н. Первая законченная редакция «Анны Карениной» // Он же. Анна Каренина. Роман в восьми частях. (Серия «Литературные памятники») / Изд. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур. М.: Наука, 1970. С. 687–799; см. также: Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е. История создания романа «Анна Каренина» // Там же. С. 803–833.

⁹ Что же касается принадлежащих также В. А. Жданову датировок рукописей в *OnP* 1955 г., то не все из них представляются обоснованными. В моем исследовании предлагается коррекция датировки для ряда рукописей, изученных мною в их полном составе.

¹⁰ Жданов В. А. Творческая история «Анны Карениной». С. 225–239. Позднейшие работы Э. Г. Бабаева также делают упор на прямое «отражение» истории в романе, при этом почти не обращаясь к ранним редакциям: Бабаев Э. Г. Роман и время. «Анна Каренина» Льва Николаевича Толстого. Тула: Приок. кн. изд-во, 1975; Он же. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1978.

¹¹ Из классиков отечественного толстоведения, пожалуй, Б. М. Эйхенбаум в выпущенной посмертно книге «Лев Толстой. Семидесятилетие» (Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи / Общ. ред. И. Н. Сухих. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 563–684) наиболее тесно связал анализ процесса создания АК с толкованием глубинных смыслов романа, однако в этой работе не учтены открытия и пересмотры в текстологии АК 1950-х годов (включая ревизию предложенной в 1939 году в томе 20 Юбилейного издания систематики рукописного фонда АК).

¹² В недавней монографии Л. Нэпп анализируются (по публикации в Юб.) некоторые из ранних вариантов, относящихся к такой малоизученной теме АК, как влияние английского евангелизма на образованное общество в России, однако не предпринимается попытки датировать их и установить генетическую связь между ними и позднейшими редакциями, что неизбежно отражается на убедительности делаемых заключений. См.: Knapp L. Anna Karenina and Others: Tolstoy's Labyrinth of Plots. Madison: University of Wisconsin Press, 2016. P. 131–141, 278–279, notes 92, 93 (см. подробнее об этом гл. 4 наст. изд.). В новейшей – скорее популяризаторской, чем научной – книге Б. Блейсделла (Blaisdell B. Creating Anna Karenina: Tolstoy and the Birth of Literature's Most Enigmatic Heroine. New York: Pegasus Books, 2020) генезис АК обсуждается во взаимосвязи с биографией Толстого, но задачей является аргументация тезиса о том, что образ Анны вообрал в себя многое из личного жизненного опыта автора, а не анализ сложной динамики рукописных редакций романа по первоисточникам; вклада в текстологию АК книга фактически не вносит. Наконец, в полезном для понимания исторического и биографического контекста англоязычном справочнике-путеводителе (на который, к слову, в основном и опирается исследование Блейсделла в части текстологической проблематики) вопрос о недостаточной изученности черновиков АК лишь ставится: Turner C. J.G. A Karenina Companion. Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 1993. P. 1–35.

¹³ О применении концепции мимесиса к русскому литературному реализму XIX в. см.: Вайсман М., Вдовин А., Клизгер И., Основат К. Введение. «Реализм» и русская литература XIX века // Русский реализм XIX века: Общество, знание, повествование: Сб. ст. / Ред. М. Вайсман и др. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 47–62.

¹⁴ Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1963; Wachtel A. B. An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 88–122; Love J. The Overcoming of History in «War and Peace». Amsterdam: Rodopi, 2004; Ungurianu D. Plotting History: The Russian Historical Novel in the Imperial Age. Madison: University of Wisconsin Press, 2007. P. 97–124; Kitzinger Ch. Mimetic Lives: Tolstoy, Dostoevsky, and Character in the Novel. Evanston: Northwestern University Press, 2021. P. 54–63, 185 note 80. См. также синтез результатов отечественных штудий по теме исторических источников «Войны и мира»: Соболев Л. И. Путеводитель по книге Л. Н. Толстого «Война и мир». Ч. 1–2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.

писавшегося и печатавшегося в прерывистом, почти лихорадочном ритме, способствовали тому, чтобы вторжения невымышленной реальности в работу писательского воображения сложились в значимый подтекст, важный и для читательского восприятия шедевра. Иными словами, роман словно нарочно был написан для того, чтобы явить сложную модель корреляции между процессом создания художественного произведения и временем действия в нем. Вместе с (относительно) неплохой сохранностью рукописей это открывает АК для новых интерпретаций при помощи методов, сочетающих специальный инструментарий филологии с историческим или историко-литературным анализом.

Что до первого, то здесь мой подход существенно одалживается у литературоведческой генетической критики, прежде всего в той ее парадигме, которая рассматривает писание как процесс, далеко не детерминируемый авторской целью создать совершенный конечный продукт. Методы генетической критики оттачивались начиная с 1960-х годов на изучении французских классиков XIX века, в особенности Г. Флобера, знаменитого скрупулезной техникой письма и исключительно богатыми рукописными фондами своих романов. Из теоретического арсенала французской школы генетистов, сравнительно недавно получившей известность и в России (где, впрочем, в текстологии по-прежнему господствует более традиционный подход, нацеленный преимущественно на фиксацию дефинитивного, «канонического» текста произведения как «последней авторской воли»)¹⁵, мне видится особенно эвристичной концепция авантекста (*avant-texte*).

Авантекст – это не столько совокупность предварительных заметок, набросков, конспектов, планов, черновиков, правленных беловых копий, наборных рукописей и корректур, сколько реконструкция на этой материальной основе генезиса текста, «прояснение логических систем, организующих его». Такая реконструкция, как отмечает один из основателей школы П.-М. Биаззи, осуществима только при условии выбора и последовательного применения определенного ракурса – например, психоанализа, социокритики (изучения социальности, интегрированной в произведение), нарратологии¹⁶. Это значит, что один и тот же отрезок генезиса произведения может быть реконструирован по-разному, причем множественно, что способствует постижению и смыслов, кроющихся в финальном тексте, и разнообразных факторов и составляющих процесса письма. По излишне, может быть, цветистой, но дразнящей воображение формулировке соредакторов англоязычной антологии трудов французских генетистов, «тексты можно провокативно уподобить пеплу отгоревшего пламени или следам ног на земле, оставшимся после танца»¹⁷. Мне представляется, что узоры следов, оставшиеся после танца, каким было сотворение АК, давно вызывают к исследователям о таком своем использовании в толстоведении, которое шло бы дальше, например, просмотра черновиков для уточнения нюансов окончательного текста.

В отечественном литературоведении сходные идеи, причем задолго до оформления генетической критики как дисциплины, высказывал неортодоксальный советский исследователь комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Н. К. Пиксанов. Метод, названный им телегенетиче-

¹⁵ Генетическая критика во Франции / Ред. Т. В. Балашова, Е. Е. Дмитриева. М.: ОГИ, 1999; Дмитриева Е. Е. Глоссарий генетической критики сквозь призму текстологии // Текстология и генетическая критика: Общие проблемы, теоретические перспективы: Сб. статей по результатам российско-французского colloquium, проходившего в ИМЛИ РАН 25–26 сентября 2000 г. / Ред. Е. Д. Гальцова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 58–73. Ср. замечания Л. Д. Громовой-Опульской о теории и методах французской генетической критики: Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды / Ред. М. И. Щербакова. М.: Наука, 2005. С. 482–487, 494–495.

¹⁶ Biasi P.-M. de. Toward a Science of Literature: Manuscript Analysis and the Genesis of Work // Genetic Criticism: Texts and Avant-textes / Ed. by J. Deppman, D. Ferrer and M. Groden. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. P. 37–68, цитата – p. 43.

¹⁷ [Deppman J., Ferrer D., Groden M.] Introduction: A Genesis of French Genetic Criticism // Genetic Criticism. P. 1–16, цитата – p. 11.

ским, требует, чтобы литературное произведение изучалось в единстве окончательной и черновых редакций:

Как в сложном организме, здесь наряду с вполне развитыми, совершенными органами – идеями и образами – живут и рудиментарные формы. Крупное произведение есть результат долгого процесса, трудных исканий, борьбы организующего разума и неясных интуитивных замыслов. Многие даже в самом совершенном художественном создании остается недоразвитым и противоречивым и может быть правильно воспринято исследователем только в свете исторического изучения.

Здесь уместно процитировать также вариации одного из тех обобщающих наблюдений Пиксанова, которые не завоевали широкого признания в традиционной текстологии, но встречают полное понимание у историка, вознамерившегося описать рождение литературного шедевра: «„Окончательный“ текст часто бывает далеко не окончательным для самого поэта, что остается в силе даже для наиболее медлительных, долго вынашивающих и строгих к форме писателей, как Гончаров, Толстой»; «Но если цензура не тронула в тексте ни одной строчки, если сам автор к ней не прилаживался и творил с максимальной свободой, – окончательный текст произведения далеко не всегда равен последней воле поэта»¹⁸. Чем, однако, телеогенетический метод Пиксанова отличается от позднейшей генетической критики – это именно своей презумпцией самодовлеющей *цели* генезиса и установкой на выявление «подлинного, единственного, авторского смысла» произведения¹⁹. Этот интерпретационный монизм чужд и моему подходу.

Хотя я и не задаюсь такой собственно текстологической целью, как воссоздание в деталях генезиса романа даже только применительно к анализируемым на этих страницах темам, сценам и образам, тем не менее данная работа организована вокруг взаимосвязанных пластов авантекста, реконструируемого в перспективе исторической социокритики. Иными словами, мой диалог с АК ведется с позиции не столько литературоведа, сколько историка, пытающегося разносторонне осмыслить взаимоотношения романа и современной ему невымышленной реальности. Чтобы решить эту задачу, в релевантном и ясно очерченном, *не* туманно-размытом («веяния времени» вообще) историческом контексте рассматривается комплекс перекрещивающихся темпоральных измерений книги *и* как процесса, *и* как продукта письма – шествие сменяющих друг друга черновых версий, эволюция от рукописей к публикации, «внутренняя» хронология и прыгучее эхо «внешней» истории в ранних редакциях и в *ОТ*.

Конкретный срез исторического контекста, на котором в данном исследовании сфокусирован анализ динамики сотворения АК, – система, а можно сказать и культура формальных и неформальных отношений в высшем обществе 1870-х годов. Конечно же, я далек от намерения актуализировать позицию тех из тогдашних критиков романа, кто находил в нем старомодное и мелкотравчатое изображение безнадежно отсталой среды (а равно и тех апологетов и эпигонов, для которых, напротив, именно «великосветскость» произведения была его главным идеологическим и эстетическим достоинством²⁰). Не намного более плодотворно, на мой взгляд, и традиционное для позднейшего, в особенности советского, толстоведения представление о том, что нравы аристократии занимали автора АК исключительно как предмет «беспощадного разоблачения». Толстой действительно не упускал случая уязвить и высмеять ту или иную фигуру, институцию или обычай, но в целом тема света и его неписаных законов звучит в разновременных редакциях романа отнюдь не бурлескно. Известное ворчливо-заци-

¹⁸ Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума» / Подгот. текста и коммент. А. Л. Гришунина. М.: Наука, 1971. С. 17, 18, 361.

¹⁹ Там же. С. 74 и след.

²⁰ См. об этом: Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 117–125.

ристое признание из наброска вступления к «Войне и миру»: «Жизнь чиновников, купцов, семинаристов и мужиков мне неинтересна и наполовину непонятна, жизнь аристократ[ов] того времени, благодаря памятникам того времени и другим причинам, мне понятна, интересна и мила»²¹ – с поправкой на эпатажность фразы (и на вполне определившееся к 1870-м толстовское крестьянофильство) – характеризует и некоторые важные стороны второго романа.

В ряде глав этой книги я постараюсь доказать, что в числе других побуждений к творчеству автор *АК* был движим серьезным интересом к препарированию, пользуясь его же выражением, «усложненных форм»²² светской жизни²³. Примечательный и символический факт: писание романа началось не с разметки планов и не с конспективного наброска фабулы (таковой последует очень скоро, но уже в качестве второго по счету манускрипта), а с подробно, искриво прорисованного и провокативно озаглавленного («Молодец-баба») этюда отдельной сцены, которая позднее превратится в одну из глав Части 2 романа, – беседы за чаепитием в гостинной петербургской аристократки²⁴. В этюде явственно различим отзвук перечтенного Толстым накануне пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу» (можно, впрочем, вспомнить, что беседой в салоне придворной дамы начинается также «Война и мир»), и в дискуссиях о начальных рукописях *АК* неизменно подчеркивается роль этих нескольких страниц как выразительного свидетельства преемственности между творениями двух гениев. Так, указывая на то, что в нижнем слое автографа, то есть самом первом варианте начала романа, героиня неоднократно именуется – наряду с другими пробными фамилиями – Пушкиной, Л. Д. Громова-Опульская делает меткое наблюдение: «И хоть известно, что внешность Анны Карениной подсказана Толстому встречей с дочерью Пушкина Марией Александровной Гартунг <...> все же удивительно это живое и горячее желание: обозначить прямо связь своего создания с Пушкиным»²⁵.

Не менее того, однако, оправдан акцент на самом предмете для описания, помогшем автору приступить к переносу замысла книги на бумагу. Характерно одно из самых первых в авантексте появлений героини под фамилией, которой суждено было перейти вскоре в заглавие романа. Содержащаяся в упомянутом выше стартовом автографе фраза, где будущая Анна, а пока Ана/Нана (Анастасия) собственной персоной входит в повествование (и в гостиную своей знакомой), претерпела следующую правку: «Это б[ыл] А. А. Гагин с женою» – «Это б[ыл] А. А. Каренин с женою» – «Это б[ыла] Нана Каренина впереди своего мужа»²⁶. Сопутствующая

²¹ *Юб.* Т. 13. С. 55.

²² Значимое выражение Толстого из его (неотправленного) письма Н. Н. Страхову от 19 марта 1870 г., где обсуждался «женский вопрос» и вообще проблема взаимоотношений между полами: Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. / Ред. А. А. Донсков; Сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. Т. 1. М.: Оттава: Группа Славянских исследований при Оттавском университете; Государственный музей Л. Н. Толстого, 2003 (далее – *Толстой–Страхов*). С. 2. Цитируя здесь и далее письма Толстого Страхову по отдельному изданию их переписки, я не дублирую ссылки указанием на предшествующую публикацию писем в *Юб.* Новейшим академическим изданием этой широко известной корреспонденции является следующее: Переписка Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова (1870–1896): В 2 т. / Подгот. Л. В. Калужная, Т. Г. Никифорова, В. А. Фатеев, В. Ю. Шведов. Т. 1: 1870–1879. СПб.: Пушкинский дом, 2018. Мне удалось ознакомиться с этим изданием (за помощь в чем благодарю Л. В. Калужную), но вообще на момент сдачи наст. книги в набор оно остается весьма труднодоступным. С учетом того, что лишь немногие из цитируемых здесь и далее фрагментов писем содержат выправленные в новейшем издании чтения, переписка преимущественно цитируется по изданию предыдущему. При цитировании писем с выправленными чтениями ссылка дается на издание 2018 года.

²³ См. также об этом письме: *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. С. 633. Ср. в *АК* выражение «усложненность петербургской жизни» применительно к москвичу Облонскому (617/7:22).

²⁴ *ЧРВ.* С. 14–20 (P2). Об изъянах в воспроизведении текста данного автографа см.: *Громова-Опульская Л. Д.* Избранные труды. С. 237–238. Здесь же автор указывает на правоту Н. К. Гудзия и неправоту В. А. Жданова (что не отменяет множества других корректив, предложенных вторым) в определении той конкретной рукописи, с которой началось создание романа. С учетом этого пересмотра реконструкция генезиса романа должна поменять местами автограф под авторским заглавием «Молодец-баба», который в сегодняшней систематике рукописного фонда *АК* фигурирует как рукопись 2, и первый конспективный набросок всего романа, значащийся как рукопись 1 (*ОнР.* С. 190–191).

²⁵ *Громова-Опульская Л. Д.* Избранные труды. С. 238–239.

²⁶ «Это б[ыла] <А. А.> <Гагин> *Каренин* <с женою> *Нана Каренина впереди своего мужа*» (P2: 3; опубл. без достаточного учета сложного состава автографа: *ЧРВ.* С. 18). Цитируемый автограф состоит из двух датированных (в нижнем слое) весной

замене фамилии перестановка фигур не только заставляет предположить, что певучая комбинация имени и фамилии была придумана автором в первую очередь для героини и лишь в силу этого герой стал Карениным (даже если в самый момент вхождения в авантекст фамилия была применена к мужу)²⁷, но и прорисовывает контур важной для романа тематики женского влияния в высшем обществе.

Вообще, Толстой выступает в АК культурным антропологом *avant la lettre*. «Истинно хорошее общество только тем и хорошее общество, что в нем до высшей степени развита чуткость ко всем душевным движениям» – это веское суждение нарратива из чуть более поздней редакции той же сцены в гостиной передает аппетит, с которым автор принимался за живописание бомонда²⁸. Социальная механика взаимоотношений, негласные иерархии, поведенческие коды, слагаемые шарма великосветского салона, значение телесности для социального статуса в элите и в особенности алхимия общественного мнения, формирования и разрушения репутаций – ко всему этому автор применял в очень своеобразном сочетании свой гений художника и дар аналитика. Тематика и поэтика высшего общества играли много большую роль в генезисе романа и имеют больший удельный вес в ОТ, чем удастся заметить, исходя из дискурса о безусловном преобладании экзистенциального и вневременного в этой книге. Толстой не просто приправлял повествование пряными приметами времени вроде соперничества двух оперных див Кристины Нильсон и Аделины Патти, но и с чутьем на политический тренд или культурную моду, неожиданным в том, кто уже тогда слыл затворником, вплетал в сюжет аллюзии к совершенно определенным положениям и происшествиям в высших сферах.

1873 года фрагментов, второй из которых написан несколько позднее первого. Первый обрывается как раз на фразе «Это б[ыл] А. А. Гагин с женою». Второй фрагмент (P2: 3–4 об.), где дается описание внешности супругов и начала беседы в гостиной с участием героини и ее будущего любовника и где фамилия Каренин вводится в текст уже без перебора вариантов, был написан, вероятно, одновременно с произведенной в первом фрагменте надстрочной правкой, заменившей в двух местах (включая цитированное) фамилию героини на «Каренина» (P2: 2, 3). (В интервале между написанием того и другого фрагментов Толстой набросал первый конспект сюжета, где супруги зовутся Михаилом Михайловичем Ставровичем и Татьяной Ставрович (ЧРВ. С. 23–46 [P1]; в позднейших редакциях эти имена не возникают.) В автографе есть и слой позднейшей – вероятно, конца 1873 года – правки, в котором, в частности, за героиней уже закреплено имя Анна (не Ана/Нана), а ее будущий любовник, в нижнем слое зовущийся Врасским или Гагиным (последняя фамилия, как мы видели, была опробована и в применении к супружеской чете), именуется Вронским (P2: 2 об., 3). Изложенные здесь наблюдения составляют конкуренцию выдвинутой старшим сыном Толстого в 1930-х годах и с тех пор пользующейся признанием версии о происхождении фамилии Каренин. Сергей Львович вспоминал, как «в 1876 или 1877 г.» отец, помогая ему читать в оригинале «Одиссею», «[о]днажды <...> сказал мне: „Каренон – у Гомера – голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин“». «Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин – головной человек, что в нем рассудок преобладает над сердцем, т. е. чувством?» – заключает мемуарист (Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной». Из воспоминаний С. Л. Толстого // Литературное наследство. Т. 37/38. М., 1939. С. 569; из недавних популяризаций этой версии см. напр.: Басинский П. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 170–171). Предоставляя специалистам обсуждение семантики древнегреческого слова «κάρηνον», встречающегося у Гомера и в «Одиссее», и в «Илиаде» только в формах множественного числа, «κάρηνοι» и «κάρη», и не всякий раз в прямом значении части тела (например, синтагмы с этим словом в «Одиссее» перевод В. В. Вересаева дает с использованием лексемы «глава» в ее архаичных значениях: «гор[ы] крутоглавы[е]» (песнь 6), «глав[ы] бессильны[е] умерших» (песни 10, 11); словом же «голова» переводится много чаще встречающееся у Гомера «κεφαλή»), и того, как мог понимать значения этого слова Толстой (см., напр., авторитетный словарь того времени: A Greek-English Lexicon / Comp. by H. D. Liddell, R. Scott. Sixth ed., revised and augmented. Oxford: The Clarendon Press, 1869. P. 778), замечу, что фамилия появляется в генезисе текста АК задолго до того, как в том же генезисе сухость и рассудочность выдвигаются на первый план в рисунке образа Каренина (см. гл. 4 наст. изд.). В том самом автографе, где герой переименовывается в Каренина, он представлен человеком, имеющим «несчастье носить на своем лице слишком ясно вывеску сердечной доброты и невинности» (ЧРВ. С. 20 [P2]). Не исключено, что происхождение фамилии было иным, вполне случайным, и Толстой мог задним числом обыгрывать ее (относительное) созвучие названному слову (см. также мои замечания о фамилиях Каренин(а) и Вронский в примеч. 3 на с. 268–269). И последняя ремарка: из находившихся в яснополянской библиотеке экземпляров изданий «Илиады» и «Одиссеи» на древнегреческом только один (издание «Одиссеи» – М.: Simeon Selivanowski, 1830) содержит пометы Толстого, и среди нескольких сотен аннотированных им при чтении слов (подчеркнув слово, он, как правило, приписывал перевод) нет «κάρηνα» (Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1. Тула: ИД «Ясная Поляна», 1999. С. 507–512).

²⁷ Само собою разумеется, что в изображаемой или подразумеваемой романом социальной реальности (не во всем совпадающей с реальностью генезиса текста) княжна Анна Облонская стала – утратив при этом титул – «просто» Анной Карениной с выходом замуж за носителя этой фамилии.

²⁸ ЧРВ. С. 203 (P3); ПЗР. С. 724.

В *АК* оставили след те новшества в строе жизни придворно-аристократического круга, которые укоренялись именно в 1870-х годах вследствие возникновения самого феномена правящей династии как по-настоящему большого и пронизанного внутренними конфликтами клана, при этом менее резко, чем прежде, отмежеванного от аристократии нецарской крови. Элементами этого исторического контекста – а не только этического универсума книги – являются, например, изображенные внешне противостоящими, но по сути взаимодополняющими друг друга великосветское либертинство (Бетси Тверская и другие) и великосветское же благочестие (графиня Лидия Ивановна). Более того, связанная с этим последним тема религиозно ориентированного панславизма возникает в ранних черновиках, а затем и первой части романа, публикуемого в журнале порциями, задолго до вспышки страстей по «братьям-славянам» в 1876 году (которую, своим чередом, заключительная часть романа больше чем «отобразила» – она своей полемичностью внесла лепту в публичную дискуссию по этой проблеме²⁹). Эти, на первый взгляд, маргинальные для читательского восприятия *АК* материи оказываются при изучении динамики создания романа едва ли не более точными индикаторами течения исторического времени, чем доносящееся до нас в основном через разочарования и эксперименты Константина Левина эхо «большой» истории 1860-х – освобождения крестьян, земской и судебной реформ. Нагруженным историей в *АК* предстает не только то, что отвечает масштабу отсюда же извлеченной пресловутой метафоры социального преобразования: «...все это перевернулось и только укладывается <...>» (311/3:26).

В литературоведческих работах об *АК* аллюзии, требующие внимания к повседневности исторического контекста, к деталям фона, а также и к обстоятельствам биографии автора, часто остаются нераскрытыми или в лучшем случае удостоиваются комментирования в позитивистском, как правило, духе восхищения толстовской точностью. Между тем исторические аллюзии в этом романе – о чем я еще скажу подробнее чуть ниже – скорее создают некую вариацию на тему реальности 1870-х годов, чем ложатся послушными мазками на полотно, «отражающее» эту реальность. Их расшифровка – не только спортивное развлечение более или менее приметливого историка, перелистывающего роман. Анализ соответствующих ситуаций и эпизодов (так или иначе бывших или в процессе писания ставших Толстому известными и интересными) может существенно изменить смысловое пространство вокруг какого-либо персонажа, мотива или сюжетного хода, предложив новые интерпретации на стыке литературы и истории³⁰. Разумеется, это ни в малейшей степени не означает редуционистского притязания на примат историзирующего прочтения перед тем или иным литературоведческим, философским и т. п. Измерение романной реальности, которое помогает увидеть экспертиза историка, – не исключительное и не «главное»³¹. Идеалом мне видится взаимодействие такого прочтения с изучением социокультурных условий производства и рецепции текста и с интерпретациями, углубляющимися в поэтику и аллегорику романа, его идейную полисемию, нарративные техники, сравнительно-литературный контекст и контекст интеллектуальной истории.

²⁹ См. подробнее гл. 4 наст. изд.

³⁰ В этом отношении моя работа отчасти руководствуется моделью соотношения (и со-отражения) литературного текста и исторического контекста, обоснованной и примененной в издании: Dostoevsky in Context / Ed. by D. Martinsen and O. Maiorova. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

³¹ В красноречиво озаглавленном исследовании «„Анна Каренина“ в наше время: Смотреть мудрее» Г. Морсон, настаивая на преимуществах прочтения книги сквозь призму заботящих современное человечество этических и экзистенциальных дилемм и вызовов, в диалоге с автором поверх его – и книги – времени роняет афоризм: «Читать книгу как простой исторический документ значило бы обложить ее ватой (muffle)» (Morson G. S. «Anna Karenina» in *Our Time: Seeing More Wisely*. New Haven & London: Yale University Press, 2007. P. 1). Ничуть не отрицая возможности и пользы такого диалога с литературной классикой XIX века и даже принимая ряд интерпретаций Морсона (особенно переосмысление образа Каренины), я нахожу процитированное суждение до смешного категоричным. Знание того, как и в какой атмосфере создавался роман, никак не мешает диалогу с ним, а в каких-то случаях предупреждает заведомо нерелевантные вопросы, адресуемые тексту.

Писавшийся с довольно долгими паузами более четырех лет, с марта 1873 по июнь 1877 года, роман задолго до завершения работы над ним начал публиковаться в журнале «Русский вестник» в январе 1875 года. Сериализация распалась на три заранее не планировавшихся «сезона», каждый из которых пришелся на, да простится мне каламбур, период светского сезона, то есть зиму – первую половину весны, и закончилась в апреле 1877 года на предпоследней части. Последняя, восьмая, часть вышла отдельной книжкой в июле того же года (см. схему 1 на с. 40 и таблицу в Приложении).

Время в выходившей порция за порцией книге струилось сравнительно размеренно³² и членилось на сменяющие друг друга зимы и лета (вёсны и особенно осени нарратив подает более сжато или вовсе пропускает), точно приглашая читателей срифмовать с этим течением время, в котором жили они сами (и в принципе эксперимент такого восприятия может поставить сегодня читатель или перечитыватель романа, составив заранее график чтения известными порциями в известные сроки). Тем не менее до предпоследней и особенно последней части текст не претендует на строгое отождествление того или иного своего фрагмента с конкретным годом или с неотделимым от него событием. При этом, разумеется, сумма явных (а есть и менее явные) примет эпохи, ни одна из которых не внедрена в текст слишком навязчиво, не оставляет сомнений в том, что это – версия поступательно разворачивающейся реальности первой половины 1870-х годов.

Один из главных таких маркеров – знаменитая военная реформа, объявленная императорским указом 1 января 1874 года и в хронологии романа приходящаяся на первую зиму действия. Стоит задержаться чуть дольше на этом примере, который хорошо иллюстрирует толстовский прием условной, свободной синхронизации времени в АК со временем «реальным». Первое упоминание о реформе возникает в сцене вечера у Щербацких в Москве, где после неловких реплик Левина, переживающего неудачу своего предложения Кити, светский разговор пошел так гладко, что старой княгине не пришлось «выдвигать» имеющиеся у нее «про запас, на случай неимения темы, два тяжелых орудия: классическое и реальное образование и общую воинскую повинность <...>» (57/1:14). Второй раз речь об этом заходит через месяц или полтора по календарю романа в гостиной княгини Бетси Тверской в Петербурге, в той самой салонной беседе, с этюда которой началось создание романа весной 1873 года, то есть еще до объявления реформы. Исходная редакция была затем «осовременена» в процессе правки: Бетси, отвлекая внимание гостей от чересчур поглощенных беседой друг с другом Анны и Вронского, наводит Алексея Александровича Каренина «на серьезный разговор об общей воинской повинности», и Каренин «тотчас же увлекся разговором и стал защищать уже серьезно новый указ пред княгиней Бетси, которая нападала на него» (138/2:7)³³. А вот в дальнейшем повествовании реформа 1874 года не становится сколько-нибудь значимой фоновой деталью или предметом более пространного обсуждения в разговорах персонажей, хотя, казалось бы, это историческое событие тематически созвучно роману, в котором один из главных героев делает военную карьеру, а изображение гвардейской среды (где демократизирующая армию реформа была встречена неприязненно) занимает видное место.

³² В гл. 3 наст. изд. читатель найдет мои возражения против буквального прочтения некоторых из прямых, явных индикаторов хода времени в толстовском романе (при досадном игнорировании значимости внутренних хронометрирующих примет и синхронизирующих связей между сюжетными линиями), на каковом прочтении основываются выводы Набокова и Александрова об «опережении» Анной и Вронским Левина почти на год в начале Части 2 романа (см.: *Alexandrov V. Limits to Interpretation*. Р. 98, 103, 141–142).

³³ Соответствующие главы журнального текста вышли в номерах за январь и февраль 1875 г.: *PB*. 1875. № 1. С. 301; № 2. С. 806.

Гораздо живее, хотя и одним штрихом, обрисовано куда менее судьбоносное в историческом масштабе преобразование – усовершенствование касок в гвардейской кавалерии: забавный эпизод с гвардейцем на придворном балу, набившим новую каску конфетами в придачу к груше, который пересказывает Вронскому его сослуживец Петрицкий («Он это набрал, голубчик!» [114/1:34]), в исходной версии шел в паре с упоминанием гомосексуализма в гвардии, уже не первым на тот момент в генезисе романа³⁴, и сохранил налет двусмысленности в финальной редакции. Словом, реальность 1870-х в АК, если всматриваться в нее глубже, может сильно разойтись с хрестоматийным видением «пореформенной эпохи».

Среди других датирующих улик – накаленные дебаты о классическом и реальном образовании; бум концессий на железнодорожное строительство и становящаяся, но еще не ставшая вполне привычной легкость путешествий на поезде не единственно лишь между Петербургом и Москвой; коррупционная раздача принадлежащих казне земель в заволжской степи («башкирские земли»); новый градус полемики о «женском вопросе»; распространение в высшем обществе евангелического христианства; популяризация новейших естественнонаучных открытий, в частности Ч. Дарвина и И. М. Сеченова, и их воздействие на представления о человеческой личности и социальном прогрессе; и целая низка других, включая частности и курьезы. Некоторые из упоминаемых или подразумеваемых исторических фактов – как и военная реформа, не совершенно второстепенные для реальности героев книги – указывают не на 1874-й, а скорее на 1873-й как первый год действия. Части же 7-я и 8-я безусловно проецируются на ось исторического времени благодаря начинающим резонировать в первой из них, а во второй попадающим в самый центр внимания крупным событиям конца 1875 – первой половины 1876 года, включая острый международный кризис на Балканах и панславистский подъем в России накануне войны с Турцией 1877–1878 годов³⁵.

Что же именно добавляет анализ ранних редакций в понимание взаимосвязи между толстовским детищем и современной ему историей? Реконструируемая посредством такого анализа сложная *динамика создания романа* прихотливо сплетается с *историческим временем* и *временем действия в романе* – как он является нам в завершенном виде, – образуя трехжильный провод темпоральности. В избранном для данного исследования ракурсе особенно важно, во-первых, уяснить, как писание черновиков, переработка в развернутые редакции, правка, «отделка» (по любимому выражению Толстого) могли испытывать на себе влияние исторических ситуаций и происшествий и, в свою очередь, влиять на вымышленную реальность и течение времени в ней. Во-вторых, надо учесть и обратное влияние: написанные и сериализованные части романа, с их уже «схватившимися», отвердевшими элементами сюжета, характеристики, стилистики, не говоря уже о деталях фабулы, так или иначе обуславливали направление и характер доработки тех сцен, картин, блоков нарратива, которые относились к более поздним отрезкам действия, но могли быть написаны начерно много раньше, как бы впрок.

Приведу в этой связи еще один пример. Входящий в Часть 3 романа краткий, но для историка весьма интригующий эпизод беседы Вронского с его удачливым однокашником – только что вернувшимся из Средней Азии генералом Серпуховским (3:21) – ассоциируется в проекции на историческое время (хотя, опять-таки, не слишком жестко) с победоносным завершением Хивинского похода в середине 1873 года. По внутреннему календарю романа он

³⁴ Любитель придворных балов, груш и конфет Бузулуков слывет также обожателем молодых юнкеров (P28: 5 об.; подробнее см. гл. 1 наст. изд.). Приношу благодарность Ольге Майоровой, чье проницательное замечание об эротическом подтексте миниатюры о каске побудило меня вникнуть в рукопись, содержащую исходную редакцию этой главы.

³⁵ В нескольких последовательных редакциях именно этих, заключительных, глав содержится единственная известная мне по всему массиву изученных рукописей и корректур прямая автодатовка текста (вернее, указание на время действия в речи персонажа). В ключевом политико-философском споре на злобу дня Левин возражает своему брату, панслависту Сергею Кознышеву: «Да, но что ж за поспешность? – только сказал Левин. – Почему эти судьбы [„исторические судьбы русского народа“. – М. Д.] должны совершиться непременно в июле месяце 76-го года?» (P106: 9 об. (автограф); P108: 49; K128: 13; K130: 5 [вычеркнуто в корректуре]).

принадлежит первому году действия и приходится на середину или конец лета, еще точнее – на следующий день после традиционных гвардейских скачек в Красном Селе. Написан же этот эпизод был только в конце 1875 года, на *третий* год работы Толстого над романом (и опубликован в январе 1876-го), тогда как отделенные от него всего лишь днем в хронологии действия предшествующие главы о скачках и событиях вокруг них (2:24–28) начали разрабатываться в самом раннем, конспективном, наброске фабулы весной 1873-го, чтобы пройти конечную отделку спустя почти два года и увидеть свет в номере «Русского вестника» за март 1875 года³⁶. Такие разрывы во времени между созданием, доработкой и первой публикацией разных фрагментов, хронологически близких друг другу по календарю романа, не только порождали амбивалентность элементов сюжета или образов, задетых в *ОТ* соединительным швом, но и аккумулялировали воздействие, которое впечатления автора от «внешних» событий и обстоятельств (в данном случае – таких, как активизация имперской экспансионистской политики и возросший вес фактора Туркестана в государственных делах) могли оказывать на текст.

Сильным доводом в пользу прочтения в историческом ключе разновременных редакций *АК* является та особенность порядка и способа строительства сюжета и фабулы, что Толстой в какой-то мере сам выступал историком внутри собственного творения, а именно – в отношении немалого числа ранних черновых версий. В отличие от более или менее поступательно творившейся эпопеи «Война и мир», создание *АК* напоминает рост дерева, быстро вытянувшегося почти до своего предела высоты («почти» – ибо заключительная часть, следующая за самоубийством Анны, не планировалась в таком объеме, судя по всему, до последних месяцев работы), а затем медленно, но упорно и изгибисто раскидывающегося в стороны³⁷.

Каркас романа, с его двумя главными любовными линиями: Анны – Вронского и Левина – Кити (имена персонажей установились не сразу), сформировался действительно очень быстро, вскоре после первой пробы пера, в марте – мае 1873 года. Уставший в предыдущие два года от попыток оживить далекое прошлое в рамках задуманного романа об эпохе Петра I («Жизнь так хороша, легка и коротка, а изображение ее всегда выходит так уродливо, тяжело и длинно»³⁸), Толстой жаждал испытать свою хищную хватку наблюдателя и воображение визионера на настоящем времени и близко знакомой ему среде. Плод этого прилива вдохновения реконструирован В. А. Ждановым в качестве уже упомянутой выше Первой законченной редакции романа. Это во многом еще лишь эскиз, в который, однако, уже введена «телеология» самоубийства главной героини – набросок сцены на станции железной дороги под Москвой³⁹. Уже на той стадии работы заключительный сегмент романа связывался с сюжетной линией Левина (в *ПЗР* – Ордынцева). За наброском сцены самоубийства Анны следует пассаж, в финальной фразе которого можно увидеть эмбрион восьмой части *АК*:

³⁶ См. подробнее параграф 2 гл. 3 наст. изд. Исходную редакцию сцены скачек см.: *ПЗР*. С. 731–736.

³⁷ В случае «Войны и мира» работа над текстом, раз начавшись, разворачивалась более или менее последовательно от начала к концу фабулы: так, трудясь в 1864 году над материалом 1805 года, Толстой еще не имел в черновиках заранее набросанных зарисовок, скажем, Бородинской битвы, пленения Пьера Безухова или стычки партизан с французами, где гибнет Петя Ростов; все это даже вчерне будет написано не ранее 1867 года. Иное дело с *АК*, и не случайно, что реконструированная Первая законченная редакция «Войны и мира» в пропорции к окончательному тексту романа значительно пространнее, чем таковая *АК*: первоиздание начала романа («1805-й год») и рукописи, квалифицирующиеся одновременно и как ранние, и как законченные, составляют значительный объем текста (см.: *ПЗР*; Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е. История создания романа «Анна Каренина»; Зайденшнур Э. Е. Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Литературное наследство. Т. 94: Первая законченная редакция романа «Война и мир» / Изд. подгот. Э. Е. Зайденшнур. М.: Наука, 1983. С. 9–66).

³⁸ Фраза из письма Толстого Александре Андреевне Толстой от 1 марта 1873 года (за несколько недель до взрывного начала работы над новым романом, будущей *АК*): Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857–1903) / Изд. подгот. Н. И. Азарова, Л. В. Гладкова, О. А. Голиненко, Б. М. Шумова. М.: Наука, 2011 (далее – *ЛНТ*–*ААТ*). С. 303. Здесь и далее письма Толстого Александре Толстой цитируются по отдельному изданию их переписки, ссылки на которое даются без дополнительного указания предшествующей публикации в *Юб*.

³⁹ *ЧРВ*. С. 379–380; *ПЗР*. С. 799 (*Р73*: 8 об.; *Р102*: 57). О составе заключающих эту раннюю редакцию рукописей 73 и 102 см. подробнее гл. 2 наст. изд.

Ордынцевы жили в Москве, и Кити взялась устроить примирение света с Анной. Ее радовала эта мысль, это усилие. Она ждала Удашева [будущего Вронского. – М. Д.], когда Ордынцев прибежал с рассказом о ее теле, найденном на рельсах. Ужас, ребенок, потребность жизни и успокоение⁴⁰.

Вычеркнутые заглавные буквы, по всей вероятности, раскрываются как «Алексей Александрович» – характерным образом не оформившееся (после слов, обобщающих одну из главных идей романа) сообщение о том, как Каренин встретил гибель Анны. Наряду с подобными штрихпунктирными скетчами *ПЗР* включает в себя и череду ярких картин и звеньев нарратива, в которых сегодняшний читатель романа легко опознает протографы ключевых, драматических моментов или даже только нюансов, но нюансов колоритных; есть здесь и немало того, что не дойдет до *ОТ*.

Иными словами, весной 1873 года Толстой прочертил траекторию действия, расставив флажки на узловых пунктах драмы и интриги. Спустя недолгое время, в конце того же года и начале следующего, 1874-го, он предпринял попытку ускоренного завершения *АК*, почти одновременно переделывая из исходной редакции или наново творя главы и зачины, и кульминации, и развязки – и планируя выпустить произведение сразу же книгой, без предварительной сериализации. Эта вторая вылазка пишущего автора в различимую его мысленным взором пока не вполне ясно «даль свободного романа» (свободного, однако, не по-пушкински – лишь настолько, насколько позволял уже вынесенный героине авторский приговор) будет рассмотрена на этих страницах подробнее, чем освещена в предшествующих исследованиях творческой истории *АК*, где такой – фронтальный – алгоритм построения сюжета и фабулы связывается преимущественно с самой начальной фазой воплощения замысла⁴¹.

Фронтальный штурм сменяется иной, скорее осадной, стратегией с середины 1874 года, вместе с отказом от тогдашнего проекта книжного издания. Имея в своем распоряжении теперь уже достаточно объемистую, но далеко не завершенную редакцию всего романа, Толстой сосредотачивается на ее расширении, переработке, правке и огранке в последовательности текста, часть за частью, сплотка за сплоткой глав, без перелетов между несмежными разделами. С января 1875 года эту постепенность писания диктовала и начавшаяся в «Русском вестнике» сериализация романа. Автор, за год с небольшим утративший первоначальный азарт сотворения новой книги и увлеченный другими занятиями, включая напряженные религиозные искания, нередко медлил месяцами⁴², а затем, все-таки дождавшись рабочего «состояния духа», спешил изготовить нужную порцию глав к крайнему сроку, так что для опережающего сериализацию раздумчивого писания на перспективу просто не было времени. (Этому порядку писания мы обязаны возможностью хотя бы приблизительных датировок написания фрагментов текста, отсутствующих в пробных цельных редакциях 1873 и 1874 годов, но наличествующих в такой-то порции журнальной публикации.)

Многие из толстовских рукописей являют собою смешение в разных пропорциях характеристик беловика, черновика, конспекта для памяти. В этой своей полифункциональности они могут стать объектом для применения и новейших методов генетической критики, сфо-

⁴⁰ *P102*: 57. В публикациях (*ЧРВ*. С. 380; *ПЗР*. С. 799) вычеркнутое не воспроизведено.

⁴¹ Так, В. А. Жданов полагал, что «создание новых цельных вариантов произведения» уступило место поэтапной работе над частями романа уже, как ясно из предложенных им же датировок рукописей в *ОпР*, осенью 1873 года (Жданов В. А. Творческая история «Анны Карениной». С. 36–37; см. о рукописях 11 и 12, содержащих, по Жданову, шестую редакцию первой части романа: *ОпР*. С. 194). Далее в гл. 2 наст. изд. делается попытка реконструировать позднейшую *цельную* редакцию, соотносимую с проектом публикации *АК* сразу книгой в 1874 году.

⁴² Не стоит, однако, принимать частые жалобы в письмах Толстого на нежелание писать *АК* за свидетельство полной утраты интереса к роману (ср. суждение Эйхенбаума: «Работа над романом, возобновившаяся „поневоле“ (по словам С[офьи] А[ндреевны]) в январе 1875 г., шла до лета 1877 г., но с перерывами и большей частью без настоящего увлечения» [Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. С. 648]). В периоды интенсивной работы над романом таких сетований в письмах заметно меньше или нет вовсе; немало и других знаков того, что вкус к сочинению *АК* не пропал у Толстого напрочь.

кусированных на взаимодействии интеллигибельных и материальных компонентов процесса создания текста. Опираясь на концепцию «расширенного сознания» (*extended mind*), такая критика осмысляет рукописи в их материальности как не столько оставленный стихией творчества «след», пепел отгоревшего пламени, сколько одно из прямых слагаемых авторского сознания – фактор творчества, сопоставимый с тем напряжением авторской мысли, что осталось не овеществленным посредством чернил (или графита) и бумаги⁴³. Речь идет, например, о специфике размещения рукописного текста на странице, начертания тех или иных слов. Для рукописей АК типичный случай такого рода – погрешность копииста в слове или целой синтагме при перебеливании черновика: позднейшая встреча автора с подобной нечаянной «коррективной» могла дать, словно толкнув под руку, не восстановление оригинального чтения, а новый, свежий вариант.

Тому способствовала и сама организация яснополянского скриптория. Ведь многие фрагменты и целые сегменты романа дорабатывались или даже наново создавались под давлением срочного обязательства перед журналом. Самые первые, писанные слитным неразборчивым почерком, черновики глав немедленно отдавались на перебеливание копиисту (которым в те годы уже далеко не всегда могла быть хорошо читавшая руку мужа Софья Андреевна), возвращались в виде промежуточного беловика автору и тут же становились новым черновиком, испещренным правкой и подлежащим новому перебеливанию. В знакомом миллионам читателей романе находится немало мелких, но все-таки чувствительных изменений авторского текста, первопричиной которых был поспешавший вслед за Толстым переписчик или типографский наборщик. В сущности, старания уже нескольких поколений текстологов доказательно обнаружить такие разночтения⁴⁴ – еще одно свидетельство того, как вроде бы заверченный, застывший текст продолжает хранить в себе напор своего движения. Каждый из тех временных беловиков, что благодаря копиистским услугам быстро сменяли на столе Толстого предыдущие автограф или правленную копию, стимулировал, если не провоцировал – хотя бы уже своими вместительными полями и межстрочными интервалами (в противоположность авторской, очень плотной, манере заполнения страницы) – очередной раунд правки и в силу того был неотделим от самого мотора творчества.

В целом вся эта огромная и долгая работа обернулась не предвиденными заранее экспансией и углублением сюжета, встраиванием новых тем, персонажей и образов в уже прорисованную канву. Автору приходилось возвращаться к прежним редакциям для их доработки и гармонизации с новым текстом через всё большие промежутки. Так, первая развернутая редакция глав о героине накануне ее самоубийства дожидалась решающих пересмотра и правки более трех лет, а такая же редакция глав предшествующей части о жизни Анны с Вронским в его Воздвиженском – более трех с половиной⁴⁵.

Вовлеченный в сложный процесс переработки черновиков, Толстой уподоблялся не только критически настроенному исследователю генезиса собственного творения, но и отчасти – своим тогдашним читателям. Анализируя читательскую рецепцию АК на стадии сериализации, когда – при долгих паузах и трудности иметь под рукой все необходимые журнальные выпуски – было совсем непросто составить цельное представление о романе и тот мог читаться как своего рода подборка очерков, У. Тодд отмечает, что Толстой и сам прочитал свой роман последовательно и целиком только летом 1877 года, готовя при участии Н. Н. Страхова его

⁴³ См. напр.: Van Hulle D. *Modern Manuscripts: The Extended Mind and Creative Undoing from Darwin to Beckett and Beyond*. London: Bloomsbury, 2014. P. 8–13, 183–185, 206–207 et passim.

⁴⁴ См.: Жданов В. А., Зайденшур Э. Е. Текстологические пояснения // Толстой Л. Н. Анна Каренина. С. 834–855 (Серия «Литературные памятники»); Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды. С. 478–481; Можарова М. А. Из истории изучения рукописей романа «Анна Каренина»: По материалам архива Л. Д. Громовой-Опульской // От истории текста к истории литературы. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 492–502.

⁴⁵ См. параграфы 3 и 4 гл. 2 наст. изд.

издание отдельной книгой⁴⁶. Этим ретроспективным самопрочтением Тодд объясняет характер правки, внесенной тогда автором в текст журнальной публикации (правки, впрочем, преимущественно технической); в настоящем исследовании предлагается рассмотреть под аналогичным углом зрения несколько важных этапов работы над текстом романа *еще до завершения* сериализации, когда Толстой перечитывал уже давно написанные им черновики.

Так как немалая доля производившейся правки состояла в приглушении и сокращении («деперсонализации»⁴⁷) излишне прямолинейных или пространных высказываний нарратора, а также в примирении разнящихся между собою проб одной и той же характеристики или оценки золотую (как виделось автору) серединой⁴⁸, то весьма интересные результаты в историзирующем изучении черновиков сулит применение приема *reading against the grain*, «чтения против шерсти»⁴⁹. Иначе говоря – пристального прочтения в поиске того, что противоречит главенствующим тенденциям и мелодиям произведения, задаваемым нарратором в его функции всезнания или авторскими идейными и ценностными установками. Подобно историку, объясняющему событие цепью причин, Толстой не раз бывал вынужден предпослать уже давно готовым вчерне ключевым сценам целые сегменты нового текста, призванного послужить предысторией, «замедлить действие» (Жданов)⁵⁰, обосновать и сделать более логичным драматизм сцены; но как художник он должен был делать это, маскируя свое вторжение в уже частично созданную реальность. Отсюда вольные и невольные умолчания и недоговоренности в *ОТ*, уясняемые только в сравнении с черновиками; и такое сравнение – именно та точка зрения, которая позволяет уловить в «сглаженном» финальном тексте не только условность притязающих на истину высказываний нарратора, их релятивизацию показом внутреннего мира персонажей, как отмечает В. Александров, но и изменчивость форм сопряжения между этими прямыми высказываниями и посланиями на ту же тему, заключенными в образах и символике персонажей.

Наконец, памятуя знаменитое, легшее в основу многих исследований романа⁵¹ изречение Толстого о «бесконечном лабиринте сцеплений» мыслей, выраженных через описанные словами «образы, действия, положения»⁵², можно подойти к ранним редакциям как неотъемлемой части этого «лабиринта». Для произведения, которое первоначально публиковалось в журнале порциями, зачастую дописывавшимися в большой спешке, и затем не подвергалось радикальному пересмотру, грань между окончательной и предшествующими редакциями не так уж резка. Толстовские «сцепления» – смысловые ассоциации, метонимии, перекрестные аллюзии, даже созвучия и фонемные переключки – не только пронизывают текст, дошедший до печати и отчасти волею случая обратившийся затем в «канонический», но и спускаются в толщу чернового материала. Если прочитать несколько «против шерсти» другой хрестоматийный – и не по-толстовски несмиранный – авторский отзыв об *АК*: «Я горжусь <...> архитектурой – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. <...> Связь [надписано над зачеркнутым: Единство. – М. Д.] постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве)

⁴⁶ Todd III W. M. The Responsibilities of (Co-)Authorship: Notes on Revising the Serialized Version of «Anna Karenina» // Freedom and Responsibility in Russian Literature: Essays in Honor of Robert Louis Jackson / Ed. E. Allen and G. Morson. Evanston, Ill.: Northwestern University Press & The Yale Center for International and Area Studies, 1995. P. 159–169, особ. p. 166.

⁴⁷ Alexandrov V. Limits to Interpretation. P. 134–135.

⁴⁸ См. важные наблюдения на этот счет: Жданов В. А. Творческая история «Анны Карениной». С. 171–183.

⁴⁹ Интересны опыты такого прочтения ряда сцен в *АК* Э. Найманом: Naiman E. Kalganov // Slavic and East European Journal. 2014. Vol. 58. № 3. P. 398, 405–406; Idem. Tolstoy's Hinges // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. Part I / Ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 2014. P. 74–79.

⁵⁰ Жданов В. А. Творческая история «Анны Карениной». С. 91–93.

⁵¹ См. напр.: Stenbock-Fermor E. The Architecture of Anna Karenina: A History of Its Structure, Writing and Message. Lisse: Peter de Ridder Press, 1975.

⁵² Формулировки из письма Толстого Н. Н. Страхову от 23?...26 апреля 1876 г.: Толстой–Страхов. С. 267–268.

лиц, а на внутренней связи»⁵³, – то архитектурная метафора, с ее характерной тавтологией («связь постройки», держащаяся на «внутренней связи»), повернется другим боком. Принимая *ОТ* за абсолютно цельное сооружение, мы рискуем упустить из виду не только секрет нарочито незаметно сомкнутых сводов тематики и символики, но и важные детали несущих конструкций сюжета и фабулы, более или менее стихийно уцелевшие от первоначального плана. Это могут быть, например, те грани в знакомых нам по конечной версии образах, которые в ранних редакциях смотрятся по-своему логичнее, будучи связаны теснее в повествовании с социоисторическим профилем персонажа.

Композиция моей книги чередует главы, в основном повествующие о разнообразных преломлениях в *АК* фактуальной реальности 1870-х годов, с главами, где подробно рассматривается генезис текста толстовского романа, но по-прежнему в тесной увязке с социально и политически значимыми темами и мотивами.

Первая глава анализирует изображение – как в рукописных редакциях, так и в *ОТ* – современного роману петербургского бомонда и корреляцию этих картин с жизненным опытом и кругом общения автора⁵⁴. Упор делается на раскрытие отсылок к реальным лицам, ситуациям и происшествиям – аллюзий, важных для нюансированного понимания архитектоники и характерологии романа. Мой анализ не претендует на установление конкретных прототипов героев, да и категория прототипа как таковая представляется мне малопродуктивной в изучении системы персонажей *АК*⁵⁵. Скорее цель главы состоит в том, чтобы показать роман Анны и Вронского – несколько не отменяя его философских, эстетических и прочих смыслов – развертывающимся в силовом поле сложных взаимоотношений внутри совершенно определенной среды. Эта глава может читаться и как очерк различных субкультур, существовавших в придворно-аристократическом социуме эпохи «позднего» Александра II.

Глава вторая открывается рассмотрением элемента сюжета *АК*, который, не будучи центральным для вневременной тематики романа, тем не менее опосредует собою несколько его ключевых мотивов, а в генезисе текста играл роль функционально значимой сюжетной переменной. Это совершение или (как установилось в конце концов) несовершенство официального развода между Анной и Карениным. Как мы увидим, в течение почти трех лет, до начала 1876 года, автор оставлял открытым для себя вопрос, должна ли Анна в кульминационной точке романа, связывая свою судьбу с Вронским, отказаться от законного расторжения брака, на который пока еще соглашается ее муж. В этой двоякости мною усматривается нечто большее, чем лишь внешняя, юридическая «развилка» в драме супругов Карениных – а вместе с ними и Вронского. Колебание в авантексте между разводом как свершившимся фактом и разводом как истончающейся возможностью предстает производным от поиска ракурса, в котором надлежало показать, как «усложненные формы» жизни большого света адаптируют букву закона к неписаным нормам социализации и иерархизации.

Валентностям темы брака и развода уделяется особое внимание в последующих параграфах главы второй и на протяжении всей *главы третьей*. Выбор между альтернативными вариантами сюжета, как и модусами трактовки персонажей, определял специфику реконструируемой мною редакции романа, которая при всей своей неоднородности и подвижности схва-

⁵³ Юб. Т. 62. С. 377, 378 примеч. 4 (письмо С. А. Рачинскому от 27 января 1878 г.).

⁵⁴ Мне представляется перспективным предложенный недавно А. Л. Зориным подход к использованию свидетельств о жизненном опыте писателя для интерпретации поэтики художественного произведения: Зорин А. Л. Улыбка Наташи Ростовской: «Война и мир» в интертекстуальной и биографической перспективе // Шаги/Steps. Т. 5. № 2. 2019. С. 86–109.

⁵⁵ См. характерный случай прямолинейного подхода к установлению прототипа одного из героев *АК*: Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. Изд. 2-е. СПб., 2007.

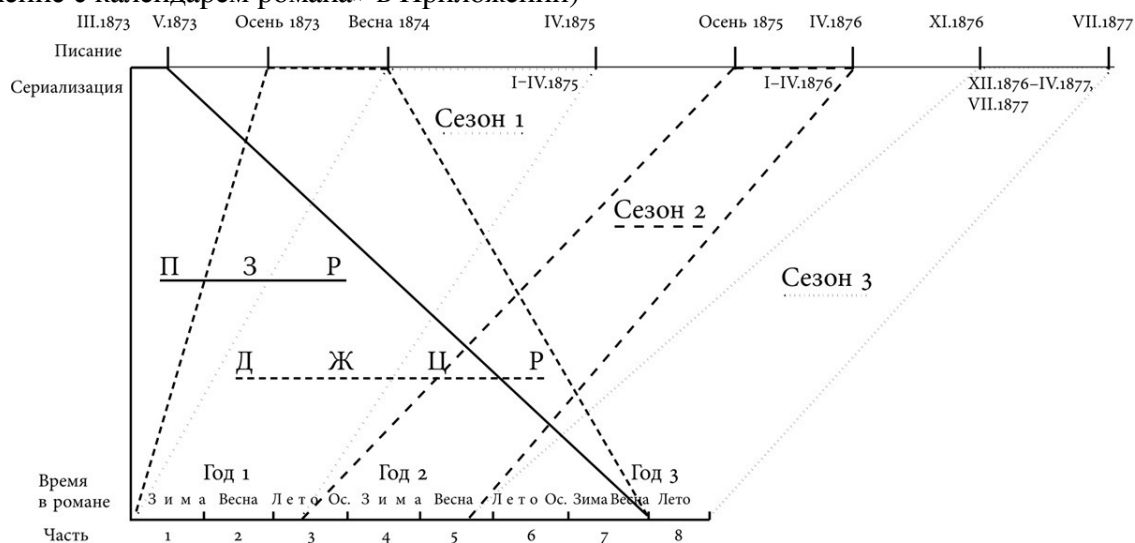
тилась в главных чертах к весне 1874 года, когда Толстой рассчитывал издать вскоре *АК* книгой. В дальнейшем, когда вместо книжного издания была предпринята сериализация романа – технически это был процесс поэтапной ревизии и расширения дожурнальной редакции, – заключенный в вопросе о разводе сюжетослагающий потенциал вступал в перекрещивающиеся комбинации с такими различными мотивами произведения, как власть, честь, карьера, суицид, что запечатлелось и в *ОТ*. Завершается глава третья анализом того, как творческая воля автора и его рефлексия над собственным письмом взаимодействовали с внутренней логикой образа героя и приоритетами мимесиса в создании кульминационных сцен романа – покушения Вронского на самоубийство и отказа Анны от развода.

Вторжению общественной и политической злобы дня в работу Толстого над *АК* и его последствиям посвящена *глава четвертая*, в фокусе которой – последние полгода творческой истории романа и, соответственно, вторая половина книги, а в особенности ее заключительная, восьмая, часть (первоначально именовавшаяся эпилогом). В данной главе подробно рассматривается то, как размышления и переживания Толстого, вызванные событиями 1876 и первой трети 1877 года – прежде всего бурным подъемом в России панславизма и пропагандой праведной войны с Турцией, – воздействовали на достройку сюжета и характерологии (в первую очередь образа Каренина) и на кристаллизацию мировоззренческого задания романа. В перспективе исторического подтекста и контекста особую значимость имеет эволюция присутствующих уже в первой половине романа – и восходящих к самым ранним пластам авантекста – отсылки к политически влиятельной панславистской дамской котерии: ближе к концу книги они выливаются в анатомирование псевдорелигиозной экзальтации, которая виделась Толстому одним из самых отталкивающих свойств праздно умствующей элиты.

Как и четвертая, *глава пятая* сосредоточена на проблематике, артикулированной со всею полнотой в заключительной части *АК*, но глава эта в своем анализе вызревания авторского замысла возвращается к срединному этапу генезиса романа и оттуда следует к финалу новым маршрутом – тем, который прочерчивает эволюция образа Константина Левина. В центре внимания – социальные и социокультурные, порой вполне будничные характеристики персонажа: окончивший университетский курс отпрыск старого дворянского рода; владелец весьма крупного, но далеко не огромного имения в среднерусской губернии к югу от Москвы; хозяйствующий в тесном контакте с крестьянами помещик; автор незавершенного трактата о рабочей силе в сельском хозяйстве России. Все это выставляется на передний план не ради редукции Левина к известному типу дворянина-землевладельца пореформенной эпохи, а чтобы показать, как во взаимодействии с исторической тканью образа развивалась тема глубоко личного «непосредственного чувства» – некоего благого экзистенциального наития, противопоставляемого в философии *АК* разным изводам ложной духовности и губительной восторженности. Тот «несомненный смысл добра», который Левин, согласно замыкающей роман фразе, «властен вложить» в свою жизнь (684/8:19), оказывается зависим и от самых прозаических, исторически конкретных материй этой жизни.

Завершая введение, сформулирую суть моего подхода к анализу *АК*. На этих страницах я часто применяю к литературному тексту инструментарий историка и опираюсь на свидетельства из эпистолярных, мемуарных и прочих документов того времени, но делается это не для инкрустации беллетристическими виньетками исторического исследования – в чем многие историки, включая и меня, находят вполне оправданное удовольствие, – а для вклада в понимание самого романа. Если угодно, эта работа – урожай, который снят с делянки историка, возделанной своим методом, но на литературоведческом поле, посреди его восхитительной чересполосицы. При этом я надеюсь, что мои трактовки в чем-то почти осязаемого, а в чем-то призрачного, ускользающего мира, созданного воображением Толстого, будут бесполезны и для исторического познания той реальности России 1870-х, опыт жизни в которой автор *АК* так изобретательно переплавлял в вымысел.

Схема 1. Хронология работы над романом и его внутренний календарь
(см. также табл. «Сериализация АК в „Русском вестнике“ в 1875–1877 годах и ее соотношение с календарем романа» в Приложении)

На верхней оси выделены пять стадий *интенсивной* работы Толстого над рукописными редакциями и/или журнальными выпусками романа – создание Первой законченной и Дожурнальной цельной редакций (*ПЗР*, *ДЖЦР*) и поэтапные переработка и завершение текста для печати. Под «сезоном» здесь имеется в виду период не только печатания определенной порции текста (сериализации), но и предшествующей подготовки. На нижней оси отображены структура АК (восемь частей) и внутренний календарь в их соотношении со стадиями работы над романом. Различие в пропорциях между отрезками сверху и их проекциями внизу передает изменчивую корреляцию между ходом работы и течением романного времени.

Глава 1

БОЛЬШОЙ СВЕТО-ТОЛСТОВСКИ ОБРАЗЫ И АЛЛЮЗИИ

В начале июля 1874 года, через год с лишним после того, как Толстой в один прекрасный мартовский день приступил к созданию нового романа, эссеист и литературный критик, обозреватель «Войны и мира» Николай Николаевич Страхов навестил автора в Ясной Поляне⁵⁶. В те недели Толстой с нарастающим разочарованием вычитывал и правил корректуру так называемого дожурнального набора Части 1 АК (не для сериализации в «Русском вестнике», которая начнется в январе 1875 года, а для планировавшегося тогда издания книгой) и еще питал надежду на то, что переработка черновиков дальнейшего повествования в финальный текст не растянется надолго. Страхов стал одним из тех очень немногих, кому посчастливилось прочитать или прослушать в авторском чтении будущие знаменитые сцены в ранних редакциях, задолго до публикации готового произведения. С должной почтительностью к другу-кумиру он попытался внести малую лепту в творимый шедевр⁵⁷. Через несколько недель после отъезда из Ясной Поляны он достаточно обдумал свои впечатления, чтобы поделиться ими в письме:

Вы справедливо заметили, что в иных местах Ваш роман напоминает «Войну и мир»; но это только там, где сходны предметы; как только предмет другой, то он является в новом свете, еще невиданном, небывалом в литературе. Развитие страсти Карениной – диво дивное. Не так полно, мне кажется, у Вас изображено (да многие части и не написаны) отношение света к этому событию. Свет радуется (какая удивительная черта!), соблазн соблазняет его; но является реакция, отчасти фальшивая, лицемерная, отчасти искренняя, глубокая. Я не знаю хорошенько, что у Вас тут будет <...> но тут должно быть что-нибудь очень интересное, очень глубокое <...>⁵⁸

Комментатор не ошибался, указывая на прорисовку, пусть и штрихпунктирную, неоднородности высшего общества. В том массиве текста, с которым, как можно уверенно предполагать, он ознакомился (а сюда входила и исходная, но уже развернутая редакция глав об Анне накануне самоубийства)⁵⁹, намечены и различные черты в коллективном портрете бомонда, и различные – от саркастического до нейтрально-дружелюбного – регистры повествования о светских персонажах. Уснащая свою акколаду выгодным сравнением, Страхов, не чуравшийся в общении с Толстым грубой лести за чужой счет, предсказывал, что Тургенев, «специалист по части любви и женщин», непременно «обозлит[ся]» и что «Ваша Каренина разом убьет всех его Ирин и подобных героинь <...>». Здесь примечательно не столько убеждение заведомо пристрастного критика в том, что соперник Толстого в своих «светских историях» «осуждает что-то второстепенное, а не главное, что например страсть осуждается потому, что она недостаточно сильна и последовательна, а не потому, что это страсть»⁶⁰, сколько конкретизация сравнения ссылкой на тургеневский роман «Дым». Написанный и изданный во второй половине 1860-х, с отнесением основного действия к 1862 году, «Дым» в ряде своих глав был довольно смелым опытом характеристики вполне определенной, легко узнаваемой среды *современного*

⁵⁶ *Летопись*. С. 422.

⁵⁷ Подробнее о знакомстве Страхова с редакцией 1874 года см. в гл. 2 наст. изд.

⁵⁸ *Толстой–Страхов*. С. 171 (письмо от 23 июля 1874 г.).

⁵⁹ О редакции 1874 года, для которой я использую название Дожурнальная цельная (ДЖЦР), в ее полном составе см. гл. 2 наст. изд.

⁶⁰ *Толстой–Страхов*. С. 171–172.

бомонда, интимно смежной с самим правящим домом. В частности, история превращения княжны Ирины Осининой в генеральшу Ратмирову была вариацией на тему как достоверных, так и преувеличенных слухов о нравах дворов и Николая I, и Александра II⁶¹. В этом качестве, независимо от пренебрежительных отзывов и Страхова, и – несколькими годами ранее – самого Толстого⁶², повесть Тургенева торила дорожку «Анне Карениной», чей резкий фокус наведен на тот же объект похожим политически небезобидным манером.

В настоящей главе речь пойдет о том, как толстовский вымысел вбирал в себя сложную и деликатную ситуацию внутри и вокруг династии Романовых в 1870-х годах. То десятилетие было отмечено контрастом между глубоким разладом в царской большой семье, вереницей династических скандалов и сопутствующим затуханием официальной, публично зримой активности двора, с одной стороны, и возрастанием как символической, так и политической роли близких ко двору неформальных группок и котерий, с другой. В великосветской жизни появлялись тогда и новые фигуры, и новые стиль и кураж, и новые финансовые аппетиты, и новое сознание того, что, завися во многом от ядра монархии, аристократия в чем-то от него автономна. Ниже я постараюсь показать, как изображение этих тенденций, находя поддержку в личных реминисценциях и впечатлениях Толстого, служило приводным ремнем между динамикой событий и веяний середины 1870-х и генезисом текста романа.

⁶¹ О теме большого света в «Дыме» см. напр.: *Покусаев Е. И.*, при участии Е. И. Кийко [Вводная статья к примечаниям: И. С. Тургенев. Дым] // *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 515–519.

⁶² Юб. Т. 61. С. 172 (письмо А. А. Фету от 28 июня 1867 г.).

1. «Круг внешне скромный, но могущественный»

Трудно сказать, в каких именно героях и эпизодах Страхов усмотрел при первом знакомстве «искреннее» и «глубокое» противодействие (именно в этом значении употреблено слово «реакция» в цитированном выше отклике) «соблазну», заключенному в любовной истории Анны и Вронского. Но появление важной темы, той, которая в череде последующих редакций и в *ОТ* романа будет контрапунктом сопутствовать изображению плотской любви и земной страсти, в самом деле фиксируется в авантексте 1873–1874 годов. Порождаемый сексуальным влечением «соблазн» находит свой *псевдоантипод* в той особого толка рафинированной религиозности, что в мимесисе и имагинариуме Толстого почти неизменно выступает как заблуждение или фальшь, а в данном случае еще и ассоциируется более или менее явно с *влиянием и властью* женщины, не реализовавшей себя в материнстве. Это сопоставление в *АК* саморазрушительной витальности и спиритуализированной безжизненности лучше уясняется при привлечении к анализу исторического и биографического материала.

В реконструированной В. А. Ждановым и Э. Е. Зайденшнур Первой законченной редакции романа, датируемой весной 1873 года, тема великосветского благочестия только намечается, но уже получает своего представителя в лице персонажа – не центрального, но и не совершенно второстепенного. Это отсутствующая в *ОТ* сестра обманутого мужа, зовущегося в соответствующих рукописях где-то Ставровичем, а где-то уже Карениным, – Катерина Александровна, известная в свете как Кити. (На том же этапе работы Толстой вводит в роман под тем же именем, но для другой сюжетной линии юную главную героиню, которой англизированный диминутив пойдет больше.) «Душа в кринолине», как окрестили ее светские остряки, незамужняя Кити осведомлена об адюльтере невестки, избегает появляться с нею вместе в обществе, боясь скомпрометировать себя, но скрывает от нерешительного, мнущегося брата правду. Спрошенная им наконец в лоб, она отвечает запиской, утрирующей тон христианского смирения: «Я молилась и просила просвещения свыше. <...> [М]ы обязаны сказать правду. <...> Это знает весь город. Что тебе делать? Я не знаю. Знаю одно, что Христово учение будет руководить тобой». После расставания Каренина (согласно этой версии – посредством официального развода) с Анной его сестра посвятила себя воспитанию племянника – «прекрасного 8-летнего мальчика». Но ее педагогическая добросовестность лишь подчеркивает безжизненность якобы семейной атмосферы: «Недоставало света, освещавшего все. В домашней и воспитательной деятельности Катерины Александровны было постоянное выражение строгого выполнения долга, и все дело шло хорошо, но усиленно, трудом <...>»⁶³.

При всей фрагментарности повествования в этой ранней редакции нарратор успевает кивнуть нам на просматривающийся за набожной Катериной Александровной светский кружок – тех «друзей Алексея Александровича и его сестры», которые после огласки измены его жены и его жертвенного поступка – примирения и с женой, и с любовником – старались отвести от него насмешки злорадствующей публики. Среди этих сочувствующих выделяются «дамы <...> высшего петербургского православно-хомяковско-добродетельно-придворно-жуковско-христианского направления»⁶⁴. Процитированное шестичленное определение, где православие, казалось бы, без нужды дублируется христианством, придворность подозрительно близко соседствует с добродетельностью, а имена В. А. Жуковского и А. С. Хомякова намекают на непридуманных высокопоставленных почитательниц поэзии религиозного чувства и славянофильской духоподъемной литературы, было политически и этически рискованным, но Толстой, как мы увидим чуть ниже, определенно им дорожил.

⁶³ *ПЗР*. С. 718, 736, 738, 790–791.

⁶⁴ Там же. С. 791.

По прошествии примерно полугода, в конце 1873 – начале 1874 года, уже разработав вчерне сцены кульминации и даже развязки⁶⁵, автор сосредоточился на Части 1 романа. Если в редакции весны 1873 года главная героиня в ее сексуальном влечении к сильному мужчине скорее вульгарно эксцентрична, чем изысканна (по выражению А. Зорина, она «изображена <...> как похотливая самка, не столько безнравственная по своей природе, сколько исходно существующая вне всякой нравственности»⁶⁶), то в новых, быстро сменяющих друг друга редакциях начальных глав романа Анна в первых же упоминаниях других персонажей о ней предстает сколь обаятельной – обаянием молодости, – столь же и респектабельной дамой, ассоциируемой с открытым только для избранных кружком внутри бомонда. Мотив аффектированной женской религиозности получил новое развитие на этой стадии писания, и примечательно, что в нескольких случаях сама Анна выступает носителем некоторых ярко выраженных свойств, которые толстовская этика квалифицировала как ханжеские.

В одном из вычеркнутых мест рукописи, где уже пришедшее ему в голову заглавие «Анна Каренина» автор заменяет было на антитетическое «Два брака», Анна в разговоре со Стивой по приезде в Москву предваряет свое обещание помочь в примирении с Долли квиетистским нравоучением: «Один Тот, Кто знает наши сердца, может помочь нам». Облонский «знал этот выпененный несколько притворный, восторженный тон религиозности в сестре», но «знал тоже, что под этой напыщенной религиозностью в сестре его жило золотое сердце»⁶⁷. В свою очередь, Долли, преодолевая нежелание встречаться с Анной, убеждает себя в том, что «видела от нее только ласку и дружбу – правда, несколько приторную, с аффектацией какого-то умиления, но дружбу». Тем не менее она «с ужасом и отвращением» представляет себе «те религиозные утешения и увещания прощения христианского, которые она будет слышать от золовки»⁶⁸. Соседство таких черт, как притворность и приторность, оказывается здесь больше чем следствием употребления слова по созвучию с другим.

К той же редакции относится вычеркнутый в правке фрагмент, где Анна после бала, уже увлеченная Вронским, спеша уехать в Петербург, мысленно рисует перспективу скорого возвращения к привычным заботам и занятиям: «Утром визиты, иногда покупки, всякий день посещение моего приюта, обед с Алексеем Александровичем и кем-нибудь еще и разговоры о важных придворных и служебных новостях»⁶⁹. Частые визиты в опекаемый приют – атрибут стиля жизни дамы, вовлеченной в светскую благотворительную деятельность.

В чуть более ранней рукописи среда, культивирующая подобную религиозность, предстает перед нами в восприятии Вронского, который, в отличие от позднейшего Вронского *ОТ*, сочетает аристократизм с интеллектуальной серьезностью и свободой от служебного честолубия. Он «особенно не любил тот петербургский кружок, которого Анна Аркадьевна составляла украшение» и «главным лицом» в котором был ее муж. Заметим, что в этой, ранней, версии чуждость Вронского окружению его будущей возлюбленной – это не следствие безразличия богатого, ведущего разгульную жизнь молодого гвардейца к благопристойному собственному свету, и особенно его штатско-вельможному крылу, а отчуждение осознанное:

Это был тот кружок, который Вронский называл шуточно: утонченно-хоямяковско-православно-женско-придворно-славянофильски добродетельно изломанный. И ему много лжи, притворства, скромности и гордости казалось

⁶⁵ О рукописях 68, 70 и 102 см. параграфы 2–4 гл. 2 наст. изд.

⁶⁶ Зорин А. Жизнь Льва Толстого: Опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 113.

⁶⁷ Р17: 44.

⁶⁸ Р17: 44 об. (вставка на полях копии). Опубл.: ЧРВ. С. 153 (отрывок 23).

⁶⁹ Р18: 24 об. (нижний слой).

в этом тоне, и он терпеть не мог его и лиц, как Каренины, мужа, жену и сестру, которые составляли его⁷⁰.

Новый вариант цитированной аттестации, и вновь исходящей из уст Вронского, возникает на полях той копии Части 1, что была подготовлена к марту 1874 года для типографского набора (все тот же нереализованный проект издания отдельной книгой без журнальной сериализации). В этой рукописи, хотя она и мыслилась беловой, Толстой продолжал править текст, иногда весьма существенно, и не все из начатых переделок были завершены, оставшись на странице зачеркнутыми набросками – свидетельством пройденных развилок в развитии сюжета, фабулы, характерологии. Один из таких набросков был сделан с целью дополнить беседу в гостиной Щербацких, происходящую за день до приезда Анны в Москву, болтовней о ней между гостями. В ответ на слова Кити Щербацкой об общепризнанной добродетельности Анны Вронский отождествляет ту со светской котерией в Петербурге, которая выделяется как нечто особенное по целому ряду признаков (и это самая вдумчивая реплика в разговоре о знакомой многим столичной даме):

[Э]та религиозность и добро – принадлежность *grande dame* известного круга <...> И, если я не ошибаюсь, Анна Аркадьевна Каренина составляет украшение того добродетельно-сладкого, хомяковско-православно-дамско-придворного кружка, который имеет такое влияние в Петербурге⁷¹.

Пассаж, хотя и не перешедший в следующую редакцию, обозначил в авантексте усиленный затем акцент на исключительной влиятельности дамского кружка. (Занятная параллель: шестнадцатью годами раньше Толстой вычеркнул в своем дневнике колкость с похожим набором эпитетов по адресу своей придворной тетушки графини Александры Андреевны Толстой, к чьей фигуре мы еще внимательно присмотримся: «Начинает мне надоедать ее сладость придворно христианская»⁷².)

В дальнейших редакциях Толстой не будет целенаправленно экспериментировать с интеграцией темы фемининной религиозности непосредственно в образ Анны⁷³. Хотя героиня последующих редакций и *ОТ* в своей социализации близка – до встречи с Вронским – к пресловутому кружку, она остается в стороне от его секулярных тайнств, а в ее личности и поведении не проглядывает патентованной набожности. И все-таки не стоит забывать о возникающем в нескольких автографах профиле восторженно-благочестивой Анны. Не отзывается ли эта мимолетная инкарнация в том, как Анна – персонаж заверщенного романа драматизирует собственную любовную страсть, усматривая в ней с самого начала роковое проклятие? Умиление горним и отторжение от того, что воспринимается как низменное, могут быть одинаково выпрыгнутыми и напыщенными; чрезмерный восторг, испытываемый человеком в связи с одним чувством в своей душе, находит родственную противоположность в священном ужасе перед другим. Я не берусь здесь решить, допустима ли такая трактовка образа, но сам вопрос, думается, заслуживает постановки. Повод вернуться к нему еще представится ниже в гл. 4, при

⁷⁰ *ЧРВ*. С. 143 (*Р13*). Ср. *ОТ*: «[З]наю его по репутации и по виду. Знаю, что он умный, ученый, божественный что-то...» – говорит «рассеянню» Вронский Стиве при упоминании Алексея Александровича (64/1:17). Эпитет «божественный» (в значении «набожный», «благочестивый») в ранней версии прилагается ко все той же Кити, сестре Каренина (*ПЗР*. С. 736).

⁷¹ *Р19*: 61 (вставка рукой автора на полях наборной рукописи, не перенесенная в копию и затем вычеркнутая). Опубл. без различения текста копии и автографа: *ЧРВ*. С. 134.

⁷² *Юб*. Т. 48. С. 14 (запись от 25 апреля 1858 г.).

⁷³ Эхо такой трактовки образа еще слышится во вставке от руки в одной из корректур дожурнального набора Части 1 (апрель – июль 1874 г.): «Христианские же увещания Долли ожидала от своей золовки потому, что, когда она видела ее последний раз в Петербурге, Анна жила и обращалась в высшем утонченно православно религиозном петербургском кругу и была увлечена им» (*К111*: 9; опубл.: *Гудзий Н. К.* Описание рукописей и корректур, относящихся к «Анне Карениной» // *Юб*. Т. 20. С. 668; см. также о корректуре 111: *ОпР*. С. 227).

рассмотрении того, как толстовский роман определяет, уже встроив ее в фабулу, эмотивную природу экзальтированной религиозности.

Пока же обратимся к решающему этапу формовки того женского персонажа, в котором ложная, салонная праведность в конце концов находит свою персонификацию. Это произошло на рубеже зимы и весны 1874 года, когда Толстой, отдав жене на перебеливание основной массив текста Части 1, принялся за имевшиеся у него лишь в беглых эскизах или вовсе только задумывавшиеся петербургские зимние главы Части 2⁷⁴. Хронология здесь особенно важна потому, что незадолго перед тем, в январе 1874 года, в Петербурге и Москве состоялись торжества по случаю бракосочетания дочери Александра II великой княжны Марии с английским принцем крови герцогом Эдинбургским Альфредом. После нескольких лет затишья в популяризации царской семьи и двора на широкой публике, а соответственно и в прессе⁷⁵ это было, особенно в Москве, чем-то вроде прохождения кометы. Толстой, как мы еще увидим, был хорошо информирован об этом событии в жизни династии и не оставался равнодушным к общественному ажиотажу. Иными словами, в те недели царский двор в церемониально пышном обличье, а заодно и с теми семейными неурядицами, которые трудно было утаить, живо напомнил о себе не только светским ценителям таких действ или зрителям из простонародья, но и автору АК.

И вот тогда-то в одной из нескольких рукописей, где еще весной 1873 года были созданы первые редакции сцены вечера у петербургской великосветской богачки (в *ОТ* – Бетси Тверской)⁷⁶, после которого встревоженный Каренин пробует объясниться с женой, Толстой сделал важную вставку⁷⁷. Пока Каренин дожидается возвращения Анны, в гостиную заходит его сестра. В этой вырастающей из вставки редакции она именуется Мари (в другом написании – Мери; совпадение с именем царской дочери, выданной тогда же замуж в Англию, конечно, едва ли было преднамеренным)⁷⁸ и именно в этом месте, при первом появлении в действии, удостоивается портретной характеристики.

Как и в случае со многими другими черновыми редакциями, в этом этюде суждения и оценки нарратора эксплицитнее, чем в соответствующем месте *ОТ*. То, что в окончательной редакции выражается посредством образности и ассоциативности или через лаконичные комментарии одних персонажей о других, в черновиках нередко высказывается прямым текстом в зачастую многословной речи повествователя. Сообщаемые при этом детали могут казаться избыточными с художественной точки зрения, но для реконструкции исторического контекста они имеют особую ценность (тем более что какими-то из них Толстой вынужден был затем пожертвовать, вероятно не по одним эстетическим, а еще и по цензурным соображениям).

Одно из таких сообщений, хотя и труднее считываемое, чем другие⁷⁹, заключено в замене, наряду с именем, и нелестной светской клички героини. Кити из ранних редакций – «душа в кринолине»⁸⁰, тогда как Мари «светские умники» нарекли «душой в турнюре»⁸¹. Пер-

⁷⁴ Подробнее см. с. 240–242 наст. изд.

⁷⁵ Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Пер. с англ. И. А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2004. С. 172–173.

⁷⁶ *ПЗР*. С. 722–724; *ЧРВ*. С. 201–203 (*РЗ*). В условной проекции на *ОТ* это главы 6–7 Части 2. О нескольких самых первых в генезисе романа автографах см. примеч. 4 на с. 18–19 и примеч. 2 на с. 20–21.

⁷⁷ *РЗ*: 4–5. Оpubл.: *ЧРВ*. С. 207–208.

⁷⁸ Толстой переименовал героиню из Катерины (Кити) в Мари/Мери несколько раньше, перерабатывая более поздние в романе сцены дня скачек: «Сестра его [Каренина. – М. Д.] Кити Мери была в Петербурге, и он вместе с нею поехал на дачу. Кити Мери ненавидела скачки <...>» (*РЗ*: 11; опубл.: *ЧРВ*. С. 224). После этой переработки предстояло, вернувшись назад, написать первый «выход» героини под новым именем и с углубленной вводной характеристикой; подробнее об этом моменте генезиса текста см. с. 239, 243–245 наст. изд. Работа над романом в 1873 – первой трети 1874 года, как мы еще неоднократно увидим, шла зачастую не в той последовательности, в какой были выстроены уже намеченные части и их главы.

⁷⁹ Благодарю Людмилу Шарую за замечание, которое помогло мне увидеть возможность предлагаемой ниже интерпретации.

⁸⁰ *ЧРВ*. С. 15 (*РЗ*), 22 (*РЗ*).

вый вариант изобличает вольную или невольную ориентацию автора, приступающего к сочинению романа в режиме «реального времени», на свой *былой* личный опыт. Толстой бывал в Петербурге и часто виделся там с несколькими подобными будущей Мари женщинами столичного бомонда (об этом речь впереди) во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов. Среди них была Анна Тютчева, которую он несколько позже в частном письме и обозвал «душой в кринолине» – задолго до появления этой клички в черновике АК⁸². Но в пору, когда этот роман начал создаваться, Толстой уже больше десяти лет как не наезжал в Северную столицу, да и давно перестал посещать большие собрания московского света; между тем так уж случилось, что кринолин, особенно в его самых пышных формах, вышел из моды как раз во второй половине 1860-х⁸³. Приведу любопытное свидетельство на этот счет, исходящее не от кого-нибудь, а от исторического лица, на чей нравственный и отчасти политический авторитет намекают в генезисе АК зарисовки благочестивых светских дам, – императрицы Марии Александровны. Передавая в 1866 году жене доверенного царедворца, проводившей зиму в Париже, заказ на строгое («без чего бы то ни было сверкающего и блестящего, как-то: золота, серебра, стальных и пр., и пр.») парадное платье для себя от тогдашнего законодателя женской haute couture Чарльза Уорта (Worth), императрица просила дать ей знать, носят ли в парижском свете в текущий сезон кринолины или нет⁸⁴. Собственно, именно Уорт своими новшествами и приблизил конец эпохи громоздких кринолинов.

В 1874 году Толстой, конечно же, не был в полном неведении насчет заметной реформы, произведенной в дамском костюме. Он должен был знать, что для придания юбке, а с нею и женской фигуре чарующей округлости применяется – в высшем обществе – уже преимущественно не кринолин, а турнюр. (Воздерживаюсь от цитирования перифраза, которым будет заклеен этот предмет женского наряда в «Крейцеровой сонате»⁸⁵.) Однако, по всей видимости, Петербург начала 1860-х оставался для Толстого хронотопом большого света: воспоминания о не столь давнем прошлом были достаточно свежи, чтобы, толкнув автора под руку, произвести в ранней рукописи забавный анахронизм. Силуэт фигуры петербургской великосветской дамы явился внутреннему взору писателя, как и прежде, экстравагантно колоколообразным. Новый вариант «душа в турнюре» из редакции 1874 года не дойдет потом до *ОТ*⁸⁶, но его стоило придумать уже для того, чтобы устранить анахронизм. Вообще, как в черновых редакциях, так и в окончательной есть сколько-то следов вторжения реальности конца 1850-х – начала 1860-х годов (Толстой в начале четвертого десятка лет, накануне женитьбы) в мир романа «из 1870-х», и это не только реальность аристократического салона⁸⁷.

Вернемся к содержанию вставки. В развернутом изображении Мари используется толстовский прием несколько назойливой кодировки духовного через физическое. Именно сестре Алексей Александрович «был обязан <...> большею частью своего успеха в свете»: «она имела высшие женские связи, самые могущественные». Последние два слова добавлены в автографе над строкой, словно нарочно иллюстрируя деликатность политических аллюзий, вводимых в портрет героини. Деля с братом кров, Мари придавала «характер высшей утонченности и как

⁸¹ РЗ: 4. Слова «в турнюре» подчеркнуты карандашом – возможно, С. А. Толстой при копировании автографа.

⁸² ЛНТ–ААТ. С. 272–273 (письмо Толстого А. А. Толстой от 26 или 27 ноября 1865 г.). См. подробнее об этом в гл. 4 наст. изд.

⁸³ См. напр.: Хорошилова О. А. Костюм и мода Российской империи: Эпоха Александра II и Александра III. М.: Этерна, 2015. С. 209–211, 235–237, 318–321; Fashioning the Victorians: A Critical Sourcebook / Ed. R. N. Mitchell. London: Bloomsbury Visual Arts, 2018. P. 3–13, 93–109.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1614. Оп. 2. Д. 5. Л. 65 об. (копия письма А. В. Адлерберга Е. Н. Адлерберг от 20 февраля 1866 г.).

⁸⁵ Юб. Т. 27. С. 22–23 («Крейцера соната», гл. VI).

⁸⁶ Зато сам турнюр как примета 1870-х прямо-таки вопиет о себе в зарисовке светской дамы Сафо Штольц, чей эпатазирующий наряд не позволяет понять, «где сзади, в этой подстроженной колеблющейся горе, действительно кончается ее настоящее, маленькое и стройное, столь обнаженное сверху и столь спрятанное сзади и внизу тело» (284–285/3:18).

⁸⁷ Об анахронизмах из совсем другой области – помещичьего хозяйства и аграрных отношений – говорится ниже в гл. 5.

будто самостоятельности его дому». В самой сцене беседы, возвещая о себе доносящимся из-за двери «звуком тонкого каннля сморкания» (неслучайная замена одного телесного отправления другим)⁸⁸, она возникает перед братом и перед читателем, чтобы тут же подвергнуться немилосердному анатомированию со стороны нарратора. Телесная, а тем самым и моральная ущербность передается здесь метафорой сыворотки, отсекающей от простокваши; обозначающий это диалектный или окказиональный глагол «отсикнуться» уже был употреблен в редакции 1873 года применительно к обескровленному несчастьем, лишенному остатков жизненной энергии Каренину⁸⁹, но ни оттуда, ни из разбираемой редакции сцены с сестрой Каренина грубоватое словечко не попадет в *ОТ*⁹⁰.

Итак,

Мари была недурна собой, но она уже пережила лучшую пору красоты женщины, и с ней сделалось то, что делается с немного перестоявшейся простоквашей. Она отсикнулась. Та же хорошая простокваша стала слаба, неплотна и подернулась безвкусной, нечисто цветной сывороткой. То же сделалось с ней и физически и нравственно.

Этот безразлично звучащий глагол не только описывает внешность, но и проецируется на духовную сущность героини, на особое сочетание религиозной покорности судьбе с упоением своею избранностью:

[С] тех пор как она отсикнулась, что незаметно случилось с ней года два тому назад, религиозность не находила себе полного удовлетворения в том, чтобы молиться и исполнять Божественный закон, но в том, чтобы судить о справедливости религиозных взглядов других и бороться с ложными учениями, с протестантами, с католиками, с неверующими. Добродетельные наклонности ее точно так же с того времени обратились не на добрые дела, но на борьбу с теми, которые мешали добрым делам. <...> И всякое доброе дело, в особенности угнетенным братьям славянам, которые были особенно близки сердцу Мари, встречало врагов, ложных толкователей, с которыми надо было бороться. Мари изнемогала в этой борьбе, находя утешенье только в малом кружке людей, понимающих ее и ее стремления⁹¹.

⁸⁸ РЗ: 4. Опул. с неполным воспроизведением правки: ЧРВ. С. 206.

⁸⁹ ПЗР. С. 791.

⁹⁰ Автор АК определенно питал слабость к слову «отсикнуться» (в другом написании – «отсекнуться»). На протяжении трех лет он не раз пробовал применить его в черновиках разных фрагментов романа, как в нарративе, так и в речи персонажа, но, по всей видимости, и глагол, и сама метафора были сочтены слишком сниженными для печатного текста. Из известных мне случаев такого словоупотребления позднейшие имеют место в рукописи, датированной 1876 годом, с двумя последовательными вариантами сцены с Карениным, высмеиваемым придворными на рауте во дворце (5:24): Р83: 9 об. (нижний слой), 15 об. (добавляющая и тут же удаляющая фразу правка: «[В]есь похудел и опустился, *отсикнулся, как говорил про него шутник*»). При этом смысловая аура глагола, несомненно, донесена до окончательных редакций соответствующих описаний и характеристик. Не исключено, что Толстой, зная заранее, что не допустит такого уподобления в *ОТ*, нуждался в нем на стадии черновика как в возбудителе творческого процесса. Ср. анализ того, как включенные Г. Флобером в планы и «сценарии» к «Госпоже Бовари» скабрзные слова и откровенные наброски постельных эпизодов давали тогда и дают теперь косвенный, но явственный отклик в стилистике и тональности изображения моментов физической близости в самом романе, где подобная «излучению» «действенная сила» исходного наименования или эскиза чувствуется «под чинной формой повествования» (Leclerc Y. «Madame Bovary» au scalpel: Genèse, réception, critique. Paris: Classiques Garnier, 2017. P. 38–39, 50–52; цитаты – р. 51, 52). Аналогия тем более уместна, что обсуждаемый глагол в приложении к Каренину, выглядящему плачевно немужественным, имеет сексуальную коннотацию. Ср. раннюю (также 1876 года) редакцию той же сцены разговора во дворце: «Не то что постарел, а с ним сделалось, что с простоквашей бывает, когда она перестоит, – говорил Стремов, позволявший себе вольность вульгарных сравнений. – Знаете, как будто крепкое, а там вода. Это называет моя экономка „отсикнулась“. Вот и он отсикнулся. / И Стремов, сжав свои крепкие губы, с таким выражением, которое ясно говорило, что он сам надеется еще не скоро отсикнуться, смеясь умными глазами, смотрел на собеседницу» (Р79: 1 об. – копия с авторской правкой; опул. без различия нижнего и верхнего слоя: ЧРВ. С. 418).

⁹¹ ЧРВ. С. 207.

Кроме продвижения панславизма (первая в генезисе романа антиципация одной из его будущих и политических, и мировоззренческих тем), Мари вовлечена в противоборство вокруг затеянного ею филантропического «дела сестричек». Подробным рассказом об очередной каверзе конкурентов, открывающимся жеманно-праведнической фразой на французском: «О, как я подрублена нынче», – она гасит позыв брата поделиться с нею его собственным горем, несмотря на то что понимает его состояние. Ее заключительная нотация: «Каждый несет свой крест, исключая тех, которые накладывают его на других» – сопровождается взглядом на входящую Анну⁹².

Сцена разговора Каренина с сестрой, как и сама героиня, вскоре будут удалены автором из создающегося текста⁹³. Но генетически этюд об «отсикнувшейся» Мари оказался плодотворным: он решительно углубил и нюансировал самый характер женского персонажа, требуемого темой ложного благочестия, и стал материалом для «прививки» к черновикам других сцен и фрагментов нарратива.

Политическая составляющая портрета Мари, пройдя через еще один автограф, трансформировалась – вместе с персонажем – в характеристику целой группы единомышленников и тем самым заложила основу для одного из репортерско-комментаторских опытов автора АК – классификации «подразделений» столичного высшего света в будущей Части 2 (2:4). В автографе главы, озаглавленной до смешного назидательно «Дьявол», сочинением которой Толстой весной 1874 года начал замедлять и, одновременно углубляя психологизм и сгущая фон, уплотнять рассказ о развитии страсти Анны и Удашева/Вронского (в нескольких новых автографах тех недель используется прежний вариант фамилии героя⁹⁴), тот самый вскользь упомянутый «малый кружок» предстает перед нами анфас, нарисованный резкими мазками:

[Э]то был тот круг, через который Алексей Александрович сделал свою карьеру, круг, близкий к двору, внешне скромный, но могущественный [это «высших женских», «самых могущественных» связей Мари. – М. Д.]. Центром этого кружка была графиня А. [в этой же рукописи встречается криптоним «графиня N.». – М. Д.]; через нее-то Алексей Александрович сделал свою карьеру. В кружке этом царствовал постоянно восторг и умиление над своими собственными добродетелями. Православие, патриотизм и славянство играли большую роль в этом круге. Алексей Александрович очень дорожил этим кругом, и Анна одно время, найдя в среде этого кружка очень много милых женщин <...> сжилась с этим кружком и усвоила себе ту некоторую утонченную восторженность, царствующую в этом кружке. Она, правда, никогда не вводила этот тон, но поддерживала его и не оскорблялась им.

Как и в *ОТ* (с поправкой, опять-таки, на его тенденцию к меньшей, чем в черновиках, однозначности), Анна по возвращении из Москвы отдаляется от привычной ей с замужества светской компании, осознав «все притворство», там процветающее⁹⁵. Автограф главы «Дьявол» дает еще одну модификацию нарочито избыточного определения, призванного, думается, уподобить женскую религиозную выпренность неестественно пышному и показному наряду – как если бы главное достояние «души в турнюре» свелось к длинному шлейфу. На сей раз не Вронский, а великосветская богачка и распутница Бетси Курагина (княгиня Тверская в *ОТ*)

⁹² Там же. С. 207, 208.

⁹³ Фрагмент беседы Каренина с сестрой перед попыткой объяснения с женой вычеркивается в копии автографа. Любопытный пример толстовской «экономии» на функциональных остатках удаляемых описаний и мизансцен: относящиеся к Мари слова «звук тонкого сморкания» (который Каренин слышит из-за двери) правятся на «звук легких шагов», чтобы ввести в комнату уже не Мари, а сразу Анну (P26: 11 об.).

⁹⁴ См. об этом примеч. 2 на с. 249–250 и примеч. 3 на с. 269–270.

⁹⁵ ЧРВ. С. 194–195 (P25).

высмеивает душеспасительный кружок, называя его не только «богадельней», но и «композицией из чего-то славянофильско-хомяковско-утонченно православно-женско-придворно подленького»⁹⁶.

Стоит особо подчеркнуть, что этот черновик с перечислением ценностей некоей придворно-чиновничьей группы в стиле знаменитой уваровской триады («Православие, самодержавие, народность»), но далеко не тождественно ей самой – «Православие, патриотизм и славянство», – был написан почти за два года до начала поведших к войне антитурецких восстаний на Балканах и бурного общественного увлечения славянским вопросом. Иными словами, в той мере, в какой цитированная зарисовка *не* была прямой реакцией Толстого на конкретные резонансные события (в отличие от отповеди «славянобесию» 1876 года в будущей Части 8), «близкий ко двору, внешне скромный, но могущественный» кружок – это апологеты религиозно вдохновляемого панславизма по своим устойчивым, *давним* убеждениям.

Добавочным штрихом к тому, как описаны отношения Анны с кружком и частичное приятие ею поведенческого кода «некоторой утонченной восторженности», выступает ремарка об Удашеве (в этой редакции образ персонажа уже вполне близок к Вронскому *ОТ*): тот «в маленький кружок графини А. <...> не был допущен, да и не желал этого»⁹⁷. Ясно, что даже если бы он этого пожелал, некий запрет было бы трудно обойти. Именно эта деталь, на мой взгляд, интригующа. В самом деле, почему отпрыск вполне знатного рода, к тому же *официально состоящий* – по званию флигель-адъютанта – в свите императора⁹⁸, не мог быть принят в кружке, «близком ко двору»? Только ли по причине его участия в холостяцких увеселениях гвардейцев – зачастую попиравших начатки пристойности, пагубных для здоровья, но вполне традиционных в ту пору (и позднее)? И не подразумевается ли обзором «подразделений» света, что не менее значимы различия внутри самой институции двора? Иными словами – к какому именно двору или сегменту большого двора был близок кружок, которому Каренин обязан своей карьерой, а Анна – умением поддержать тон элегантного святошества? Еще немного авантекста, и мы вплотную обратимся к этим вопросам.

Описанию внешности и личности, а также прямой речи Мари Карениной нашлось в генезисе романа несколько иное применение. Подвергшись – уже в виде копии, снятой с автографа, – правке, соответствующий блок текста был сочленен с созданной тогда же отправной редакцией более раннего места – глав о возвращении Анны домой⁹⁹, в которых читателю дается первая возможность бросить взгляд не только на семью, но и на всегдашнее светское окружение главной героини (1:31–33). Правка, не вторгаясь пока в ткань изображения второстепенного, но самобытного персонажа, заменила сестру Каренина знакомую нам по смежной рукописи графиней – наставницей кружка, здесь именуемой, в той же тургеневской манере, криптонимом N. Беседа происходит теперь не между Карениным и его сестрой, а между Анной и приехавшей к ней, выкроив часок посреди разных деловых визитов и заседаний, гостей. Одно из дополнений, вызванных необходимостью по-новому задать в фабуле отношение этой «души в турнюре» (теперь не родственницы, а попечительной приятельницы) к Анне, подчеркнуло важность, которую пресловутый кружок приписывает делению на своих и чужих: «Алексей Александрович был один из верных ее сотрудников, и Анну графиня N. *причисляла к своим*,

⁹⁶ ЧРВ. С. 195 (Р25). Ни один из вариантов этого определения не дошел до *ОТ*, но в нем имеется аналогичное словесное сооружение, которое использовано для описания иной, чем «душа в турнюре», разновидности женской несостоятельности – обделенных кавалерами дам на балу: «Не успела она [Кити] войти в залу и дойти до тюлево-ленто-кружевно-цветной толпы дам, ожидавших приглашения танцевать (Кити никогда не ставала в этой толпе), как уж ее пригласили на вальс <...>» (80/1:22).

⁹⁷ ЧРВ. С. 196 (Р25).

⁹⁸ О Вронском как флигель-адъютанте подробнее говорится на с. 100–103.

⁹⁹ Р18: 33 об.–35.

хотя и замечала в ней холодность и равнодушие к ее [то есть графини. – М. Д.] интересам. Но Анну она просто любила, и Анна ценила это и была благодарна»¹⁰⁰.

И вот, наконец, в созданной вскоре, тою же весной 1874 года, новой редакции первой в романе сцены на тему великосветской религиозности возникает финальная персонификация букета «утонченной восторженности», самозванной праведности и панславизма – «знаменитая» графиня Лидия Ивановна¹⁰¹. Это прямое развитие образа графини N./A.¹⁰² Замена единственного инициала на полные, к титулу в придачу, имя и отчество оставляет недосказанной ведомую, как подразумевается, всем и каждому (не исключая читателя) фамилию героини, принося в образ грибоедовскую нотку: «княгиня Марья Алексевна». В созвучии с этим в портрет персонажа добавляется и водевильная холерическая хлопотливость. И в исходном автографе, и в *ОТ* (107/1:31) первое – в реплике Каренина жене – упоминание о графине Лидии Ивановне таково: «Наш милый самовар будет в восторге»¹⁰³. В черновике комизм почти утрируется: «Пыхтя, вошла с мягкими глазами кубышка»¹⁰⁴. Пыхтение, одышка как сугубо телесный коррелят экзальтированности пребудут до поры до времени в резерве авантекста и станут маркером персонажа ближе к концу романа. А при первом появлении Лидии Ивановны в *ОТ* (сериализация – февраль 1875 года) описание ее облика сбавляет акцент на корпулентности и обыгрывает конфликт тленных и возвышенных черт: «высокая полная женщина с нездорово-желтым цветом лица и прекрасными задумчивыми черными глазами» (108/1:32).

Ни в черновой, ни в окончательной редакции этого первого выхода нарратив ничего не сообщает о семейном положении графини; лишь на исходе 1876 года, готовя к публикации окончание Части 5¹⁰⁵, Толстой заполнит эту сюжетную лакуну: у Лидии Ивановны, оказывается, есть муж, но он по (якобы) никому не понятной причине бросил ее на второй месяц после свадьбы, так что супруги давным-давно живут врозь (5:23). И даже в этом месте рассказа мы не узнаем фамилии героини: такое впечатление, что она представляла собой такую же «графиню Лидию Ивановну» еще будучи юной девушкой, готовящейся выйти замуж за безымянного для нас графа¹⁰⁶. И там же мы увидим, что даже формальное письмо героиня подписывает на манер августейшей особы: «Графиня Лидия» (438/5:25).

Как ясно из сравнения описаний, Лидия Ивановна, с ее нажитым явно многолетними усилиями реңоме («знаменитая»), видится автору дамою более пожилой¹⁰⁷, чем ее предшественница в генезисе текста – Мари Каренина, которая не так давно вышла из «лучш[ей] пор[ы] красоты женщины» и еще «недурна собой». Однако напористый темперамент графини не вяжется с сакраментальным сывороточным «отсикнулась», поэтому неудивительно, что правка, вводящая Лидию Ивановну, сразу же удаляет и восходящую к Мари характеристику персонажа с этим словом¹⁰⁸. (Позднейшие случаи использования в черновиках аналогии, описываемой этим глаголом, относятся только к Каренину; Лидия же Ивановна окажется способной на изло-

¹⁰⁰ *P18*: 34 об. (верхний слой; курсив – добавленная мною эмфаза).

¹⁰¹ *P18*: 33 об.–35 (верхний слой); *P28*: 1–2 (верхний слой).

¹⁰² В генезисе романа графиня N./A. оказалась скоропреходящим промежуточным вариантом: правка в рукописи, введшая первое упоминание Лидии Ивановны, отразилась уже в датируемой концом марта – апрелем 1874 года корректуре последней из набранных тогда глав Части 1 (соответствующей главе 31 *ОТ*). См.: *K119*: 33.

¹⁰³ Исходный автограф: *P18*: 33 об. (верхний слой).

¹⁰⁴ *P28*: 1 (верхний слой).

¹⁰⁵ См. подробнее параграф 1 гл. 4 наст. изд.

¹⁰⁶ «Графиня Лидия Ивановна очень молодою восторженною девушкой была выдана замуж за богатого, знатного, добродушнейшего и распутнейшего весельчака» (431/5:23). Исходный автограф: «[Лидия Ивановна] очень молодою и привлекательною девушкой была выдана замуж за богатого, знатного, добродушнейшего и распутнейшего весельчака мужа [*sic*!]. Она была влюблена в него» (*P80*: 14).

¹⁰⁷ В одном из позднейших черновиков она названа «45^{ти} летней старухой» (*P84*: 14 об.).

¹⁰⁸ *P28*: 1 (здесь написание «отсякнулась», как было прочитано С. А. Толстой при перебеливании исходного автографа и вскоре затем скопировано Д. И. Троицким уже с ее копии, где автор не восстановил оригинального написания [*P18*: 34]).

манное, а все-таки любовное чувство – именно к Каренину; и не изломанным ли, в сущности, представлено в книге любовное чувство самой Анны?) В целом, как мы еще увидим, видоизменив психофизический габитус персонажа – «самовар» вместо «души в турнюре», – Толстой подновил и адресацию аллюзий, заключенных в образе.

В части общественно значимых воззрений и собственно деятельности графиня Лидия Ивановна наследует Мари Карениной. «А в самом деле, смешно: ее цель добродетель, она христианка, а она всё сердится, и всё у нее враги, и всё враги по христианству и добродетели», – думает о ней Анна, удачно резюмируя пространный пассаж нарратива из черновика, цитированный выше. Среди забот Лидии Ивановны примечательно уже упоминавшееся бегло «дело сестричек» – «филантропическое, религиозно-патриотическое учреждение» (108/1:32)¹⁰⁹. В связи с ним упомянут «известный панславист за границей» Правдин, а чуть дальше – «Славянский комитет», на заседание которого в тот же день должна поспеть графиня. Славянские благотворительные комитеты в Москве и Петербурге в те самые годы находили все больше поддержки и в бюрократии, и среди придворной знати, и в самом правящем доме. Нам вполне можно удовольствоваться предположением, что под «делом сестричек» имеется в виду проект, к примеру, основания женского монастыря или мирского православного братства¹¹⁰ за границей, в продолжение русификаторской кампании в Западном крае империи, или сбора пожертвований на помещение в учебные заведения империи дочерей и сестер пророссийских деятелей из подвластных Австрии или Турции «славянских земель» (также и с миссионерской целью в отношении славян-католиков)¹¹¹. Можно допустить и инициативу основания некоего особого филиала общества Красного Креста (официально – Общество попечения о раненых и больных воинах), которое находилось под патронажем самой императрицы. Однако в другом ракурсе угадывается аллюзия иронического свойства, которую кивок на панславизм помогал сделать более изощренной, подманив тогдашнего «среднего» читателя к простой отгадке. Сказать больше о возможном здесь втором дне будет уместно вскоре, в параграфе об историко-биографическом прочтении темы придворного кружка.

Превращению Мари Карениной в графиню Лидию Ивановну сопутствовала коррективка описания этой среды большого света. Вместе с графиней делает мимолетный дебют еще один персонаж, заведомо эпизодический, в *ОТ* не перешедший, но помогающий нам «уличить» Толстого в его интересе к определенной культурной семантике, которая питала мотив наигранной – как он понимал это – религиозности: «После графини Лидии Ивановны приехала кузина Алексея Александровича, старая девушка, унылая и скучная, но торжественная, потому что она знала Жуковского и Мойера»¹¹². Иными словами, с удалением Мари Карениной из состава

¹⁰⁹ Исходный автограф определяет это опекаемое Мари Карениной учреждение как «филантропически-религиозное» (РЗ: 4 об.); прилагательное «патриотическое», которое отсылает к программе тогда же прорисовываемого в смежной рукописи придворного кружка («Православие, патриотизм и славянство»), было добавлено в составе правки, вводящей графиню N. (Р18: 35).

¹¹⁰ Женщины – члены православных мирских братств, которые начали учреждаться в Западном крае империи после подавления Январского восстания 1863 года, именовались сестрицами. Здесь может прочитываться и прямая аллюзия на А. Д. Блудову (см. подробнее ниже в наст. гл.), которая была учредительницей Кирилло-Мефодиевского братства на Волыни (хотя занималась не только сестрицами, но и братчиками). Слово «сестричка» в таком случае могло бы быть уменьшительным и от «сестра» (монахиня), и «сестрица» (братчица).

¹¹¹ Ср. с тем, как сфера интересов того же придворного кружка, в который метит Толстой, описана в финале тургеневского «Дыма»: «Беседа ведется <...> тихая; касается она предметов духовных и патриотических, „Таинственной капли“ Ф. Н. Глинки, миссий на Востоке, монастырей и братчиков в Белоруссии» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 405 [«Дым», гл. XXVIII]). См. примеч. 1 на с. 68.

¹¹² Р28: 2 (верхний слой; опубл. без различия нижнего и верхнего слоя: ЧРВ. С. 193; написание Толстого: «Моiera»). В дальнейшем генезисе связка эпитетов, описывающих кузину Каренина, досталась Лидии Ивановне, но без артикуляции эмблематических имен. Ср. вариант из текста журнальной публикации, где княгиня Бетси, устраивая встречу Анны с Вронским у себя дома (127/2:4), отправляет Анне записку: «Приезжайте, пожалуйста, ко мне вечером после оперы <...> я привезу кое-кого из театра, и мы постараемся провести вечер не так торжественно, зато не совсем так скучно, как у графини Лидии Ивановны» (РВ. 1875. № 2. С. 792–793). При переработке журнальной публикации в книжную этот момент был удален.

действующих лиц амплуа остающейся в девичестве родственницы мужа, которому предначертано стать рогоносцем (вензельное сочетание двух провалов в миссии продолжения рода), не исчезает сразу из творимого текста.

К Жуковскому – в одном ряду с Хомяковым – отсылает, вспомним, уже самая ранняя версия многочленной характеристики «высшего петербургского направления», олицетворяемого влиятельными дамами. Имя же дерптского врача, лютеранина Иоганна Христиана Мойера добавочно ограняет реминисценцию, ибо этот человек в глазах современников и почитателей Жуковского был принадлежностью эстетизированной биографии поэта. Не имея надежды жениться на своей возлюбленной Марии Протасовой, Жуковский в 1816 года благословил ее брак с Мойером. В исследовании И. Виноцкого раскрыт символический смысл этого жеста самоотречения: он подтверждал идеалистическое устремление Жуковского и сестер Протасовых, Марии и Александры, к тому, чтобы составить союз «прекрасных душ» по образцу «Новой Элоизы» Руссо – союз, который должен был претворить любовную страсть в вечную нежную, братскую дружбу. Мойер и стал вторым духовным братом этой утопической семьи¹¹³. После безвременной смерти Марии в 1823 году он оставался вдовцом, продолжал начатую им с женой благотворительную деятельность, сохранил связи с родными Марии, купил принадлежавшее когда-то ее матери орловское имение и именно там, а не в Дерпте, окончил в 1858 году свою жизнь, перед смертью приняв православие. Отношения Мойера с Жуковским были пожизненной дружбой двух мужчин, посвященной памяти женщины, которую любили они оба.

Култ Марии Протасовой, как убедительно показано Виноцким, нашел свою пару в другой сфере жизни Жуковского – придворно-служебной. Он был педагогом и юной великой княгини Александры Федоровны (урожденной Шарлотты, принцессы Прусской), жены будущего Николая I, и – спустя десятилетие – их сына, будущего Александра II. Религиозно – но не моноконфессионально – мотивированный романтизм Жуковского оставил заметный след в эмоциональной культуре династии Романовых и близких ей аристократических кланов. Его поэзия в части, воспевающей великую княгиню Александру, привила при петербургском дворе заимствованный из Пруссии культ августейшей фемининности, служитель которого – будь то поэт или царедворец, мужчина или женщина – мыслился одной из заведомо немногих избранных душ, способных на подлинно высокое обожание непорочной красоты, воплощения небесного идеала¹¹⁴. При Николае I этот извод сентиментализма или, как сказал бы Толстой, «восторженный тон» начал сближаться с апологией православия как русской веры. К 1870-м годам фигура Жуковского, умершего за два десятилетия перед тем, превратилась для семьи Александра II и ее придворного окружения в символ верности и благочестия, а как раз на 1873–1874 годы, когда Толстой создавал ранние редакции АК, пришла первая публикация – в историческом журнале «Русский архив» – писем, которые Жуковский в качестве воспитателя наследника престола писал в конце 1820-х – 1830-х годах императрице Александре Федоровне, своей бывшей ученице¹¹⁵. Принадлежавший Толстому экземпляр номера «Русского архива» за январь 1874 года сохранил след чтения им этих писем¹¹⁶. В этом свете имя Жуковского в авантексте АК как метонимия «утонченной восторженности» (или выхолощенной торжественности) вовсе не кажется, в отличие от криолина, анахронизмом.

Сам пресловутый кружок, после того как поиск нужного женского персонажа останавливается на графине Лидии Ивановне, характеризуется уже без использования определений «могущественный» и «близкий ко двору». В той же рукописной редакции, где вводится эта

¹¹³ Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2015. P. 148–152, 164.

¹¹⁴ Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia. P. 179–236.

¹¹⁵ Русский архив. 1873. № 1. Стлб. I–XL; 1874. № 1. Стлб. 9–94.

¹¹⁶ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. 2: Периодические издания на русском языке. М.: Книга, 1978. С. 135 (описание страницы 47-й тетради 1-й «Русского архива» за 1874 г.).

героиня, кружок обрисован так: «образованный, любящий и ценящий образование, нравственный, любящий и ценящий нравственность, религиозный, исключительно православно религиозный»¹¹⁷. Особо подчеркнутая конфессиональная монолитность как раз и указывала в этой версии на близость к правящему дому и, разумеется, к православной иерархии: в современном высшем обществе, особенно его женской половине, были и такие очажки спиритуальной религиозности, где – в духе далеких 1810-х – преобладал надконфессиональный евангелизм или мистицизм, а вера как таковая не увязывалась с имперским или национальным самосознанием¹¹⁸. Как подобает члену «исключительно православно религиозного» кружка, Каренин этой редакции читает перед сном исследование о «значении папизма в Западной Европе как элемента разложения церкви»¹¹⁹.

И вот как эта котерия описывается в *ОТ*:

Центром этого кружка была графиня Лидия Ивановна. Это был кружок старых, некрасивых, добродетельных и набожных женщин и умных, ученых, честолюбивых мужчин. Один из умных людей, принадлежащих к этому кружку, называл его «совестью петербургского общества» (125/2:4).

Из обрамляющих этот пассаж упоминаний о том, что Каренин «сделал свою карьеру» через этот кружок и «очень дорожил» им, и из переданного синтаксисом первенства женщин, не говоря уже о последующей эволюции образа Лидии Ивановны, можно легко догадаться, что «высшие женские связи, самые могущественные», по-прежнему, как и в ранних редакциях, пребывают здесь. Словом, из сравнения *ОТ* с авантекстом выявляется красноречивое умолчание: затушеванные атрибуты изображаемой среды и есть ее «вывеска». Констатация их в печатном тексте была бы не просто слишком прямолинейной, но и, возможно, политически неблагоприятной.

¹¹⁷ P28: 7 об. (верхний слой).

¹¹⁸ Женские персонажи *АК*, экземплифицирующие такого рода религиозность, несколько позднее, в начале 1875 года, оформляются в другой сюжетной линии – Кити Щербацкой. Это мадам Шталь, «пиетистка» (как называет ее – религиозведчески точно – отец Кити), состоящая в «дружеских связях с самыми высшими лицами всех церквей и исповеданий» (219/2:34; 210/2:32), и ее воспитанница Варенька, тип самоотрешенной сестры милосердия. Предтечей обеих в генезисе текста была посвятившая себя благотворительности англичанка мисс Суливан (см.: *ЧРВ*. С. 226–231 (P24); два позднейших персонажа появляются в правке копии этого автографа: P27: 55, 56). Оговорка «исключительно православный» в цитированном черновике смежной серии глав могла быть введена специально для того, чтобы отметить различие между уже воплощавшимися в тексте или только задуманными образчиками, как подразумевается, ложного религиозного воодушевления – придворно-патриотическим и космополитическим. Что касается невымышленной реальности, то, помимо возникшего именно в середине 1870-х годов редстокизма, о референциях к которому в *АК* ведется речь в гл. 4 наст. изд., в петербургской аристократии еще до того имелись также последователи так называемой Вселенской апостольской церкви, зародившейся еще в 1830-х годах в Англии, или «ирвингисты» (от имени проповедника Э. Ирвинга). Среди них во второй половине 1870-х была особенно активна лично знакомая Толстому по его заграничным встречам начала 1860-х годов княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова (1828–1909), широко известная своей благотворительной деятельностью – и отчасти похожая на некую комбинацию из черт мадам Шталь и Вареньки (см. записи о беседах с Дондуковой-Корсаковой и об ирвингистских чтениях в дневнике А. А. Толстой: РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 99–100, 102, 103 (записи от 15, 22 января, 5 и 15 февраля 1875 г.); см. также: *Мазур Т. Р.* Дондукова-Корсакова Мария Михайловна // *Лев Толстой и его современники: Энциклопедия* / Под общ. ред. Н. И. Бурнашевой. Вып. 3. Тула, 2016. С. 178–181; *Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями* / Сост., подгот. текста, комм. Н. А. Калининой, В. В. Лозбяковой, Т. Г. Никифоровой. М.: Худож. лит., 1990. С. 231–232, 238–239, 241–247). Согласно семейному преданию (см.: *Толстой С. Л.* Об отражении жизни в «Анне Карениной». Из воспоминаний С. Л. Толстого // *Литературное наследство*. Т. 37/38. М., 1939. С. 576), прототипами мадам Шталь и Вареньки послужили, соответственно, старшая родственница М. М. Дондуковой-Корсаковой княгиня Елена Александровна Голицына, в 1860 году во Франции помогавшая Толстому и его сестре ухаживать за их смертельно больным братом Николаем, и ее племянница Екатерина Александровна Корсакова, которую Толстой был тогда же мимолетно увлечен. О личности Е. Корсаковой известно совсем немного; из сохранившегося же письма Е. Голицыной Толстому, где та деликатно убеждает адресата в необходимости откровенно объясниться с Корсаковой о своих намерениях, не проступает ни чопорности, ни святости, свойственных мадам Шталь (ОР ГМТ. Ф. 1. № 144/19–2 (письмо б. д., датируется началом апреля н. ст. 1861 года на основании содержания и в сопоставлении с дневниковой записью Толстого от 6/18 апреля того же года [*Юб.* Т. 48. С. 34]); см. также: *Дробат Л. С.* Голицына Елена Александровна // *Лев Толстой и его современники*. Вып. 3. С. 141 [утверждение автора, что письма Голицыной Толстому не сохранились, ошибочно]).

¹¹⁹ P28: 4. Как и во многих других случаях, *ОТ* здесь менее прямолинеен: Каренин – религиозный, но считающий нужным следить за новинками вполне мирской поэзии – читает Duc de Lille, «Poésie des enfers» (111/1:33).

2. Графиня Толстая из Зимнего дворца

Мы, наконец, вплотную подступаем к оставившему след в истории «внешне скромному» кружку при дворе императрицы Марии Александровны – плеяде религиозных дам, с которой, по моему мнению, нити аллюзии и пародии связывают трактовку в *АК* благочестия и духовности как подмены призвания женщины. К слову, именно в упомянутом выше «Дыме» Тургенева отыскивается одна из первых литературных репрезентаций кружка. Это откровенно саркастическая зарисовка салона безымянной старой гранд-дамы – «храм[а], посвященн[ого] высшему приличию, любвеобильной добродетели, словом: неземному», где беседы касаются только «предметов духовных и патриотических» («миссий на Востоке, монастырей и братчиков в Белоруссии») и где даже обтянутые чулками «громадные <...> икры» лакеев «безмолвно вздрагивают при каждом шаге» не иначе как почтительно, усиливая «общее впечатление благолепия, благонамеренности, благоговения». (Как не вспомнить Каренина, косящегося – таков же был ракурс взгляда Толстого на тургеневскую повесть – на «икры камергера» не когда-нибудь, а за минуту до встречи во дворце с опекающей его графиней Лидией Ивановной [435/5:24].) В хозяйке угадывается гофмейстерина императрицы графиня Н. Д. Протасова, а августейшую причастность к собранию метонимически выдает та деталь, что все говорят «чуть слышно <...> так, как будто в комнате находится трудный, почти умирающий больной <...>»¹²⁰. Неписанный этикет предполагал крайне сдержанную манеру речи в присутствии Марии Александровны, голос которой был вынужденно тихим из-за хронической респираторной болезни.

То была среда, отнюдь не тождественная официальному большому двору. И мотив «высших женских связей» в ранних редакциях *АК* являлся не вариацией на банальную тему всепроникающего женского влияния, а способом взять на прицел взаимоотношения, стили поведения, характеры в мирке, Толстому лично неплохо знакомом.

Чтобы сразу высветить точки схождения между художественным вымыслом, биографией писателя и событиями эпохи, позволю себе привести два свидетельства «из будущего» – принимая пору начала работы над *АК* за настоящее. В начале марта 1882 года, спустя год после убийства Александра II и почти два года – после смерти императрицы, Толстой пишет весьма сердитое послание своей двоюродной тетушке и давней корреспондентке графине Александре Андреевне Толстой, фрейлине с тридцатипятилетним стажем, в своем роде профессиональной придворной. И до, и после этого между ними случались размолвки на почве споров о религии вообще и православной церкви в частности, но именно тогда, в период напряженных духовных исканий Толстого, наружу вырвалось глубинное несогласие. Он призывал и доказывал в своей напористо-обличительной манере:

Вообще не говорите о Христе, чтобы избежать того *ridicule*, который так распространен между придворными дамами – богословствовать и умиляться Христом и проповедовать, и обращать. Разве не комично то, что придворная дама – вы, Блудова, Тютчевы чувствуют себя призванными проповедовать православие. Я понимаю, что всякая женщина может желать спасения; но тогда, если она православная, то первое, что она делает, удаляется от двора – света, ходит к заутреням, постится и спасается, как умеет¹²¹.

¹²⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 405–406. См. также: Кийко Е. И. Комментарии. Там же. С. 556–557. Тот же кружок очерчен всего несколькими штрихами, но с ясно читающимся намеком на влияние императрицы в одной из повестей А. Н. Апухтина, действие которой происходит в начале 1870-х: Апухтин А. Н. Архив графини Д**. Повесть в письмах // Он же. Сочинения: Стихотворения; Проза. М.: Худож. лит., 1985. С. 401–441, см. в особ. 437.

¹²¹ ЛНТ–ААТ. С. 404.

Письмо не было отправлено, Толстой смягчился и даже раскаивался в своей резкости, но не все сказанное в сердцах было гротеском. Хлесткое «вы, Блудова, [сестры] Тютчевы» звучит как устоявшаяся для него персонификация определенного феномена или тенденции.

Сместившись вспять на несколько лет, сопоставим эту филиппику с громами толстовского негодования против панславистского общественного энтузиазма, который пришелся на последнюю фазу работы над АК в конце 1876 – первой половине 1877 года и, как хорошо известно, вплелся в саму ткань романа. Один из стимулов к этому православно-патриотическому ажиотажу Толстой усматривал в моде на «сочувствие братьям славянам» в имперской элите, определяя саму природу названного умонастроения как в значительной мере женскую. В ноябре 1876 года, вскоре после речи Александра II в Кремле, где впервые было открыто заявлено сочувствие монарха славянским повстанцам, Толстой писал А. А. Фету: «[М]не страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тех условий, при кот[о-]рых] совершается история, как дама, какая-нибудь Аксакова с своим мизерным тщеславием и фальшивым сочувствием к чему-то неопределенному, оказывается нужным винтиком во всей машине»¹²². Аксакова – это одна из все тех же сестер Тютчевых, дочерей поэта, Анна Федоровна, жена и соратница славянофила и панслависта И. С. Аксакова, пылкого пропагандиста вмешательства России в балканские события. И еще через полгода с небольшим, дорабатывая в корректурах диалоги последней части романа, куда он постарался вместить всю полноту своего отторжения от войны, оправдываемой заветами христианской веры, Толстой был близок к тому, чтобы дать одну из ключевых полемических фраз в следующей версии: «Но кто же объявил войну туркам? Иван Иванович Рагозов и три дамы[?]»¹²³ Не витает ли здесь та же триада имен?¹²⁴

Итак: сестры Анна, Дарья и Екатерина Тютчевы, графиня Антонина Дмитриевна Блудова, графиня А. А. Толстая (и не только они). Олицетворяемые этими женщинами политические и идейные убеждения, а равно и эмоциональная культура уходили корнями в эпоху Крымской войны, поражение в которой подтолкнуло не только проведение реформ, но и вызревание русского национализма в его религиозном изводе. Известный дневник Анны Тютчевой ясно свидетельствует о том, как при дворе молодой императрицы уже во второй половине 1850-х годов укреплялись панславистские настроения – предполагавшие особую неприязнь к «вероломной» Австрии – и пестовалась идея об антагонизме интересов России и европейских держав¹²⁵. Когда Толстой приступил к работе над АК, старшая Тютчева семь лет как уволилась с фрейлинской службы, выйдя за Аксакова, благодаря чему, не теряя придворных контактов, обрела некоторую свободу в высказывании взглядов, несогласных с правительственной политикой. Ее сестра Дарья, принятая во фрейлины несколько позже Анны, продолжала эту службу и оставалась столь же глубоко предана императрице, сколь посвящена в будни олимпа; свою роль в союзе сестер играла и книжница Екатерина, жившая, как и Анна, в Москве и связывавшая придворную компанию утонченным интеллектуальным ферментом патриотической рели-

¹²² Юб. Т. 62. С. 288–289.

¹²³ К127: 5. Чуть позднее, в той же корректуре, фразе была дана редакция, которая читается в ОТ (674/8:15). Подробнее об отповеди панславизму в АК, включая и содержащуюся в процитированном варианте аллюзию, см. гл. 4 наст. изд.

¹²⁴ Ср. замечание о панславистском подъеме 1876 года в известных мемуарах младшей современницы и также придворной дамы Е. А. Нарышкиной: «Славянофильские круги были неутомимы в своей деятельности и даже пытались повлиять на Императрицу с помощью придворных дам. Графиня Антонина Дмитриевна Блудова, графиня Александра Андреевна Толстая и Екатерина Федоровна Тютчева изо всех сил старались оказать влияние на престолонаследника [будущего Александра III. – М. Д.] и нашли у него сочувствие» (Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 268).

¹²⁵ Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник / Пер. с фр., вступл. Л. В. Гладковой. М.: Захаров, 2016. С. 310, 323. О заявлении самой императрицей панславистской позиции в ее письмах мужу, Александру II, в середине 1870-х годов см. мою статью: *Dolbilov M. A Courtier's Services near the Battlefield: Count Alexander Adlerberg as Empress Maria Aleksandrovna's Epistolary Confidant amid the Russo-Turkish War of 1877–1878 // History – Higher School of Economics*. 2022. № 1. Р. 108–111.

гиозности. Блудова, непревзойденная наладчица сетей общения и влияния¹²⁶, с начала 1860-х годов прочно занимала позицию политической придворной дамы при императрице; Толстая с 1866 года подвизалась в должности наставницы и куратора обучения единственной дочери императорской четы – великой княжны Марии Александровны (сменив в этом качестве как раз А. Тютчеву). Все эти дамы состояли в оживленной, ведшейся почти исключительно на французском переписке между собой, а некоторые из них – с императрицей¹²⁷.

С. Д. Шереметев, один из очень немногих мемуаристов, кто попытался целостно описать структуру высшего общества 1860–1870-х годов в плане межличностных отношений, характеризовал приближенных к императрице женщин как «небольшой интимный кружок» с устойчивыми политическими воззрениями:

Совершенно особый тип представляли из себя фрейлины имп. Марии Александровны <...> Отличительная черта этих новых фрейлин – прикосновенность к политическим течениям.

Первая «персона женская» <...> при новой императрице была фрейлина Анна Феодоровна *Тютчева*. <...> Она играла роль, изрекала, критиковала, направляла и всего больше надоедала всем и каждому. <...>

[Позднее графиня А. Д. Блудова] втянулась в роль и заняла до некоторой степени боевой пост и стала хозяйкою славянофильского подворья в Петербурге. Все свои стремления, всю деятельность <...> она перенесла с собою в Зимний дворец. <...> Она сделалась средоточием известного кружка, проводником и пособником для многих. <...> Она могла доходить до некоторой необузданности и до большого самообольщения, почитая себя орудием Провидения для указания истинного пути. <...> Ее сопровождал целый сонм прихвостней, всякого народу – пройдох, плутов, искателей приключений, честолюбцев и ханжей, которые все направлялись к ней, как в Мекку <...> ловко промышляя громкими словами о самодержавии, православии, о народности и о славянах <...>¹²⁸.

Касаясь вторжения личных привязанностей в сферу политики, мемуарист отмечает, что стилем поведения некоторых из наперсниц Марии Александровны был «оттен[ок] пренебрежительности к личности государя <...> с сильным подчеркиванием всепоглощающего значения императрицы». Александр II – утверждение Шереметева согласуется с данными других источников – не оставался в долгу: «Все, что окружало имп. Марию Александровну, за исключением <...> дам неполитических, было ему ненавистно»¹²⁹. Выразительная деталь: вечера у императрицы, на которые во время нередких отъездов императора на охоту приглашалась, кроме фрейлин, горстка избранных мужчин – таких, например, как П. А. Вяземский и Ф. И.

¹²⁶ Как явствует из ее писем единомышленнику – настоятелю православной церкви при посольстве России в Вене протоиерею Михаилу Раевскому, у Блудовой уже в 1850-е годы была сеть знакомств среди пророссийски настроенных славянских деятелей на Балканах, прежде всего в Сербии, и уже тогда она старалась вовлечь в «славянское дело» разных членов дома Романовых: Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века / Сост. В. Матула, И. В. Чуркина. М.: Наука, 1975. С. 47–59.

¹²⁷ В особенности интересна – и как эпистолярный памятник, и как исторический источник – многолетняя трехсторонняя переписка сестер Тютчевых, почти целиком остающаяся неопубликованной. См., напр., письма Дарьи Тютчевой Анне и Екатерине, проливающие свет на то, как в высшем обществе инспирировалось панславистское движение в 1876 году: Мемориальный архив Музея «Усадьба Мураново». Ф. 1. Оп. 1. Д. 583. Л. 54–54 об., 56–57, 66–67 об. (письма Анне от 23 июня, 4 июля и 11 августа 1876 г.); Д. 621. Л. 41–44 об. (письма Екатерине от 28 и 31 мая 1876 г.). Некоторые из тогдашних писем А. Д. Блудовой и Тютчевых цитируются далее в гл. 4 наст. изд. См. также опыт публикации более раннего фрагмента переписки: Переписка дочерей Ф. И. Тютчева / Предисл., примеч. Л. В. Гладковой, И. А. Королевой. Пер. с франц. Л. В. Гладковой // Российская словесность. 1996. № 1. С. 87–95.

¹²⁸ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. / Сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Шохина. Изд. 2-е, испр. М.: Индик, 2004. С. 66–67, 116, 118, 119.

¹²⁹ Там же. С. 235, 120.

Тютчев – звались морганатическими¹³⁰. Хотя и шуточное, словцо, вероятно, могло звучать и серьезнее, намекая на взаимную чуждость большого двора и «интимного кружка».

Толстой имел опыт непосредственной коммуникации с этой придворной субкультурой с середины 1850-х годов – времени, когда состав кружка императрицы уже вполне определился, пусть даже некоторые из ключевых назначений на фрейлинскую службу еще не состоялись. В свои тогдашние приезды в Петербург через Александру Толстую (о ком мы вот-вот поговорим подробнее) он познакомился и с Анной Тютчевой, и с Блудовыми – Антониной и ее младшей сестрой, Лидией Шевич, как и с их отцом, сановником Д. Н. Блудовым. С сестрами Тютчевыми Толстой виделся также в Москве и временами, особенно в 1858 году, даже обдумывал перспективу женитьбы на Екатерине. Придя в конце концов к отрицательному заключению, он выразил его в резкой эпистолярной ремарке: «К. Тютчева была бы хорошая, ежели бы не скверная пыль и какая-то сухость и неаппетитность в уме и чувстве <...>»¹³¹. Метафоры, включая гастрономическую, явно близки тем, при помощи которых автор АК, используя свой тогдашний идиолект («отсекнулась»), будет стараться передать черты ложной духовности и умствующей праведности в женском персонаже ранних редакций – еще не старой, но уже отцветшей сестре Каренина, «душе в кринолине», чьим первоначальным именем едва ли случайно были варианты Катерина, Кити. Это при том, что Толстой остался по-своему расположен к Екатерине Федоровне, ценил ее ум именно за – в его понимании – сухость, и в марте 1874 года, о чем пойдет речь в следующей главе, она была в числе немногих слушателей авторского чтения первой части АК в дожурнальной редакции (впрочем, родственной героини, вообще на той стадии генезиса еще фигурировавшей в романе, в представленном фрагменте не было).

Петербургский салон Блудовых Толстой посещал в 1856 году, причем после одного из визитов он оставил запись в дневнике о замужней младшей сестре Антонины, Лидии Шевич: «У Блудовых Л[идия] конфузила меня своим выражением привязанности»¹³². Дальнейшие же встречи были редкими, и, насколько можно судить по сохранившейся корреспонденции, переписка не велась. Любопытно, однако, что много позднее, в 1878 году, то есть уже после выхода АК, где разделяемые ею политические убеждения были подвергнуты резкой критике, Антонина Блудова, планируя провести в Туле проездом один день, послала Толстому письмецо. Она спрашивала, не пожелает ли он повидаться с нею и Лидией, ибо «так давно Вас не видали», и сообщала – явно рассчитывая на сочувствие со стороны адресата, – что они вдвоем направляются в Севастополь, «собственно чтобы ему поклониться»¹³³. Толстой чтит память оброне Севастополя, но едва ли она значила для него то же, что для Блудовой, которая ехала на поклон патриотической святыне вскоре после долгожданного реванша – победы в войне с Турцией «за славян». Изрядная примесь комического в светской репутации Блудовой, чьи письма дают представление о ее экзальтированной говорливости, сближает ее с толстовской графиней Лидией Ивановной не меньше, чем благотворительные предприятия и поглощенность славянским вопросом.

Но из всех обсуждаемых здесь фигур наибольший интерес для понимания исторического контекста АК представляет, безусловно, А. А. Толстая – Alexandrine, как адресовался обычно к ней Толстой (для нее – Léon). В «бомондных» главах романа есть немало того, чем автор был обязан своей родственнице в ее качестве и источника информации, и объекта его наблюдения и размышлений. К моменту начала работы над АК 44-летний Толстой и его 55-летняя тетушка – эта разница в возрасте делала ее скорее кузиной – были знакомы около восемнадцати лет. Романтическую фазу их дружба миновала в 1857 году, когда они оба оказались в Швейцарии

¹³⁰ Там же. С. 119; Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. С. 443.

¹³¹ ЛНТ–ААТ. С. 141–142 (письмо Толстого от конца марта 1859 г.).

¹³² Юб. Т. 47. С. 68, 69–70, 72, 104 (записи в дневнике от 20, 23 апреля, 8 мая, 15 мая и 5 декабря 1856 г.), цитата – с. 72.

¹³³ ОР ГМТ. Ф. 1. № 137/52-1. Л. 1–1 об. (письмо от 13 мая 1878 г.).

– он сам по себе, в первом «настоящем» заграничном путешествии, она – сопровождающая вместе с сестрой, также фрейлиной, их тогдашнюю патронессу великую княгиню Марию Николаевну (сестру незадолго до того воцарившегося Александра II) и ее дочерей от первого брака – княжон Марию и Евгению Романовских, титуловавшихся также герцогинями Лейхтенбергскими. (Их братья, Николай и Евгений Лейхтенбергские, еще промелькнули на этих страницах.) В завязавшихся отношениях было и взаимное влечение пытливых, ироничных, рефлексирующих умов, и восхищение благодарной читательницы крепнущим на ее глазах писательским талантом, и покровительство великосветской тетушки диковатому племяннику, и, пожалуй, – в особенности с ее стороны – проблески влюбленности, одновременно маскируемой и оттеняемой игривыми обращениями «бабушка» и «внук».

За этим последовали встречи в Петербурге в недолгие наезды Толстого в 1858, 1859 и 1861 годах. В Мариинском дворце – и в его парадных покоях, и на фрейлинском «верху», куда вела лестница почти в девяносто ступеней, – он виделся с разными колоритными образчиками придворной аристократии. Тогдашняя переписка Толстого и его руководительницы в приобщении к новой среде питалась, в числе прочего, и светскими новостями. Для всего относящегося ко двору в их условном шифре имелось произносимое так, как если бы это была французская фамилия, слово «Труба», а та же великая княгиня Мария Николаевна именовалась «la ober-ramoneuse» (обер-трубочисткой) или «нашей милой Великой Обер-Труб[ой]»¹³⁴ (что, разумеется, отнюдь не ставит под сомнение горячую преданность Александры Андреевны правящему дому вообще и «своей» великой княгине в частности). Производным словом Толстой называл и саму атмосферу двора, посетовав однажды в дневнике: «[Т]рубной запах, к стыду моему, мне нравится»¹³⁵.

После мимолетного – по пути домой из-за границы – проезда Толстого через Петербург весной 1861 года личное общение прервалось надолго – до 1878 года. В эту лагуну вместились его женитьба, рождение девяти детей и смерть трех из них, написание и издание двух романов; разные перипетии придворной жизни Александры Андреевны, безвременная смерть ее сестры. Переписка между ними все эти годы была содержательной, но не очень регулярной, замирая порой на многие месяцы, как было в 1875 году – именно тогда, когда началась сериализация АК (о работе над которой, впрочем, Толстая уже узнала ранее от самого автора).

В литературе у А. А. Толстой прочное реноме друга и родственной души Льва Николаевича. При всех трениях и диссонансах теплота, а иногда и взаимная нежность их переписки – по крайней мере до начала 1880-х – неподдельны, как несомненна и живейшая благодарность Толстого за содействие влиятельной родственницы в решении многих занимавших его проблем, житейских и общественных. В числе их были и хлопоты об узаконении (как полагалось, высочайшим повелением) внебрачных детей его брата Сергея, и жалоба на местную жандармерию за обыск в Ясной Поляне, и поиски гувернанток и гувернеров для детей, и организация сбора средств для спасения голодающих в Самарской губернии летом 1873 года. Тем не менее возмусь утверждать, что Александра Андреевна произвольно обогатила собою тот резервуар характеристик, обстоятельств, положений, к которому автор АК прибегал для аллюзивного живописания неприятной ему элитистской религиозности. (То, что он ее же подчас развлекал насмешками над дамами, которых считал святошами, не опровергает этого тезиса – не он ли был виртуозом литературного двоения следа?) Вообще, сам образ А. А. Толстой, как он существовал в сознании писателя, мог долгое время несколько упрощаться толстовцами по той причине, что многие из тех ее писем, где явлено расхождение корреспондентов в области религии, не вошли в первое, давнее, издание переписки и были опубликованы только в 2011 году.

¹³⁴ ЛНТ–ААТ. С. 120, 165 (письма А. А. Толстой от 4 июня 1858 г. и 10–16 мая 1859 г.).

¹³⁵ Юб. Т. 47. С. 144 (запись в дневнике от 15 июля 1857 г.).

Еще задолго до религиозных исканий Толстого конца 1870-х (когда между ними при возобновившихся тогда личных встречах вспыхивали особенно страстные споры о вере) ему случалось иронизировать над тем, как Толстая «обращает» его¹³⁶. Графиня Александра была глубоко верующей православной, приверженной официальной церкви. Однажды, в письме из Спа, она журила Толстого за похвалы англиканству, добавляя, что ей самой в местном англиканском храме «холодно», а в католическом – «минутами даже неприятно»¹³⁷. Были у нее и миссионерские, проповеднические задатки, склонность к религиозному морализаторству; на кое-кого эта интеллектуально утонченная, наделенная острым чувством юмора женщина производила впечатление безнадёжной ханжи. Так, в 1869 году юный великий князь Алексей (о ком чуть дальше будет уместно еще раз вспомнить в связи с его бурным романом, начавшимся именно в том году) одобрительно пересказывал в дневнике замечание одной из фрейлин: «... Александра Андреевна несносная и больше похожа на черта или на старого иезуита [*sic!*], чем на женщину»¹³⁸. Дидактизм Толстой, и в самом деле граничивший со святошеством, живо запечатлен в ее позднейших воспоминаниях – она трактует любовную связь Александра II с княжной Е. М. Долгоруковой столь ригористично, что не может скрыть почти физической антипатии, которую когда-то испытывала к малолетним детям императора и его любовницы¹³⁹.

При всем том, несмотря на упреки «внуку» за невоцерковленность, «бабушка» тяготела к мистико-пиетистскому модусу религиозности, для которого близость верующего к источнику веры – опыт скорее личный, чем церковный. Ее письма Толстому в годы, когда он был агностиком, полны артикуляций – на французском и русском – чувства Божественного присутствия в ее жизни, пронзительного сознания собственной греховности и истового упования на спасение; о каких-либо представителях клира нет и помину. В марте 1859 года она сообщала:

...Я собираюсь скоро говеть, и мне предстоит слишком много внутренней работы, чтобы отвлекаться жизнью внешней <...> Я недостаточно крепка, чтобы прикасаться к этому безнаказанно. Послушайте – это прекрасно, что вы работаете <...> но было бы очень жаль <...> если бы вы из-за этого пренебрегли говением. Сделайте это из любви к своей мятущейся душе – потом вы будете делать это из любви к Тому, Кто весь – Любовь. Вы постигнете это в день, *Им* предназначенный для вашего пробуждения.

Через пару недель она возвращается к этой теме, отвечая на письмо Толстого, в котором она усмотрела признаки религиозного «настроения души»:

Дай Бог, чтобы оно сохранилось до конца, и тогда вас не минуют новые прозрения. Как только перестанешь противиться Господу, Он приходит, чтобы утешить и ободрить. Эта душевная процедура (*toute cette procédure de l'âme*¹⁴⁰) мне хорошо знакома, но как тонко и деликатно надобно обращаться с внутренними голосами. Малейшее невнимание – и вот они замолкли <...>¹⁴¹.

¹³⁶ ЛНТ–ААТ. С. 172 (письмо Толстого от 12 июня 1859 г.). См. также его позднейшие отзывы о Толстой в письмах В. Г. Черткову в 1897 году и брату С. Н. Толстому в 1904–м: Юб. Т. 88. С. 10; Т. 75. С. 80 (также: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 498). Убедиться в подчас чертовой нравоучительности Александры Андреевны имел случай и приятельствовавший с нею И. А. Гончаров, тем более что перед ним она представляла большей частью в официальной ипостаси придворной дамы. См.: Гончаров И. А. [Письма] А. А. Толстой, 1865–1883 / Вступ. ст., публ., коммент. В. К. Лебедева и Л. Н. Морозенко // Литературное наследство. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 407, 423–425.

¹³⁷ ЛНТ–ААТ. С. 177 (письмо от 4/16 июля 1859 г.).

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹³⁹ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе / Сост. Н. И. Азарова, Л. В. Гладкова, О. А. Голиненко, Б. М. Шумова. М.: Энциклопедия российских деревень, 1996. С. 169–170.

¹⁴⁰ «Вся эта работа души» представляется мне переводом более конгениальным русскому языку той эпохи, чем предложенный публикаторами вариант «эта душевная процедура».

¹⁴¹ ЛНТ–ААТ. С. 146 (письмо от 31 марта 1859 г.; ориг. на фр.), 150–151 (письмо от 17 апреля 1859 г., ориг. большей

Еще через несколько дней, узнав, что ее корреспондент так и не стал говеть из-за отвращения к обрядности, она с болью упрекает его в гордыне и заключает:

[Т]о, что мы ищем, так различно, уверяю вас, я ничего большего не желаю, как сознания своего ничтожества и своей виновности – и, когда Бог мне его посылает, хотя на одну минуту, и я чувствую себя сокрушенной раскаянием, – я благодарю Его, как за самую великую милость, которую Он может мне даровать. <...> У меня ничего нет, я ничего не могу сделать, но Ты все можешь мне дать! Какая сладость и в то же время свобода в этой зависимости!

Риторика резиньяции (характерно прошитая частым наименованием Бога местоимениями) поднимается до особенно высокой ноты, когда речь заходит об уходе близких людей. В октябре 1860 года, откликаясь на известие Толстого о его страшном горе – недавней смерти любимого брата Николая и сообщая о почти одновременной смерти вдовствующей императрицы Александры Федоровны, Александрин восклицала:

[В]аша потеря ничто иное как вестник Господний, протянутая рука Спасителя, призыв Его милосердия. Неужели и этот случай будет потерян для души вашей? <...> И я Его не знаю и не умею любить, как следует, – но всею душой *желаю* любить Его, и в этом одном желании есть уж целый светлый мир утешения¹⁴².

Отклики Толстого на эти внушения предвосхищали – с поправкой на эпистолярный этикет – те операции с лексемами «восторг» и «умиление», которые он начиная с первых редакций будет проделывать в АК для того, чтобы определить суть «утонченной» салонной набожности. А отдельные высказывания Александры Андреевны находят, как кажется, различимый отзвук в дискурсе и фразеологии графини Лидии Ивановны в полном развитии этого образа:

Опора наша есть любовь, та любовь, которую Он завещал нам. Бремя Его легко <...> Не вы совершили тот высокий поступок прощения, которым я восхищаюсь и все, но Он, обитая в вашем сердце <...> В Нем одном мы найдем спокойствие, утешение, спасение и любовь (429, 430/5:22).

(Ранним эхом соприкосновения Толстого с рассматриваемой субкультурой двора могло быть создание такого персонажа «Войны и мира», как Анна Павловна Шерер – напоказ сентиментальная, элегантно печальная и при этом политизированная в духе 1860-х годов фрейлина вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹⁴³.)

Некоторые обстоятельства общественной (она же служебная, по статусу придворной дамы) деятельности А. А. Толстой звучно перекликаются с сюжетными деталями в АК. В течение многих лет она, наряду с исполнением прямых обязанностей фрейлины, являлась попечи-

частью на фр.).

¹⁴² ЛНТ–ААТ. С. 153, 156 (письмо от 21 апреля 1859 г., ориг. большей частью на фр.), 185 (письмо от 31 октября 1860 г.).

¹⁴³ См. в особенности изображение героини в одной из сцен с ее участием в рукописной редакции романа, где она, «подняв глаза к небу», произносит: «Подумайте, как страдают и переносят свои страдания лица, особенно женщины, и очень высокопоставленные <...> Ежели бы вы, так же как я, могли видеть целую жизнь некоторых женщин или скорее ангелов неба, страдающих, но не ропшущих от несчастья брака <...>» (Литературное наследство. Т. 94: Первая завершенная редакция романа «Война и мир» / Изд. подгот. Э. Е. Зайденшнур. М.: Наука, 1983. С. 390; см. также: *Зайденшнур Э. Е.* Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Там же. С. 21–30, 37–38, 62). Рукопись «от Аустерлица до Тильзита», уже нижний слой которой включает в себя этот фрагмент (ОР ГМТ. Ф. 1. «Война и мир». Рукопись 103. Л. 284 об.–285), была предметом оживленной исследовательской полемики. Зайденшнур убедительно датировала первый этап работы над нею концом 1864 года. Это, добавлю от себя, самый канун того периода, когда смерть цесаревича Николая (в 1865 году) и последующий разлад между августейшими супругами наложили глубокий траурный отпечаток на образ императрицы Марии Александровны и принятый в ее окружении стиль общения и поведения. Благодарю Татьяну Георгиевну Никифорову за текстологическую консультацию по названной рукописи.

тельницей исправительных приютов для проституток; заведение именовалось общиной Марии Магдалины, так что Толстая привычно и сочувственно называла своих подопечных «магдалинами». То было чрезвычайно хлопотное занятие, стоившее ей многих душевных мук: так, только после того как первый приют был открыт, попечительница впервые в жизни узнала о существовании малолетних девочек – жертв изнасилования и растления¹⁴⁴. Для этих «маленьких магдалин» в конце концов потребовалось учредить отдельный приют. Она регулярно сообщала Толстому о сопутствовавших ее деятельности неприятностях, в частности столкновениях с ведомством женских учебных заведений, возглавляемым принцем П. Г. Ольденбургским:

[Н]адобно было усиленно бороться с глубокомысленными убеждениями принца Ольденбургского или ожидать полного разрушения всех моих планов и отказаться от любимого дела. – *Vaincre ou mourir* [Победить или умереть. – *фр.*]. Бог помог – *j'ai vaincu* [я победила], но потом началась огромная работа, и из-за нее у меня не было и минуты отдыха. Между светом и *монастырем*, которые разрывали меня пополам, нужно было еще найти время для святого долга сердца <...>¹⁴⁵.

Однако Толстой – о чем можно было бы догадаться и без прямых свидетельств в письмах, зная его отношение к аристократической филантропии, – не расщедрился на моральную поддержку. «Что ваше дело Магдалин?» – небрежно осведомлялся он в 1865 году. «Ваши магдалины очень жалки, я знаю; но жалость к ним, как и ко всем страданиям души, более умственная, сердечная, если хотите; но людей простых, хороших <...> когда они страдают от лишений, жалко всем существом <...>», – писал он летом 1873-го (АК уже была начата), призывая Толстую привлечь внимание знакомых ей высших чиновников к самарскому голоду¹⁴⁶. Сопоставление процитированных фраз рождает мысль о том, что затронутое нами выше «дело сестричек» Мари Карениной в редакции 1874 года и графини Лидии Ивановны в ОТ намекает, кроме панславизма, на нечто подобное «делу Магдалин» («община», «монастырь»), а батальная риторика рассказов Александры Андреевны об интригах бюрократии против нее прямо отзывается в выпретенных ламентациях: «О, как я подрублена нынче» (Мари Каренина)¹⁴⁷; «Я начинаю уставать от напрасного ломания копий за правду <...> [С] этими господами ничего невозможно сделать <...> Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потом обсуждают так мелко и ничтожно» (Лидия Ивановна [108/1:32]).

Тень Александрин витает и над таким нюансом авантекста АК, как размещение персонажей по разным дачным местам под Петербургом. До середины 1860-х годов, то есть своего назначения ко двору императрицы, корреспондентка Толстого в летние сезоны нередко присылала письма из Сергиевского (Сергиевки) – уединенной усадьбы великой княгини Марии Николаевны и ее покойного мужа герцога Лейхтенбергского в западной части Петергофа¹⁴⁸. И случайно ли, что в одной из ранних редакций именно туда, в Сергиевское, «под предлогом приглашения от друзей», переезжает с дачи Каренина в Парголово его щепетильная сестра, чтобы

¹⁴⁴ ЛНТ–ААТ. С. 259 (письмо от 29 января 1865 г.).

¹⁴⁵ Там же. С. 212, 215 (письмо от 13 февраля 1862 г.). Дядя Александра II принц Петр Георгиевич Ольденбургский вообще был в неприязненных отношениях с «интимным кружком» императрицы Марии. См. об этом: *Шереметев С. Д.* Мемуары. Т. 1. С. 115.

¹⁴⁶ ЛНТ–ААТ. С. 257, 307 (письма Толстого от января (между 18-м и 23-м) 1865 г. и от 30 июля 1873 г.).

¹⁴⁷ ЧРВ. С. 207 (РЗ). На благотворительность А. А. Толстой как «прототип» (понятие, которое, на мой взгляд, упрощает толстовскую систему разнонаправленных аллюзий) «дела сестричек» указано еще в первой монографии о генезисе романа: *Жданов В. А.* Творческая история «Анны Карениной»: Материалы и наблюдения. М.: Сов. писатель, 1957. С. 237. Однако ремарка автора, что «[к]ак раз в конце 1874 года Александра Андреевна возобновила свою деятельность» в приюте, едва ли может служить дополнительным аргументом: первый черновик, где упомянуто «дело сестричек», был написан в конце 1873 – начале 1874 года (о той стадии работы над романом см. подробнее гл. 2 наст. изд.).

¹⁴⁸ ЛНТ–ААТ. С. 161, 169, 171, 199, 203, 207, 221, 243, 248, 262.

не проводить лето вместе с принимающей Вронского Анной?¹⁴⁹ Сергиевское, похоже, имело в памяти Толстого ауру тихой обители для избранных. Именно там Александра Андреевна «в поэтическом домике на берегу моря, утопающем в зелени деревьев», наслаждалась беседами с жившей там благочестивой дамой преклонных лет, в которой видела «восхитительное воплощение практического христианства»¹⁵⁰. К слову, при небольшом дворе Марии Николаевны, старшей дочери Николая I, разительно похожей на него внешне, культ покойного императора – более или менее общий для всей царской семьи – принимал в 1860-х оттенок фрондирования реформам и вольностям нового царствования. Туда-то и пристало бежать сестре Каренина от погрязшей во грехе невестки. Но, припомнив это нечасто звучавшее на публике – в отличие от самого Петергофа – название, Толстой затем не включает его в текст, вероятно как раз из-за слишком приватного характера Сергиевского, его отождествления с одной из ветвей императорской династии¹⁵¹.

Еще один мотив, что в авантексте романа фигурирует, как описано выше, эксплицитно, а в *ОТ* – в пласте аллюзий, находит в биографии А. А. Толстой особенно выразительное соответствие. Это преклонение перед В. А. Жуковским как создателем, выражаясь сегодняшним языком, культурного канона. Подобно не попавшей в *ОТ* кухне Каренина («старая девушка, унылая и скучная, но торжественная»), Александра Андреевна «знала Жуковского и Мойера». Ее мать Прасковья Толстая, в девичестве Барыкова, дружила с племянницей Жуковского, одной из «прекрасных душ» его руссоистской духовной семьи Александрой Воейковой; Жуковский благоволил и самой Прасковье, и ее дочерям¹⁵². Приятельствовал с Жуковским и тот, кто был платонической любовью Александры Андреевны, – граф В. А. Перовский, видный военный, в молодости близкий будущим декабристам, на вершине своей карьеры служивший оренбургским и самарским генерал-губернатором и умерший в том же году, когда Александрин сдружилась с Толстым в швейцарском путешествии. В переписке Толстой задал ей прямой вопрос о Жуковском («... которого кажется Вы хорошо знали») уже после публикации *АК*, в конце 1870-х¹⁵³, когда, увлеченный замыслом нового исторического романа, остановился было в поисках героя и сюжета на В. А. Перовском и хотел узнать больше и о его личности, и о круге обще-

¹⁴⁹ *ЧРВ*. С. 224 (*P21*). «Парголово» – чтение публикаторами аббревиатуры «П.» в данном автографе, согласное с автографическим текстом позднейшей редакции (*P30*: 1 об.) и журнальной публикации, где фигурирует полное написание топонима. См. примеч. 2 на с. 83–84.

¹⁵⁰ *ЛНТ–ААТ*. С. 133–134, 171 (письма от 10 сентября 1858 г. и 16–21 мая 1859 г.; ориг. на фр., за исключением слова «старушка»). В ответных письмах Толстой шутливо подхватывает мотив «доброй старушки» в домике у моря.

¹⁵¹ Автор *АК*, как он признавал сам, неважно помнил географию петербургских загородных дворцов и дачных мест. Уже после отказа от Сергиевского как места «спасения» Мари Карениной от Анны он в опубликованном в 1875 году журнальном тексте Части 2 по-прежнему помещает дачу Каренина в Парголово, видимо предполагая, что оно находится где-то между Петербургом и Красным Селом (на самом деле – к северу от Петербурга, и Мари в процитированной версии действительно удалена от Анны на значительное расстояние, наверное, даже большее, чем нужно было автору). При переработке журнального текста для первого книжного издания Парголово было заменено на Петергоф (Печатные варианты // *Юб*. Т. 18. С. 499, 500, 503), что сделало частые встречи Анны и Вронского, находящегося в Красном на маневрах, как и его перемещения накануне скачек, географически правдоподобными. А в настоящее Парголово – в высшем обществе совсем не популярное дачное место – Анну должен был бы сослать на лето более ревнивый и властный муж. О петербургских дачных местах и культуре дачного досуга: *Малинова-Тзияфета О.* Из города на дачу: Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. В письме от марта 1875 года (*Юб*. Т. 62. С. 159–160) Толстой просил издателя «Русского вестника» М. Н. Каткова проверить в посылаемой рукописи названия петербургских пригородных мест, но Катков или не внял просьбе, или не заметил несуразности, возникающей из сочетания Парголово – Красное. Письмо опубликовано в 1953 году по копии, снятой еще до революции при систематизации архива Каткова. Переписчик утерянного с тех пор подлинника, не разобрав толстовский почерк, оставил пробел вместо названия как раз того места, насчет которого Толстой сомневался особенно. Этот топоним, судя по приведенным выше текстологическим данным, должен прочитываться именно как «Парголово», так что предположительная конъектура во фразе «В присылаемых теперь главах речь идет о [Петергофе?] и местностях под Петербургом <...>», сделанная публикаторами тома 62 с оглядкой на *ОТ* романа, ошибочна.

¹⁵² *Соловьев Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова – «Светлана». Т. 2. Пг., 1916. С. 84.

¹⁵³ *ЛНТ–ААТ*. С. 353 (письмо Толстого от 27 (?) января 1878 г.), 812 (коммент. публ.); 602 (письмо А. А. Толстой – С. А. Толстой от 16 января 1900 г.).

ния¹⁵⁴. Но имеется также письмо, относящееся к ранней поре их корреспонденции, где Жуковский, как видится мне, преподнесен Толстому непоименованным, но в расчете на узнавание. Отвечая весной 1858 года на тронувшее ее поздравление Толстого с Пасхой, сопровождавшееся изъятием благодарности за ее расположение к нему, Александрин сделала признание:

Положим, что и есть во мне теплота сердца, но что тут удивительного?
Я сама была столько балована, любима и согрета в свою жизнь! А если запас калорифера не истощился, это потому, что я не тратила его (как следовало бы) на *всех*, а берегла für Wenige¹⁵⁵.

Фразы на немецком языке в письмах Толстой весьма редки, и это вкрапление едва ли случайно. «Für Wenige» («Для немногих») – именно так назывался сборник образцов немецкой романтической поэзии и их переводов на русский язык, который в 1818 году Жуковский издавал малым тиражом, адресуя его в первую очередь своей платонически обожаемой августейшей ученице – молодой жене великого князя Николая Павловича Александре Федоровне, урожденной принцессе Прусской Шарлотте, будущей императрице¹⁵⁶. Это издание стало компонентом атмосферы куртуазного сентиментализма, подразумевая образ чистой душой, возвышенно одинокой особы монаршей крови, чье счастье и утешение среди толпы льстецов и завистников – истинная дружба со стороны *немногих* подданных. Привитый позднее к православному религиозности националистического толка, сентиментализм в стиле «für Wenige» культивировался и в «интимном кружке» невестки императрицы Александры – Марии, урожденной принцессы Великого герцогства Гессенского и на Рейне, вышедшей замуж за наследника престола цесаревича Александра Николаевича. Жена будущего Александра II близко к сердцу приняла свою новую веру, много лучше предшественниц выучила язык новой родины и стремилась быть, как это понималось ею и ее приверженцами, одной из немногих *истинно русских*¹⁵⁷.

Наследие Жуковского играло здесь известную роль. Для Марии Александровны в ее бытность и цесаревной, и императрицей, как и для приближенных к ней религиозных дам, Жуковский (который в 1830-х был педагогом цесаревича, а в 1840-м, уже завершая придворную карьеру, успел преподать начатки русского языка будущей цесаревне) символизировал некое особенно притягательное сочетание добродетелей. Эти поклонницы содействовали и популяризации памяти о поэте. В 1869 году Мария с «большим интересом», как она сама писала об этом, прочитала свежизданный очерк К. К. Зейдлица о Жуковском и его творчестве – первый опыт биографии поэта¹⁵⁸. Публикация в «Русском архиве» писем Жуковского императрице Александре Федоровне – привлекавшая, как отмечено выше, внимание автора АК – началась в 1873 году по инициативе всё той же Анны Аксаковой, а о цензурном разрешении на печатание первой подборки позаботилась сама Мария¹⁵⁹. Как очевидно из присутствия имени поэта-царедворца в варьирующей саркастической дефиниции светского женского влияния в самых ранних редакциях АК (вспомним дам «высшего петербургского православно-хомяковско-добродетельно-придворно-жуковско-христианского направления»), Толстой, оставаясь чужаком, разбирался в символике, которую фигура Жуковского обрела в придворной субкультуре.

¹⁵⁴ Высказанное в свое время П. С. Поповым предположение, что Перовский послужил прототипом главного героя в набросках незавершенного произведения «Князь Федор Щетинин», недавно оспорено в толстоведении, однако интерес Толстого к фигуре Перовского не подлежит сомнению. Ср.: Юб. Т. 17. С. 689–692 (коммент.); Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т.: Художественные произведения. Т. 9: 1863–1884. М.: Наука, 2014. С. 421–424 (комм. А. В. Гулина).

¹⁵⁵ ЛНТ–ААТ. С. 100 (письмо от 30 марта 1858 г.).

¹⁵⁶ Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism. P. 179–236.

¹⁵⁷ Уортман Р. Сценарии власти. Т. 2. С. 165–167, 170–171, 249–250.

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 812. Л. 111 (письмо императрицы Марии министру двора А. В. Адлербергу от 30 июня 1869 г.; ориг. на фр.).

¹⁵⁹ Там же. Д. 197. Л. 1–2 (письмо издателя «Русского архива» П. И. Бартенева А. В. Адлербергу от 6 ноября 1872 г.).

Пожалуй, наибольшее значение для понимания динамики работы над АК, как и подтекста романа, имеют в переписке Толстого и Александры Андреевны те ее письма 1873–1874 годов, где настойчиво сквозит мотив несчастья в правящем доме. Вообще, Толстая была одной из тех придворных дам, чей глубоко личный, эмоциональный монархизм замешивался на своего рода самоотожествлении с горестями и лишениями женщин царской семьи, в особенности императрицы. И в самом деле, Мария Александровна заслуживала сочувствия. В 1865 году 41-летняя болезненная, часто выглядевшая изможденной женщина пережила сокрушительный удар судьбы – смерть любимого сына, наследника престола цесаревича Николая. Через несколько лет ее собственный мучительный недуг бронхов вошел в фазу обострения, и с того времени вплоть до своей смерти в 1880 году венценосная пациентка оставалась заложницей и самой болезни, и длительных курсов лечения, которые плохо совмещались с ее фаталистическим моральным настроением. Наконец, муж, которого она не переставала любить, с конца 1860-х завел фактически вторую семью с княжной Е. М. Долгоруковой¹⁶⁰, слухи о чем не просто циркулировали широко, но и отразились на восприятии частью подданных самого института монархии, тогда как Мария всегда была не только верной женой, но и, как мы еще увидим, принципиальной охранительницей устоев династии.

Толстая имела богатый опыт наблюдения супружеских неверностей и внебрачных связей в высшем свете, начиная с романа, а затем и морганатического брака своей первой патронессы великой княгини Марии Николаевны. Много лет спустя, в конце 1890-х, она в воспоминаниях изложила собственную версию истории отношений Александра II и Долгоруковой, постаравшись реконструировать в деталях хронологию разрастания династического скандала. Этот назидательный, в викторианском вкусе, не без ханжества, рассказ, местами точно подхватывающий и доводящий до крайности вольный или невольный дидактизм Толстого в АК (как если бы мемуаристка завидовала лаврам племянника, но подражала ему односторонне), возлагает главную ответственность за разврат в доме Романовых на ближайших родственников императора, первыми подавших дурной пример¹⁶¹. Один из ключевых пассажей напрашивается быть прочитанным как аллегория или иллюстрация к сакраментальному эпиграфу «Мне отмщение, и Аз воздам»:

За свою долгую жизнь при дворе я имела неоднократно возможность наблюдать *от начала и до конца* незаконные связи <...> Я могу и *должна* засвидетельствовать, что всякий раз, когда я попадала в подобные обстоятельства и была свидетельницей финала таких связей, я всегда поражалась безжалостной и справедливой воле Провидения. Вдруг на безоблачном небе возникала тяжелая туча и обрушивала странные события, которых никто не мог ни ожидать, ни предвидеть, на головы тех, кто помышлял безнаказанно нарушать Божий Промысел¹⁶².

Во фрейлинском кружке императрицы осведомленность об адюльтере императора, подчас порождая ни много ни мало конфликт лояльностей, оборачивалась драматизацией образа Марии Александровны как мученицы. Тема внебрачной связи Александра пребывала табуированной, и упоминать об этом можно было только в келейных разговорах; сама же Мария хранила, по выражению Толстой, «героическое молчание»¹⁶³ и старалась не выдавать своих чувств оскорбленной жены (свидетельством чему и не прерывавшаяся до последних месяцев ее жизни, ровная по тону переписка между нею и мужем в те – весьма частые в 1870-х – пери-

¹⁶⁰ См. недавнее исследование, помещающее царский роман в широкий политический контекст: Сафронова Ю. Екатерина Юрьевская: Роман в письмах. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017.

¹⁶¹ Толстая А. А. Записки фрейлины. С. 92–94.

¹⁶² Толстая А. А. Записки фрейлины. С. 225–226.

¹⁶³ Там же. С. 82.

оды, когда они находились вдали друг от друга¹⁶⁴). Потому-то изъятие сострадания к императрице держалось столько же на невербальных формах коммуникации, и без того крайне значимых при дворе, сколько на искусстве иносказания и недомолвки.

В 1873 году, когда Толстой приступил к созданию нового романа, тревоги Александры Андреевны были сосредоточены на судьбе дорогой ее сердцу воспитанницы – 20-летней дочери царской четы, великой княжны Марии. Весной того года Толстая в составе небольшой свиты сопровождала обеих августейших Марий, мать и дочь, в путешествии по Италии, где великая княжна должна была ближе познакомиться с искателем ее руки – вторым сыном королевы Виктории принцем Альфредом, герцогом Эдинбургским. В мае Александра Андреевна написала из Сорренто Толстому, который – стоит заметить – к тому времени уже имел пробный эскиз АК с очерченными завязкой, кульминацией и развязкой, но еще далеко не окончил разработку характерологии, фабулы, архитектоники сюжетных линий. Взывающее о сочувствии письмо Толстой являет собою образчик той выпендренно-уклончивой манеры, в какой при дворе, а особенно во фрейлинском кружке говорили о разладе в царском семействе; на конкретную причину душевного смятения, переживаемого лично ею, делается в конце концов прозрачный намек:

Мое письмо, дурачки загадочное, вам покажется немного яснее, если я скажу, что речь идет о судьбе моего ребенка (*il s'agit du sort de mon enfant*). <...> Все это еще усугубляется бесчисленными тревогами, о которых я вам, может быть, расскажу, когда мы встретимся <...> Вы поймете меня гораздо лучше, когда перед вами однажды встанет вопрос о замужестве вашей дочери и вам это покажется не счастьем, а ужасным заговором (*cela vous fera l'effet d'une conjuration affreuse au lieu d'un bonheur*)¹⁶⁵.

О результате «ужасного заговора» – помолвке Марии и Альфреда – вскоре было объявлено во всеуслышание, а еще через полгода, в январе 1874 года, состоялось торжество бракосочетания, скрепившее первый в истории Романовых семейный союз с представителем британского правящего дома¹⁶⁶. Александр II не был энтузиастом этого выбора для дочери¹⁶⁷; шатким был и расчет на возможность улучшить таким способом межгосударственные отношения между Россией и Англией¹⁶⁸. Тем не менее празднества по случаю бракосочетания были пышными и проходили как в Петербурге, так и в Москве. Толстая не только присутствовала на всех них, но и настойчиво просила императрицу, чтобы ей позволили «считаться замужней дамой (*être considérée femme mariée*)» и сопровождать бывшую воспитанницу, уже герцогиню Эдинбургскую, в Англию, – предложение, которое императрица в записке министру двора оценила как «нескромное (*indiscret*)»¹⁶⁹. Накануне венчания Марии Толстая поверяла дневнику:

¹⁶⁴ Dolbilov M. A Courtier's Services near the Battlefield. P. 104–105, 110. Некоторые из писем императрицы мужу от середины 1870-х годов цитируются или упоминаются далее на этих страницах.

¹⁶⁵ ЛНТ–ААТ. С. 304–305, 306 (письмо от 11/23 мая 1873 г.; ориг. на фр.; перевод заключительных слов пассажа дан в моей редакции). Ответное письмо Толстого, посвященное в основном самарскому голоду, содержит реплику сочувствия корреспондентке в ее волнениях: Там же. С. 307 (письмо от 30 июля 1873 г.).

¹⁶⁶ Подробности см.: Hall C. Queen Victoria and the Romanovs: Sixty Years of Mutual Distrust. Stroud: Amberley Publishing, 2020. P. 95–125.

¹⁶⁷ Накануне помолвки, 28 июня 1873 года, Толстая записала в дневнике: «Говорила с Государем о том, что нас ожидает. Он покорился, как и я, без всякой симпатии к этому союзу, но мне кажется, у него сила покорности сильнее моей» (РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 92; документ представляет собою машинописную копию перевода подлинного дневника с французского на русский, выполненного Е. А. Масальской-Суриной; подлинник утрачен). О сомнениях родителей насчет брака Марии с Альфредом дают представления письма императрицы императору в апреле – июле 1873 года: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 789. Л. 39–88 об.

¹⁶⁸ Отголоском циркулировавших слухов о цели этого брачного союза является замечание мемуариста, что Марию «присватали за пьяного англичанина в надежде тем облегчить исполнение своих замыслов в Турции»: Шереметев С. Д. Мемуары. Т. 1. С. 244.

¹⁶⁹ Об этом сама императрица сообщала в декабре 1873 года министру двора А. В. Адлербергу запиской, которая и цити-

Старый год кончился и новый год начался для меня в слезах. Он похитит у меня мое дорогое дитя, мою милую великую княжну, не говоря о том, что еще тяготит мою душу! Нездоровье Императрицы и обедня без нее омрачают уже без того мрачную картину¹⁷⁰.

А спустя два месяца Александра Андреевна вновь обратилась с эпистолярным криком души к Толстому:

[У] меня такое чувство, будто я попала в гибнущую Помпею. <...> Я чувствую, что погребена под развалинами. Как и когда я оттуда выберусь, пока не знаю. Бог позаботится, а сама я больше не хлопочу. Весь этот год <...> был как долгая болезнь, закончившаяся агонией разлуки.

Констатация, что Мария вышла замуж «по любви» и что «королевская семья и вся Англия встречают ее с ликованием», сменялась в письме горьким сетованием: августейшие отец и мать «пожертвова[ли] единственной дочерью», выдав ее замуж за иностранного принца, пусть и родовитого, но «которого я нахожу <...> ничтожеством» – «Ни широты, ни пыла (*Rien de large, rien de chaud*)». Толстая боялась, что Англия, которая «так мелочна, так неискренна», низведет русскую царевну «до своего уровня» (по-русски Толстая могла бы сказать: «опошлит») ¹⁷¹.

Метафора «гибнущей Помпеи» передавала не только сокрушение стареющей бездетной женщины при расставании с объектом ее материнских чувств, но и печальное положение дел в большом семействе, которому она преданно служила. В атмосфере оживившихся тогда слухов и пересудов о правящем доме адресат легко мог прочесть между строк письма то, что для нас дополнительно высвечивается сопоставлением с цитированной дневниковой записью, – намек на глубокий разлад между самими венценосными супругами, разлад, без которого столь неудачная, по мнению Толстой, выдача единственной дочери замуж была бы невозможна. Торжества января 1874 года, совместные появления младоженов Александра II и его чахнувшей жены на различных церемониях в Петербурге в присутствии необычайного множества гостей еще прочнее связали личность Марии Александровны с ее образом страдальницы и жертвы. Вероятно, и отчуждение между нею и мужем, которому она старалась не дать проявиться в супружеской переписке или на вечерах в своей гостиной, труднее было скрыть, представ перед взорами толпы. П. А. Валуев, высокопоставленный чиновник, но не свой человек в узком придворном мирке, был среди тех, кто обратил особое внимание на императрицу, и не оттого, что та, как гласят другие свидетельства, была украшена необычным даже для роскоши романовского двора каскадом бриллиантов: «Выражение лица императрицы во время этого обряда [англиканской части церемонии бракосочетания. – М. Д.] было до того страдательное нрав-

руется мною: РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 813. Л. 33 об. Вероятно, официальный статус Толстой – незамужней придворной дамы, всего лишь фрейлины – не был достаточным для того, чтобы представлять русский двор на торжествах в Англии по случаю прибытия нововенчанной четы. (Возможно, императрица имела в виду и почти откровенное притязание недавней наставницы на материнскую роль.) В конце концов (о чем еще будет сказано ниже) главной дамой свиты, сопровождавшей юную герцогиню Эдинбургскую при въезде в ее новую страну, стала приятельница Толстой княгиня М. А. Вяземская.

¹⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 97 (запись от 1 января 1874 г.).

¹⁷¹ ЛНТ–ААТ. С. 313–314 (письмо от 16 марта 1874 г.; ориг. на фр.). Кроме понятных личных эмоций, в этих оценках проявился и националистический сантимент, высказываемый как бы даже в пику адресату («[М]не кажется, что вы немного англоман»). В дневнике Толстая через несколько лет призналась: «[В] сущности я никогда не могла помириться с тем, что она вышла за англичанина <...>» (РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 97 – недатированный автокомментарий к записям от января 1874 г.). А еще в начале 1860-х годов она писала Толстому о своей тогдашней воспитаннице, еще одной из многочисленных Марий правящего дома – старшей Романовской-Лейхтенбергской, «Марусе» (дочери великой княгини Марии Николаевны), вышедшей замуж за принца Баденского: «Мне хочется своими глазами увидеть, может ли немецкий принц сделать счастливой русскую женщину» (ЛНТ–ААТ. С. 249 [письмо от 25 июля 1863 г.; ориг. на фр.]). В этом свете поворот А. А. Толстой к панславизму в 1870-х годов видится закономерным.

ственно и физически, что при каждом взгляде на нее мои глаза тускнели от приступа слез <... >»¹⁷².

Наконец, вернемся к собственно АК. Толстой в тот период не оставался безучастным к придворной злобе дня, какой бы суетной она ни казалась ретроспективно в сравнении с экзистенциальной проблематикой романа, над первой частью которого он именно тогда усиленно работал, или с одновременно увлекавшими его педагогическими спорами об обучении грамоте. На сами торжества в Москве в конце января 1874 года он, разумеется, не выбрался из Ясной Поляны, упустив случай повидаться впервые за почти тринадцать лет с Александрой Андреевной. Но и накануне, и вскоре после этого, когда эхо праздника еще не стихло, он приезжал в Москву – по делам как литературным, так и школьным. На упомянутом выше чтении из АК в начале марта присутствовала Е. Ф. Тютчева, и с нею-то до или после чтения он говорил о Толстой, с которой его собеседница виделась ранее на торжествах. Разговор мог коснуться и тех деликатных материй, которые Толстая не раскрывала в корреспонденции, лишь намекая на них.

Вскоре по возвращении в Ясную Поляну он пишет ей, выражая сочувствие в ее невзгодах, упоминая о своей работе над новым романом («который мне нравится; но едва ли понравится другим, потому что слишком прост») и тут же – как пристало бы любителю великосветской хроники – комментируя прикомандирование двух общих знакомых к особе молодой герцогини Эдинбургской: «Какую прелестную представительницу русских женщин вы выбрали – Кн[ягиню] Вяземскую, и какой жалкий экземпляр русских мужчин – Калошин»¹⁷³. Княгиня Мария Аркадьевна Вяземская, урожденная Столыпина, невестка поэта и сановника князя П. А. Вяземского и одна из очень немногих придворных дам, в благоволении к которым император и его супруга сходились¹⁷⁴, как раз и заменила свою хлопотливую подругу Александру Толстую в почетной миссии сопровождения царской дочери в Англию. Свидетельством своего трепетного отношения к царскому семейству княгиня Мария Аркадьевна оставила ведшийся в путешествии дневник и отчеты, которые она с дороги и из Англии слала императрице¹⁷⁵. За несколько дней до того, как Толстой отправил цитированное письмо, русские газеты перепечатывали официальное сообщение из Виндзорского замка об аудиенции, которую по исполнению миссии, накануне возвращения в Россию, Вяземская вместе с другими членами свиты герцогини Марии получила у королевы Виктории¹⁷⁶.

Второй придворный в названной Толстым паре, когда-то его друг Дмитрий Павлович Колошин, чья нелестная характеристика в письме разрастается до целого пассажа: «Он именно

¹⁷² *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел / Ред., комм. П. А. Зайончковского. Т. II: 1865–1876 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 292–293. Количеством драгоценностей в наряде императрицы был впечатлен молодой великий князь Николай Константинович, даже назвавший своей американской любовнице Х. Блэкфорд их общую стоимость (см.: [Blackford-Phoenix H. E.] *Fanny Lear. Le roman d'une américaine en Russie, accompagné de lettres originales.* Bruxelles: A. Lacroix et Cie, 1875. P. 273). Оба они появятся ниже на этих страницах в связи с чуть более поздним резонансным происшествием, где тоже не обошлось без бриллиантов.

¹⁷³ ЛНТ–ААТ. С. 308, 309 (письмо от 6 марта 1874 г.; сокращенное написание титула раскрывается в публикации как «княжна»; чтение «княгиня» дается мною соответственно исправлению ошибки в идентификации носительницы титула). Ответом на это письмо и было то, в котором Толстая живописала «агонию разлуки».

¹⁷⁴ См. напр.: *Шереметев С. Д.* Мемуары. Т. 1. С. 120, 235, 478 примеч.; *Он же.* Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 2 / Сост. К. А. Вах, Л. И. Шохин. М.: Индрик, 2005. С. 262–263. Автор мемуаров приходился Вяземской зятем.

¹⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 4727 (дневник М. А. Вяземской), 4777 (письма императрице). В комментариях к разновременным публикациям цитированного письма Толстого спутница Марии ошибочно идентифицируется как дочь княгини М. А. Вяземской – фрейлина императрицы княжна А. П. Вяземская (*Юб.* Т. 62. С. 74; ЛНТ–ААТ. С. 791). Толстой еще с начала 1860-х годов знал о дружбе Александры Толстой с М. А. Вяземской (которая, кроме того, могла быть ему знакома как двоюродная сестра его севастопольского сослуживца А. Д. Столыпина и/или как теща кузена Д. С. Горчакова): ЛНТ–ААТ. С. 205 (письмо Толстого от начала августа 1861 г.), 218 (письмо от А. Толстой от 31 марта 1862 г.). Под углом зрения моего исследования важно отметить, что с приватным кружком императрицы имя матери должно было ассоциироваться гораздо больше, чем дочери.

¹⁷⁶ Новое время. 1874. № 61, 5 марта. С. 1. Ср.: Court Circular // The Times. № 27952. March 16, 1874. P. 9.

тот несуществующий русский человек, вертлявый (умом), без цели, от слабости подделывающийся под европейскую внешность, без правил, убеждений, без характера <...>», — ехал в Англию в качестве личного секретаря герцогини Марии, своего рода связного между нею и Министерством двора в Петербурге¹⁷⁷. Осведомленность Толстого в тонкостях статуса и обязанностей спутников Марии примечательна. Противопоставлением «прелестной представительницы» и «жалкого экземпляра» автор АК словно продлевал за пределы творимого романа формирующуюся там галерею пар — воплощений многообразных комбинаций фемининности и маскулинности.

Более того, с учетом динамики создания АК можно предположить, что хрестоматийной фразой из зачина романа, «Все смешалось в доме Облонских», мы отчасти обязаны всплеску интереса Толстого к семейным событиям в правящем доме. В литературе давно отмечен ее прообраз в написанном несколько раньше, в 1872 году или начале 1873-го, варианте начала романа об эпохе Петра I: «Все смешалось в царской семье»¹⁷⁸. Однако тот факт, что будущее присловье перекочевало в АК не сразу в этой форме, а проделав петлю метаморфоз, не оценен по достоинству.

Первая попытка открыть повествование емкой, энергичной фразой, из которой дальше проросло бы описание обстановки семейного разлада, была предпринята в январе или феврале 1874 года. Это была та стадия работы, когда Толстой рассчитывал вскоре завершить роман и издать его отдельной книгой, а потому спешил подготовить к типографскому набору первую часть. Уже избрав эпиграфом ко всей книге библейское изречение, а эпиграфом к данной части — собственный афоризм «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», автор пробует заменить размеренный зачин предыдущей редакции новым, более броским и захватывающим. Это новое предложение обрывается в момент его подъема к сложноподчиненной конструкции, как если бы оно превысило отведенный лимит: «В Москве, в доме Облонских, произошло нравственное землетрясение, все смешалось и сделался хаос, оттого что жена»¹⁷⁹. (От соблазна допустить генетическую связь «нравственного землетрясения» и «хаоса» с «гибнущей Помпеей» из цитированного выше письма А. А. Толстой уберегает бесспорная датировка последнего более поздним периодом, но стилистическое созвучие примечательно.) За этим следует правка, которая превращает эпиграф о счастливых и несчастливых семьях в первую фразу романа и ставит задачу резвого запуска самого рассказа теперь уже перед вторым предложением, вписываемым взамен пробы с сейсмической метафорой: «Все спуталось и смешалось в доме Облонских»¹⁸⁰. Правка продолжилась в следующей

¹⁷⁷ ЛНТ–ААТ. С. 309. В ответном письме Толстая, не снимая с себя ответственности за назначение Колошина, в целом согласилась с данной ему характеристикой (Там же. С. 312, 315). За сто с лишним лет, прошедших с первой публикации письма Толстого, на упоминание антипатичного ему «Колошина» нанизалась вереница разногласий между комментаторами относительно как личности носителя этой фамилии, так и меры информированности Толстого о составе группы, отбывавшей с Марией в Англию: Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857–1903. СПб., 1911. С. 249; Юб. Т. 62. С. 74; ЛНТ–ААТ. С. 791; Белоусова Е. П. Колошин Дмитрий Павлович // Лев Толстой и его современники. Вып. 3. С. 255–256. Хотя последняя из указанных работ верно разрешает сомнения в пользу Д. П. Колошина, его назначение секретарем Марии, что и имеет в виду Толстой (в отличие от непосредственного членства в собственно свите), остается автору неизвестным, отсюда напрасное допущение, что Толстой, называя Колошина в связи с бракосочетанием дочери императора, «действительно ошибся». См. дело Министерства двора о службе Д. П. Колошина при герцогине Эдинбургской: РГИА. Ф. 472. Оп. 23. В/о 258/1274. Д. 27.

¹⁷⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 9. С. 171; см. также статью о создании текста: <Роман из времени Петра I>: Комментарии // Там же. С. 460 (автор раздела – И. П. Видуэцкая). С зачином АК и процитированное предложение, и следующее за ним созвучны как построением фразы, так и ритмикой речи и даже сколько-то лексикой («смешалось», «связалась» – «в связи»): «Царевна связалась с братом двоюродным [Б. А. Голицына] Васильем Васильевичем, настроила Ивана царя и Петра царя забросила, и народ весь был в смущенье». Ср.: «Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами» (7/1:1). См. также: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Он же. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 630.

¹⁷⁹ P18: 1 (фраза вычеркнута). См. также: OnP. С. 196. В этой же рукописи автор возвращает роману заглавие «Анна Каренина», вместо которого на предыдущем, коротком, отрезке генезиса наличествовал вариант «Два брака».

¹⁸⁰ P18: 1.

рукописи, той самой, которую в марте 1874 году Толстой отвезет в Москву для сдачи в набор: слова «спуталось» и «смешалось» меняются местами¹⁸¹. И уже по ходу вычитки одной из корректур Части 1¹⁸² Толстой, отбросив второй глагол, наконец вычеканивает «Все смешалось в доме Облонских».

Не обстояло ли дело так, что мысль автора постепенно пробивалась к уже найденной и использованной в другом проекте, но с тех пор полузабытой (ведь провал замысла петровского романа был немалым разочарованием) словесной формуле? Иными словами, обрабатываемое выражение заострялось, сближаясь с аналогом-предтечей «Все смешалось в царской семье», по мере того как Толстой все больше узнавал о происшествиях и неладах не в старомосковской, а *современной* царской семье, и письма придворной родственницы все драматичнее намекали на ожидание еще худшего кризиса. Продолжая трудиться над фабулой превратностей счастья и несчастья в жизни вымышленных героев, он помещает мотив «царской семьи» в план подтекста и аллюзии, чем усиливает эффект светотени, переливов были и фантазии в изображении определенной социальной среды¹⁸³. Спустя год эта суггестивность романа отозвалась косвенным эхом в дневнике Александры Андреевны. В одной из записей февраля 1875 года похвала напечатанному накануне первому выпуску *АК* в «Русском вестнике» символически соседствует с возгласом тревоги, даже и тут приглушенным недомолвкой, за благополучие правящей семьи:

Приезд Государыни [из Сан-Ремо, где она проходила долгий курс лечения. – М. Д.] объявлен 23-го. Слишком жду его, чтобы верить этой радости. Только живущие в этом доме знают, что значит ее присутствие здесь. Утро провела <...> за чтением последнего романа Льва Толстого. Прелесть¹⁸⁴.

Реминисценции действительности двора и бомонда начали еще теснее вплетаться в сюжетную ткань *АК*, когда авантекст обогатился экскурсами в ту аристократическую субкультуру, где фрейлина императрицы служить чичероне никак не могла.

¹⁸¹ *P19*: 1.

¹⁸² Гранок 1874 года с этой поправкой, как и вообще правленных гранок первых десяти глав Части 1, не сохранилось (см.: *OnP*. С. 227–229), но в датируемой августом – сентябрем 1874 года верстке Части 1, которая предназначалась пока не для журнальной, а для книжной публикации (и чей текст еще подвергнется существенной доработке перед началом сериализации в «Русском вестнике» в начале 1875 г.), веская фраза читается уже без лишнего «и спуталось» (*K139*: 517; описание т. наз. дожурнальной верстки см.: *Гудзий Н. К.* Описание рукописей и корректур, относящихся к «Анне Карениной» // *Юб.* Т. 20. С. 675).

¹⁸³ Датируемая февралем 1874 года наборная рукопись Части 1, где автор продолжил шлифовку зачинной фразы «Все смешалось <...>», содержит частную, но интересную для нашего анализа поправку в следующей за вступлением сцене, а именно в мысленной речи Степана Аркадьича, старающегося припомнить свой сумбурно-фривольный сон. Как минимум в двух предшествующих редакциях некто Алабин (такова, к слову, была фамилия Стивы в ранних редакциях – не снится ли ему собственный двойник из глубины авантекста?) «давал обед в Нью-Йорке [в ориг.: Ньюјорк. – М. Д.] на стеклянных столах <...>» (*ЧРВ*. С. 93 (*P17*); *P18*: 1 об.–2). То, что имеется в виду город, а не ресторан, ясно из реплики: «Как там все в Америке bestolokovo, но хорошо было» (*ЧРВ*. С. 94). Правка же, сделанная в наборной рукописи, лишает локализацию определенности: «Да, Алабин давал обед в Дармшта[д]те, нет, не в Дармшт[адте], а что-то американское. Да, но там Дармшта[д]т был в Америке» (*P19*: 1 об.; вариант перешел в *ОТ* [7/1:1]). Выскажу осторожное предположение, что это раздвоение (добавляющее онейрологического правдоподобия Стивину припоминанию сна) могло быть связано с ассимиляцией авантекстом придворной злобы дня: Дармштадт был столицей Великого герцогства Гессенского на Рейне (в обиходе часто звавшегося Гессен-Дармштадтским или просто Дармштадтским), родины императрицы Марии Александровны; и она, и император гащивали там вместе и порознь, так что ассоциация царской семьи с Дармштадтом была устойчивой. Если моя догадка верна, то «Дармштадт в Америке» с такими чудесами, как поющие столы и «какие-то маленькие графинчики, и они же женщины» (8/1:1), предстает иронической аллегорией – особенно уместной в тот период – столкновения чинных дам правящего дома со свободными нравами иной светской среды. Известная интерпретация сочетания «Алабин, Дармштадт, Америка», предложенная Набоковым (*Набоков В. В.* Лекции по русской литературе / Пер. с англ. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 2001. С. 284), представляется мне натянутой, в особенности касательно идеи Дармштадта, не говоря уже об игнорировании ею черновых редакций романа.

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 102 (запись от 7 февраля 1875 г.).

3. Антропология гвардейского либертинства¹⁸⁵

Толстовский поиск того, как лучше изобразить и вобрать в вымышленный мир *АК* неоднородность и внутреннюю конфликтность петербургского высшего света и действующих в нем неписанных норм взаимоотношений и социализации, как и этикета дозволенного нарушения этих норм, особенно интересно отразился в авантексте Частей 2 и 3 *АК*. На рубеже зимы и весны 1874 года текст большинства глав Части 1 уже начал набираться в московской типографии (этому набору, напомним, не было суждено выйти из печати). Больше того, многие серии глав последующих частей – например, об Анне, Вронском и Каренине в день красносельских скачек (2:18–29) – находились на стадии аккуратно изготовленных С. А. Толстой беловиков (как вскоре после того станет ясно, отнюдь не финальных)¹⁸⁶. Именно тогда Толстой, отступив несколько назад в хронологии действия, расширяет в новых рукописях серию глав, в *ОТ* распределенных между финалом Части 1 и первой третью Части 2, о сближении Анны и Вронского зимой в Петербурге. В этих-то черновиках, помимо «интимного кружка» императрицы, выпукло и узнаваемо проступает тот сегмент большого света, который в невымышленной реальности был антиподом и благочестия, и «восторженного тона». Это – либертинская среда светских львиц и львов, смыкающаяся с гвардейской золотой молодежью и смежная с несколькими дворами или неформальными кoterиями великих князей, а отчасти – и с официальным двором самого Александра II¹⁸⁷. Проводником читателя по веселящемуся Петербургу, в черновых зарисовках которого дразнящий мотив трансгрессии и непристойности звучит явственнее, чем в *ОТ*, служит, разумеется, Вронский.

На этом – недолгом – отрезке генезиса *АК* персонаж, прежде чем бесповоротно стать графом Вронским, вновь фигурирует под титулом и фамилией из редакций 1873 года: князь Удашев. Высший родовой титул дворянина сочетается с фамилией, в семантике которой слышатся и удаль, и удача, и, возможно, мужественность в ее сугубо физиологическом аспекте. Более того, на одну из написанных с чистого листа вставок, притом четко датируемую мартом – началом апреля 1874 года, приходится момент, когда в генезисе текста к знатности и богатству героя добавляется блеск престижного флигель-адъютантского звания. И в черновом автографе¹⁸⁸, и в *ОТ* (2:5) Удашев/Вронский начинает рассказывать, а нарратив продолжает и заканчивает полную забавных деталей историю – о двух молодых подгулявших офицерах, наравшихся на энергичный отпор со стороны чиновника, чью юную законную, а вдобавок к тому беременную жену они приняли за лоретку. Оскорбленный муж – титулярный советник с «бакенбардами колбасиками» и, в масть к ним, немецкой фамилией Венден – намеревается подать официальную жалобу на повес, тогда как с их точки зрения обидчиком является он

¹⁸⁵ Для уяснения того, как обсуждаемые в этом параграфе редакции соотносятся между собой, см. Извлечение 1 на с. 122–127.

¹⁸⁶ Детали см. на с. 236 наст. изд.

¹⁸⁷ Термин «либертинство (либертинаж)» употребляется мной в широком значении демонстративного поведения, так или иначе предполагающего вызов моральным авторитетам и социальным условностям. Эстетизированное распутство аристократии, процветавшее в 1860–1870-х годах, имело, конечно же, лишь отдаленное отношение к оригинальному, бытовавшему еще в дореволюционной Франции понятию *libertinage*, в котором свобода нравов и агрессивный гедонизм смыкались с политическим и религиозным свободомыслием, вольтерьянством. Если либертины большого света эпохи *АК* и вносили лепту в подрыв устоев монархии, то только косвенно и непреднамеренно. Об избирательной рецепции французского либертинажа в России см.: Дмитриева Е. Французский либертинаж и его русские отголоски // Делон М. Искусство жить либертена: Французская либертинская проза XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 833–860, особ. 837–838, 852.

¹⁸⁸ P28: 10–14 об. Датируется указанным периодом на основании письма, в котором анализируемый фрагмент романа упоминался, как это очевидно, накануне, в момент или сразу после написания первого черновика. А именно, между 15 и 25 марта 1874 года Толстой обратился к свояченице Т. А. Кузминской с просьбой узнать у ее брата А. А. Берса, можно ли включить в роман слышанную от него «историю <...> об офицерах, разлетевшихся к мужней жене вместо мамзели» (Юб. Т. 62. С. 74). Также о датировке написания гвардейских сцен см. примеч. 2 на с. 130, а также параграф 2 гл. 2 наст. изд.

сам, причем таким обидчиком, который в силу разницы в статусе между гвардейцем и невысокого происхождения штатским не может быть вызван на дуэль за урон, нанесенный чести офицера. Задача примирения достается Вронскому. В самом этом эпизоде его флигель-адъютанство, особенно вместе с княжеским (выше графского) титулом исходной редакции, – прежде всего подробность, оттеняющая социальным колоритом психологическую достоверность успеха затеянного «миротворства»:

П[олковой] к[омандир] и У[дашев] оба понимали, что имя Удашева и флигель-адъютантский вензель должны много содействовать смягчению тит[улярного] сов[етника]. <...> Все казалось прекрасно кончено; но т[итулярный] с[оветник] хотел поделиться за папиросой с своим новым знакомым, князем и ф[лигель-] а[дъютантом], своими чувствами, тем более что Удашев нравился ему¹⁸⁹.

В самом деле, звание флигель-адъютанта – младшее среди особых военно-придворных званий¹⁹⁰ – давало постоянное членство в императорской свите, было сопряжено с почетными и ответственными поручениями императора (каким, например, позднее в романе будет для Вронского сопровождение жуирующего иностранного принца [4:1]) и часто открывало быстрый путь к вершинам карьеры. Быть флигель-адъютантом почти всегда означало быть лично знакомым монарху, а главное – на виду и на слуху у него. При Александре II, несмотря на некоторую девальвацию свитских званий как таковых вследствие частых пожалований (к началу 1880-х годов военная свита разрослась до 400 человек, и флигель-адъютанты составляли ее огромное большинство)¹⁹¹, многих носителей этого звания, особенно гвардейских ротмистров или полковников, добавочно возвышала известная публике неформальная, отеческая приязнь императора к уже отмеченным его милостью молодым офицерам.

В исходной редакции интермедии с Удашевым-миротворцем имеется нюанс, который, вторя акценту на флигель-адъютантском вензеле, помогает уловить незримое присутствие монаршей фигуры: злополучный Венден (недаром знающий толк в подаче жалоб) служит не где-нибудь, а в «комиссии прошений»¹⁹². Именно так и в бюрократической номенклатуре, и в обиходе называлось специальное учреждение при персоне императора, куда надлежало обращаться всевозможным искателям благодеяния с высоты трона – пособия, пенсии, защиты от несправедливости, помилования и т. п.¹⁹³ По долгу службы повседневно причастный к какой-никакой коммуникации подданных с самодержавным правителем, но сам находящийся не намного ближе к олимпу, чем те же просители¹⁹⁴, титулярный советник из комиссии прошений

¹⁸⁹ P28: 12, 13–13 об. Большой фрагмент из правленной копии этого автографа опубликован: ЧРВ. С. 196–201 (P31).

¹⁹⁰ Это звание не подменяло собою регулярный военный чин по Табели о рангах: Вронский на данный момент пока лишь ротмистр, но позднее в романе, в согласии с правилами гвардейского чинопроизводства, получит чин полковника. Со времени Крымской войны, когда новый император Александр II начал щедрыми пожалованиями быстро расширять состав военной свиты, звание флигель-адъютанта становится для Толстого одной из эмблем светского тщеславия (замечавшегося им в то время и в себе самом). «Насчет Флигельадъютантов – их человек 40, кажется, а я знаю положительно, что только два не негодяи и дураки <...>», – писал он в 1856 году В. В. Арсеньевой (Юб. Т. 60. С. 82 – письмо от 23 августа 1856 г.). Это в последующие годы отразилось и в его произведениях. В Первой завершенной редакции «Войны и мира» Жюли Карагина жаждет выйти за Бориса Друбецкого в особенности потому, что тот – флигель-адъютант (Литературное наследство. Т. 94. С. 543). Исторически Толстой точен: звание уже существовало в начале XIX века, – но аллюзия к 1860-м здесь, пожалуй, значимее. См. также: Красносельская Ю. И. Кто оставил Льва Толстого в Петербурге? («Флигель-адъютантская» протекция в жизни и творчестве писателя) // Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. С. 9–37.

¹⁹¹ Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XIX в. СПб.: Искусство–СПб, 1999. С. 412–413.

¹⁹² «Чиновник комиссии прошений титулярный советник Венден»: P28: 11 об.

¹⁹³ См.: Ремнев А. В. Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. Омск, 1998. С. 17–35; Engel B. A. Breaking the Ties That Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2011. P. 18–29.

¹⁹⁴ В интертекстуальном сообществе толстовских героев Вендену, вероятно, подошла бы заостренно сословная аттестация, которую – с точки зрения великорусского столбового дворянина – получает Берг, хрестоматийный служака-немец в «Войне и

должен по достоинству оценить притягивающую взгляд серебряную вязь «А II» – монограмму императора на эполетах собеседника.

В дальнейшей правке князь Удашев вновь становится графом Вронским, но его флигель-адъютантство – возникшее как функциональный штрих в конкретных сценах¹⁹⁵ – остается. Более того, оно становится чертой в основной характеристике Вронского, который, в отличие от предыдущих редакций, где персонажу присущи безразличие к светскому успеху и даже нарочитая несветскость, обладает придворным честолюбием. *ОТ* представляет Вронского в этом качестве при первом же упоминании о нем в романе. «Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант <...>», – говорит о нем Облонский Левину (46/1:11)¹⁹⁶.

Почти одновременно с историей об эскападе незадачливых ловцов камелий в авантекст романа вошел другой нравоописательный «либертинский» эпизод, и тоже в форме рассказа, почти пантомимы персонажа. Реквизит поклонникам романа должен быть памятен: кавалерийская каска, груша, большущие конфеты от дворцового кондитера. Пока Удашев/Вронский находится в Москве, в его петербургской квартире живет его младший сослуживец Пукилов – ему-то вскоре в генезисе текста, уже под фамилией Петрицкий (так и в *ОТ*), предстоит поучаствовать в погоне за госпожой Венден. Но и до этого у него есть чем зарекомендовать себя. Удашев, вернувшись домой, застаёт товарища навлекшим на себя череду крупных неприятностей, чем лишь подогревается охота того к дебошу. И исходная редакция¹⁹⁷, и *ОТ* (1:34) не скупятся на подробности в описании стиля жизни гвардейского гуляки, чьей – уже опостылевшей – любовнице, баронессе Шильтон, муж угрожает бракоразводным процессом. Одним словом, скандал громоздится на скандал. И все-таки, несмотря на терпкую – особенно по меркам того времени – откровенность подобных картинок в *АК*, они обретают настоящую рельефность при сопоставлении со свидетельствами, исходящими от невымышленных Вронских и Петрицких. Отвлечемся ненадолго от увековеченного Толстым анекдота, чтобы вернуться к нему с дополнительной аналитической линзой.

Одним из ближайших аналогов компании, где кутят, делают долги, совокупляются с проститутками (и не только) гвардейские персонажи *АК*, был в ту пору кружок великого князя Владимира Александровича, второго по старшинству из живущих сыновей императора, бонвивана с артистической жилкой и без мешающих сибаритству политических и военных амбиций. В свите великого князя – в особенности до его женитьбы, которая состоялась в том же 1874 году (ему было 26 лет), – затейливое ухарство не только широко практиковалось, но и получало зна-

мире»: «сын темного, лифляндского дворянина» (*Юб.* Т. 10. С. 187 [Т. 2, ч. 3, гл. XI]). Одноименный с фамилией персонажа старинный город Венден, который еще будет упомянут на этих страницах, находился именно в Лифляндской губернии.

¹⁹⁵ В генезисе *АК* Вронский (точнее, Удашев) впервые наделяется флигель-адъютантским статусом в начале 1874 года, то есть не в самых ранних редакциях, а на той стадии писания, когда Толстой рассчитывал вскоре завершить проект и издать роман отдельной книгой, без журнальной сериализации. В усиленно перерабатывавшейся тогда Части I и наново творившихся главах Части 2 рельефнее прежнего выступает петербургская тематика романа. Именно в этой связи, примерно в то же время, когда в роман включается анекдот о неудачном флирте, где вензель помогает в миссии примирения сторон, в сюжетно смежном месте автор правит само представление персонажа в сцене беседы двух других, добавляя, в частности, реплику Стивы Левину: «...Удашев, флигель-адъютант, богат, влюблен в Кити и ездит к ним каждый день» (*P18*: 4 об.; правка в дожурнальной наборной рукописи Части I, вероятно по недосмотру автора, полностью удалила эту реплику (*P19*: 43), и она уже в новой версии, близкой к *ОТ* (46/1:11), была восстановлена при вычитке дожурнальных корректур летом 1874 года, с одновременной заменой «Удашев» на «Вронский» [*K118*: 1]). Ср. интродукцию персонажа в более ранних редакциях, где его флигель-адъютантство не упоминается: *ЧРВ*. С. 110 (*P12*), 125 (*P17*). О двух стадиях в генезисе романа, когда персонаж именовался «Удашев», см. примеч. 3 на с. 269–270.

¹⁹⁶ Как в уже цитированном исходном автографе этого фрагмента (*P18*: 4 об.), так и в *ОТ* Стива тут же сообщает: «Я его узнал в Твери, когда я там служил, а он приезжал на рекрутский набор» (46/1:11). Это не случайно: надзор за производством рекрутских наборов был одним из наиболее частых поручений императора флигель-адъютантам. Интересно, что в *ОТ* флигель-адъютантство упоминается в интродукции также и Левина, хотя и от противного: «[Е]го товарищи теперь, когда ему было тридцать два года, были уже – который полковник и флигель-адъютант, который профессор, который директор банка и железных дорог или председатель присутствия <...>» (30/1:6).

¹⁹⁷ *P28*: 4 об.–6. О генетической связи между автографами двух гвардейских анекдотов – о каске и о неудачном флирте – см. также примеч. 2 на с. 130.

чение некоей эстетической программы, что выражалось в подчас изощренных живописаниях разнообразных действий и положений. Наперсником Владимира и главным певцом увеселений кружка, а в каком-то смысле и творцом эстетизирующего дискурса был бойко владевший пером адъютант его высочества, начавший службу в блестящем лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку, граф Павел Петрович Шувалов, в петербургском свете известный под прозвищем Боби, – любопытный тип либертена-интеллектуала. (Историкам он известен преимущественно как один из организаторов «Святой дружины» 1881–1882 годов, – заявка на роль охранителя устоев, которую не так легко было бы предсказать за десять лет до того¹⁹⁸.) Неплохо образованный аристократ, почтительный сын, помощник отца в управлении имениями, заводами и копиями (состояние было огромным), чуткая, способная к интроспекции натура, он же был и циничный прожигатель жизни, который, как явствует из его собственных писем, лечился в те самые годы и от морфинизма, и от сифилиса. Именно в ответ на некую эпиграмму по своему адресу от сотоварищей по кутежам, напоминавшую о расплате за сексуальные излишества, Шувалов сочинил непристойный стишок, где запечатлена принятая в той среде манера взаимного бравирования маскулиным молодечеством:

Друзья, вы правы: но пока
В душе горит огонь желанья
И не дрожит моя рука
В часы разврата и лобзанья;
Пока п...у я чту п...ой,
А не пустою табакеркой
И у.. многострадальный мой
Торчит порою под венгеркой;
Пока он Х..., прошу понять,
А не дебелая кикишка —
Я буду е..., е.... м...!
Я буду е..., ядрена шишка!
Когда же он (как верно вы
Заметили в своем посланьи)
Свернется лыком и, увы!
Не будет думать о вставаньи;
П.... мне будет: некий икс;
И мне придется в горе оном
Тебя, о Верцингеторикс!
Считать единственным тевтоном.
Я брошу женщин и вдвоем
Уж не засяду под беседкой:
Где нужно действовать х...,
Нельзя отделаться м.....!¹⁹⁹

¹⁹⁸ Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850-х – середина 1870-х гг. М.: Русское слово, 2002. С. 315–317.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 274. Л. 66 об. Пропуски букв в подлиннике; некоторые особенности орфографии и пунктуации сохранены. Стихотворение не датировано. В толстой тетради для разнообразных записей, служившей Шувалову много лет, оно помещено среди других опытов, четко датируемых концом 1871 года. Ссылка на полученное от «друзей» «послание» и вплетенная тема франко-германского соперничества дают основание для его датировки этим же периодом: в те месяцы Шувалов в качестве компаньона и конфиденанта сопровождал младшего брата своего патрона – великого князя Алексея Александровича в атлантическом плавании, в которое тот был отправлен отцом, Александром II, для пресечения любовной связи между ним и фрейлиной А. В. Жуковской (дочерью поэта). Шутка с упоминанием Верцингеторига как «тевтона» остается мне не вполне понятной, но несомненно то, что в ней отзывается политическая злоба дня – поражение Франции

В переписке этого жреца фаллического культа с другим молодым приближенным великого князя, графом Алексеем Перовским (непутевым отпрыском придворной семьи, с которой очень дружила А. А. Толстая), отыскивается пассаж, который был бы более чем на своем месте и в воображаемом письме Вронского приятелю-квартиранту. Участвовавший в 1873 году в Хивинском походе, не в последнюю очередь с тем чтобы оставаться подальше от столицы, покуда не была ясна степень тяжести его венерического заболевания, – воистину Средняя Азия была тогда убежищем от разных бед и невзгод, – Шувалов с бивуака у Аральского моря приветствовал переезд Перовского из Петербурга в Царское Село:

Очень обрадовался, что ты наконец решил воспользоваться царскосельскою квартирою [автора письма. – М. Д.]. Убедительно прошу тебя продолжать в ней жить или по крайней мере сделать из нее ябальное пристанище. Прошу тебя об этом убедительнейше. Тебе будет весьма удобно возить туда девок из Павловска. <...> Квартира, подобно пенковой трубке, хороша только тогда, когда постоянно обкуривается²⁰⁰.

Перовский отвечал, привычно смешивая кутежные и придворно-служебные новости, – личина лихого распутника и была, собственно, долгом службы при либертинствующем великом князе:

Я продолжаю вести себя очень нехорошо, предаюсь хотя умеренному, но постоянному пьянству, довольно часто расточаю семя и вообще не скучаю. Владимир Александрович третьего дня вернулся из Вены, где был с Государем на выставке, и мы теперь почти каждый вечер ужинаем в Павловске у татар²⁰¹.

В субкультуре, объединявшей этих двух гедонистов, демонстративно неограниченное потребление таких удовольствий, как алкоголь, секс и азартные игры²⁰², определяло принадлежность к «своим»²⁰³. Разумеется, пьянство, распутство и картежничество были и раньше способами времяпровождения среди молодых офицеров. Но эпоха 1860–1870-х, помимо расширения рынка сексуальных услуг вследствие большей социальной и пространственной мобильности лиц непривилегированных сословий, привнесла в традиционный гвардейский кутеж важное новшество. Молодые представители правящей династии все чаще оказывались, по выражению Перовского из цитированного письма, «сокутильниками»²⁰⁴ своих подданных, будь то аристократического или менее высокого происхождения. Тем самым специфические, свойственные воинской корпорации формы маскулинной трансгрессии теснее ассоциировались с монархической властью (хотя, конечно, не так прямо и совсем не с тем прицелом на возвеличение собственно самодержавия, как за полтора с лишним столетия перед тем во «все-

в войне с Пруссией (мотив импотенции) и начатая Наполеоном III еще в 1860-х культивация памяти о кельтском вожде, противнике Юлия Цезаря в Галльской войне.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 287. Л. 4 (письмо от 14 апреля 1873 г.).

²⁰¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1337. Л. 17 об. (письмо от 4 июня 1873 г.). «У татар» – вошедшее именно в 1870-х в разговорную речь обозначение нескольких модных ресторанов, где официантами служили татары. Ср. в АК: татарин, обслуживающий Облонского и Левина в «Англии» (40–42/1:10); Облонский, который после сеанса «ясновидения» у графини Лидии Ивановны «отдышался немножко свойственным ему воздухом» «у татар за шампанским» (618/7:22). В черновиках создававшегося в 1874–1875 годах «Подростка» Достоевский заменял «у Дюссо» (по имени ресторатора) на «у татар»: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 17. «Подросток»: Рукописные редакции; Наброски 1874–1879. Л., 1976. С. 116, 218.

²⁰² См. о такого рода манифестациях маскулинности как атрибуте власти в Европе раннего Нового времени и их заимствовании в петровской России: Kivelson V., Suny R. G. Russia's Empires. New York: Oxford University Press, 2017. P. 96–97.

²⁰³ См. цитату 1 на с. 124, объясняющую, почему в ОТ Вронский «холодно» здоровается с другим своим сослуживцем – Камеровским.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1337. Л. 17.

шутейшем соборе» Петра I²⁰⁵). В этих условиях совместное пользование холостым жильем богатого, да еще *придворного* гвардейца, с превращением его в либертинское «пристанище», становилось обрядом товарищества, круговой порукой в нарушении благопристойности и чинности «внешнего» социума.

Итак, Удашев возвращается домой, в подобную шуваловской квартиру. Светские, полковые и прочие новости и сплетни, которыми его осыпает сослуживец, в редакции исходного автографа смешиваются в более пикантное попури, чем в *ОТ*. Пресловутый Бузулуков, нашедший на балу альтернативное применение своей каске, возникает в болтовне Пукилова/Петрицкого на стыке двух анекдотов, и первым из них, не вошедшим в *ОТ*, рассказчик выстреливает, будучи спрошен Удашевым еще об одном их сослуживце:

– <...> Ну а Граве что?

– Ах, умора, поступил новый, ты знаешь, из юнкеров В[еликого] К[нязя].

Граве влюблен, как девушка, не отходит.

– Фу, гад[ость]. Экой старой. Это хорошо Бузулокову²⁰⁶.

– Ах, с Б[узуловым] была история прелесть <...>²⁰⁷

Такой секрет Полишинеля, как обыденность гомосексуализма в гвардии и военно-учебных заведениях, отразился уже в первом конспективном наброске романа²⁰⁸. Примечательная сценка с гейской парой в полковой столовой (151–152/2:19)²⁰⁹, наряду с анекдотами от сослуживца героя, принадлежит к числу тех снимков с петербургских светских и свитских нравов, которые Толстой частью извлекал из памяти, частью черпал из рассказов знакомых, из слухов и спешил, обогатив их воображением, перенести на бумагу, сообщая задуманному роману остроту и пряность не только политически, но и эстетически злободневной прозы. К рубежу зимы и весны 1874 года, когда был написан черновик главы о возвращении Удашева/Вронского из Москвы, сценка в полковой столовой уже прошла правку и была перебелена С. А. Толстой в составе копии глав Части 2 о бурном дне скачек (чего мой анализ еще коснется). Это один из многих случаев, когда не только написание начерно, но и последующая отделка тех или иных мест романа могли производиться *до* работы над более ранними местами и даже, возможно, до самой их задумки, то есть как бы идя вверх по течению будущего финального текста. Таким образом, обмен репликами о влюбленном Граве в генезисе романа наследовал, а в самом романе, как он мыслился тогда, должен был предшествовать моменту, когда персонажи, прозрачно преподнесенные однополыми любовниками, сами появляются в «кадре» действия.

Удашев и его собеседник произносят лишь несколько слов о новом полковом курье, но исследователю генезиса *АК* сообщают они немало. Сама однополая пара выглядит сходно с той, что на тот момент уже закрепились в авантексте и перейдет в *ОТ*: «старый» Граве соответствует «пухлому» (во всех сохранившихся редакциях) старшему партнеру в другой паре²¹⁰,

²⁰⁵ Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

²⁰⁶ Так в автографе. В *ОТ*: Бузулуков.

²⁰⁷ P28: 5 об. Благодарю Марину Анатольевну Можарову за помощь, оказанную мне в прочтении автографа-вставки (л. 4 об.–6) в рукописи 28.

²⁰⁸ ПЗР. С. 729–730.

²⁰⁹ См. наблюдения над этим эпизодом в *АК*, сделанные параллельно анализу мотива гомоэротического влечения и воплощающих его персонажей в произведениях Достоевского: Naiman E. Kalganov // Slavic and East European Journal. 2014. Vol. 58. № 3. P. 398, 406. В готовящейся к печати работе Ольги Майоровой дан глубокий анализ эволюции эпизода с парой офицеров от ранней редакции до *ОТ* и убедительно показано, что Толстой в конце концов смягчил заложенное в текст осуждение гомосексуализма с позиции «правильной» маскулинности: Maiorova O. Portraying Fleshly Love: Sexuality in «Anna Karenina» Revisited (доклад на 50-м ежегодном съезде Association for Russian, East European and Eurasian Studies, Бостон, декабрь 2018 г.). Благодарю О. Майорову за предоставленную возможность ознакомиться с названной работой и ее же и Евгения Берштейна – за беседы и консультации, которые помогли мне сформулировать излагаемые здесь наблюдения.

²¹⁰ ПЗР. С. 729; P27: 23.

а вчерашний юнкер, уже произведенный, надо думать, в корнеты, – «молоденькому» офицеру, похотливо обхаживаемому толстяком (170/2:19). В обоих случаях – посредством и нарратива, и прямой речи героев – более или менее эксплицитное порицание или презрение достаются старшему из двух, в котором, следуя логике текста, а также стереотипов того времени, угадывается женоподобный, как тогда выражались, «страдательный педераст». Сравнение вожделеющего Грабе с влюбленной девушкой, даром что он немолод, красноречиво. Иначе говоря, отношения партнеров поняты по схеме совращения порочным, равнозначным путане перестарком неопытного юнца. «Эта гадина как мне надоела. И мальчишка жалок мне», – бросает в исходной редакции эпизода в артели приятель Балашова (будущего Вронского)²¹¹, и да не ускользнет от нас лексемная перекличка между этой фразой и недописанным и вычеркнутым, но твердо читающимся «Фу, гадость» в реплике Удашева.

Здесь нам не обойтись без короткого отступления о носителе или носителях фамилии Грабе или подобной ей в авантексте *АК*. Некий Грабе в рукописи 28 не был, вероятно, случайным именем в речи другого персонажа. В первом конспективном наброске романа (весна 1873 года) действует его почти однофамилец – ротмистр Грабе, сослуживец Балашова (будущего Вронского), причем вводится он именно в пресловутом эпизоде с гейской парой. Грабе с отвращением смотрит на старшего в паре («Эта гадина как мне надоела» – именно его реплика), но сам в следующей затем сцене скачек испытывает к Балашову почти нежность:

Грабе выше всех головой стоял в середине и любовался. Приятелем Балашовым он всегда любовался, утешаясь им после мушек, окружавших его. Теперь он любовался им больше, чем когда-нибудь. Он своими зоркими глазами издали видел его лицо и фигуру и лошадь и глазами дружбы сливался с ним и, так же как и Балашов, знал, что он перескочит лихое препятствие. <...> [О]н и они все с замираньем смотрели на приближающуюся качающуюся голову лошади <...> и на нагнутую вперед широкую фигуру Балашова и на его бледное, но веселое лицо и блестящие устремленные вперед и мелькнувшие на нем [то есть на Грабе, в ответ на его взгляд. – М. Д.] глаза²¹².

Несколько раньше написания черновика с «гвардейскими» эпизодами, на исходе зимы 1873/1874 года, Толстой создает новую редакцию глав Части 2 о дне скачек, где рослый и громогласный друг главного героя, игрок и кутила, звавшийся в 1873 году Грабе, становится Яшвиным, о чем еще будет сказано ниже. Логично было бы предположить, что возникающий вскоре тоже в окружении Вронского, но не в прямом контакте с ним Грабе (а не Грабе) мыслится иным, чем Яшвин, лицом.

Однако имеется разноречащее с таким предположением обстоятельство: незадолго до переименования Грабе в Яшвина, вероятно на рубеже 1873 и 1874 годов, Толстой, надеявшийся тогда вскоре завершить роман, создал первую редакцию глав об Анне накануне самоубийства (см. параграф 4 гл. 2 наст. изд.), где Грабе играет несколько более существенную роль, чем Яшвин в том же месте *ОТ* (627–628/7:25), да и отличается от него большей склонностью к трансгрессии. Влюбленный в Анну, но сдерживающий свое чувство вопреки ее приглашению к флирту, он получает такую характеристику:

[Д]ля Грабе, любившего порок и разврат, нарочно делавшего все то, что ему называли порочным и гадким, не было даже и тени сомнения в том, как ему

²¹¹ ПЗР. С. 729.

²¹² ПЗР. С. 734. В *ОТ* на мчащегося Вронского так же неотрывно – глазами любви – взирает в бинокль Анна (200–201/2:28).

поступить с женой или все равно что с женой товарища. Если бы ему сказали и убить потом, то он бы непременно постарался испробовать это удовольствие; но взойти в связь с женой товарища, несмотря на то, что он сам признавался себе, что был влюблен в нее, для него было невозможно, как невозможно взлететь на воздух <...>²¹³

Итак: генезис персонажа от Грабе к Яшвину не был, кажется, прямым, и при этом как Грабе, так и Граве – видел ли Толстой в носителях этих почти идентичных фамилий разные изводы одного персонажа в генезисе текста или двух разных персонажей – ассоциируются в черновых редакциях с теми или иными отступлениями от социальных конвенций или моральных норм.

Добавлю к сказанному не претендующую на многозначительность справку историка. Коннотация нерусского происхождения, которая слышится во всех названных фамилиях, закладывалась, вероятно, вполне сознательно. Если «Граве» должно было прочитываться как типично немецкая фамилия, то замена согласной, сохраняя этот колорит, могла порождать конкретную ассоциацию с той самой средой гвардейской кавалерии, в которой нам показан Вронский. Род Граббе (с середины 1860-х – графский), представленный в военной элите империи как при Николае I, так и при Александре II, имел шведские корни²¹⁴. В столичной военно-придворной среде 1860–1870-х заметной фигурой, близкой великим князьям – старшим сыновьям Александра II, был командир лейб-гвардии Конного полка (конногвардейцев) граф Николай Павлович Граббе, который вследствие участия в различных аферах промотал свое состояние. Один из имущественных исков к Граббе прямо коснулся министра двора А. В. Адлерберга, которому как раз в 1873–1874 годах пришлось выступать ответчиком по делу, и привел к примечательной коллизии между буквой закона и данным *ad hoc* царским повелением, фактически освобождавшим Граббе от ответственности за денежный долг²¹⁵. В свою очередь, «Яшвин» приводит на ум фамилию Яшвил/Яшвили (с ударением на второй слог), которую вместе с княжеским титулом носили в России XIX века потомки знатного имеретинского рода; один из них, В. В. Яшвил, за пятнадцать лет до описываемых событий командовал уже упомянутым на этих страницах лейб-гусарским полком²¹⁶. Мне, впрочем, неизвестно, опознавал ли Толстой эту фамилию как грузинскую. В последнем эпизоде романа с участием Яшвина шутовская реплика Вронского, намекающая на некое романтическое приключение его друга: «А Гельсингфорс?» (628/7:25), – привносит, перекликаясь с упоминанием в предыдущей главе «учительниц[ы] плаванья шведской королевы» (622/7:24), «скандинавский» мотив, угадываемый в раннем варианте фамилии – Грабе.

Независимо от степени выраженности негативного отношения к гомосексуализму, разговор о влюбленном Граве переплетает между собой нескольких либертинских мотивов. Заметим, что если, с точки зрения собеседников, немолодому офицеру не подобает пылать такого рода страстью, то Бузулокову – как вполне ясно из дальнейшего рассказа, еще молодому или, по крайней мере, по-юношески легкомысленному – «[э]то хорошо». То есть гомосексуальное

²¹³ ЧРВ. С. 524; отточие в публикации между «сказали» и «и убить» точно воспроизводит подлинник: P102: 47 об.

²¹⁴ О графе П. Х. Граббе, в молодости члене Союза благоденствия, а позднее участнике кавказских кампаний и члене Государственного совета см.: Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 231.

²¹⁵ См. сенатское дело: РГИА. Ф. 1354. Оп. 6. Д. 583. См. также: Шереметев С. Д. Мемуары. Т. 1. С. 76.

²¹⁶ См., напр.: Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. С. 164.

желание не исключено заведомо из числа трансгрессивных практик, одобряемых эталонами маскулинности в этой субкультуре, даже если оно не столь обычно, как кутежи с «девками» в Павловске. В этом же ряду мотивов примечательно само определение «из юнкеров Великого Князя». Имеется в виду, по всей вероятности, обучение на особый кошт в Николаевском (памяти Николая I) кавалерийском училище – основном, наряду с Пажеским корпусом, поставщике офицерских кадров в гвардейские кавалерийские полки. Подразумеваемый же великий князь – не кто иной, как 43-летний тезка своего отца, главнокомандующий войсками Петербургского военного округа и всей гвардии Николай Николаевич, младший брат Александра II. Из уже немалочисленных тогда «высочеств» разных поколений он был для гвардии именно *Великий Князь* – в значении имени собственного. Вскоре мы рассмотрим, где еще в авантексте и *ОТ* проступает эта фигура и как находчиво она включается в мотивное поле либертинства, но прежде поклонник молодых корнетов, о котором своевременно заговорили два персонажа, должен предстать перед еще более высокой, чем Николай Николаевич, августейшей персоной:

– Ах, с Б[узулоковым] была история прелесть, – рассказы[вал] П[укилов]. – Ведь его страсть балы, и он ни одного придворного бала не пропускает. Отправился он на большой бал во Дворце в новой каске. Ты видел новые каски. Очень хороши, легче. Только стоит и трется где побли[же] около Государя. Проходит Импер[атрица] с анг[лийским] послан[ником], и на его беду зашел у них разговор о новых касках. Импер[атрица] и хотела показать новую каску. Видят, наш голубчик стоит. – П[укилов] представил, как он стоит с каской чашечкой под рукой. – Импер[атрица] попросила его подать каску, он не дает. Что такое? Только Бар. ему мигает, кивает, хмурится: подай. Не дает, замер. Можешь себе представить? Неловко всем. Бар. взял у него каску, не дает. Вырвал. Подает Имп[ератрице]. «Вот это новая», – гов[орит] Им[ператрица]. Повернула каску, можешь себе представить, оттуда бух! груша, конфета. Други[е] говор[ят], 2 фунта конфет. Он это набрал, голубчик²¹⁷.

Процитированный пассаж – один из тех черновых фрагментов, что наглядно иллюстрируют познавательный потенциал генетической критики. В *ОТ* весь анекдот беднее колоритом и отсылками к невымышленной реальности: августейшая дама там – не императрица, а великая княгиня (та или иная – их уже было сколько-то); иностранный дипломат высокого ранга – не английский, а «какой-то» посол; фамилию усердного, надо думать, придворного, в исходной редакции дважды обозначенного как «Бар.», рассказчик не помнит твердо: «этот... как его...»; а сам виновник сумятицы – поскольку правка удалила новость о Граве из диалога – не преподнесен читателю как тот, кому пристало бы не только упиваться придворными балами и запасаться там десертом, но и влюбляться в юных однополчан. Не без последствий для смысла эпизода оказывается также «усушка» первоначальной фразы «[Б]ух! груша, конфета. Другие говорят, 2 фунта конфет» до «[Б]ух! груша, конфеты, два фунта конфет!» (114/1:34). В редакции *ОТ* пропадает ударение на том, что молва о потешном, но не совсем безобидном инциденте разошлась широко и обрастает в дальнейших пересказах новыми подробностями – как могли тогда же судачить в Петербурге и за его пределами о каком-либо из более серьезных происшествий в правящем доме. Даже мелкое разночтение «конфета/конфеты» не совершенно пустяково для задач мимесиса: редакция автографа позволяет зримее представить, что дворовая, «царская» конфета, здесь в единственном числе выпадающая из каски вслед груше, была довольно массивным кондитерским изделием²¹⁸.

²¹⁷ P28: 5 об.–6. Часть пунктуации добавлена мною без указания конъектуры.

²¹⁸ Вообще, привозить домой из дворца сладости, просто взяв их со стола, было в обычае даже у самых знатных гостей на таких празднествах (см. об этом: *Зимин И. В.* Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2013. С. 328–329), но комичность сценки в АК в том и заключается, что на десерт

Но вернемся к высочайшей особе в мизансцене. Как и «великая княгиня» в *ОТ*, императрица исходной редакции – персонаж без какой-либо явной индивидуальности, пусть даже с ее уст через прямую речь другого героя слетает три слова; в рассказе не проглядывает ни внешности, ни характера жены Александра II. Тем не менее кое-что из тогдашних обстоятельств и даже забот невымышленной императрицы схвачено в этом эпизоде, так что фигуру монархини в нем все-таки надо счесть скорее cameo, чем манекеном.

Сколь ни странно это может показаться сегодняшнему читателю, ситуация, в которой субтильная Мария Александровна держала бы в руках громоздкую, увенчанную статуэткой двуглавого орла парадную каску гвардейца, была правдоподобной. Правда, в большей степени, скажем, для 1860 года, чем для середины 1870-х. При восшествии своего супруга на престол она была назначена и оставалась вплоть до своей смерти в 1880 году шефом одного из гвардейских кавалерийских полков, который стал носить официальное название лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества (его предшествовавшим шефом-дамой была умершая в 1828 году вдовствующая императрица Мария Федоровна). Обиходно звавшиеся, по отличительному цвету мундира, «синими», кирасиры Ее Величества, наряду с кавалергардами, конногвардейцами и «желтыми» (полка Его Величества) кирасирами, являлись завсегдатями и украшением дворцовых и великосветских балов. Собственно, в эпоху *АК* это был эмблематический знак таких балов, ибо с начала 1860-х так называемая тяжелая кавалерия, с достодолжной эффектной атрибутикой, сохранялась только в гвардии²¹⁹. А из дам правящего дома прежде всего от Марии Александровны, ex officio полкового шефа²²⁰, ожидалась осведомленность о свежих переменах в обмундировании и снаряжении «синих кирасиров». Кто-то мог бы посоветовать, что замена императрицы великой княгиней лишила *ОТ* изюминки изящно мимолежного указания на полк, в котором служит Вронский²²¹.

Другую отсылку к фактуальной реальности первой половины 1870-х годов дает участие в эпизоде лица, именуемого сокращением «Бар.», которое выше в тексте автографа-вставки не вводится предварительно в повествование. С почти полной уверенностью я идентифицирую его как князя Владимира Ивановича Барятинского (1817–1875), младшего брата знаменитого «кавказского» фельдмаршала Александра Барятинского²²². В 1860-х годах он командовал престижнейшим из полков гвардейской кавалерии – Кавалергардским, а в начале 1870-х, перейдя на придворную службу, был назначен гофмаршалом двора императрицы²²³. В этом качестве он не раз сопровождал Марию в ее длительных лечебных поездках за границу и в Крым. Баря-

польстился не почтенный семьянин, чьи дети ждут «царского гостинца», а молодой сластена-гвардеец, к тому же делающий это украдкой.

²¹⁹ См. комментарии Г. В. Вилинбахова к изданию: *Трубецкой В. С. Записки кирасира: Мемуары*. М., 1991. С. 208–209, 211. Насмешливое «голубчик» по адресу истуканом стоящего, «с каской чашечкой под рукой», кирасира могло обыгрывать принятое в гвардейском жаргоне название двуглавого орла, украшающего эту самую каску, – голубь. См. также: *Марков М. И. История Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка*. СПб., 1884. С. 419–484.

²²⁰ Эмоциональная значимость этого августейшего шефства над кирасирами не была утрачена и в середине 1870-х годов, когда Мария уже редко появлялась на каких-либо торжествах и празднествах на открытом воздухе. См. запись в дневнике П. А. Валуева в январе 1876 года о кургузных приемах находившегося тогда не у дел, но по-прежнему окруженного почетом фельдмаршала князя А. И. Барятинского (о его младшем брате Владимире, незадолго перед тем умершем, говорится чуть ниже): «[Он] рассказывает анекдоты, шутит и любезничает надеваемыми им разными мундирами. Намедни он обедал у их императорских величеств в кирасирском в честь императрицы <...>» (*Валуев П. А. Дневник*. Т. 2. С. 321).

²²¹ Некоторые, менее красноречивые, детали *ОТ* позволяют скорее предположить, что Вронский служил в Кавалергардском полку. Три с половиной десятилетия спустя племянник С. А. Толстой Василий, сын Т. А. Кузминской, военный моряк, поспорив с сослуживцами о том, в каком полку служил герой *АК*, уговорил мать спросить об этом самого автора. Тогдашний Толстой не мог ответить свояченице иначе, чем он ответил – авторским дисклеймером («Не могу сказать, какого именно полка был Вронский <...>») и советом «милому Васе» «интересова[ть]ся узнать от меня вещи более нужные для жизни», но не удержался от того, чтобы добавить, что уж лейб-гусаром-то Вронский не был. Толстой – автор еще только создаваемой *АК* – согласно кивает из 1874 года (*Юб. Т. 78. С. 192* – письмо от 4 августа 1908 г.). К слову, уже знакомый читателю Боби Шувалов был именно лейб-гусаром.

²²² Об аллюзиях к фигуре А. И. Барятинского в произведениях Толстого см. заключительный параграф данной гл.

²²³ *Шереметев С. Д. Мемуары*. Т. 1. С. 69–74.

тинский был не просто (если это вообще могло быть просто) исполнительным придворным, отвечающим за аренду удобных вилл в Сан-Ремо или Сорренто, за взаимодействие придворной администрации с докторами, включая авторитетного С. П. Боткина, и за обслуживание, как и движение, особого царского поезда, которым путешествовала императрица, – он стал своего рода рыцарем, возвышенно преданным прекрасной даме. Так как Александр II в те годы уже не находил времени даже для краткосрочных посещений лечашейся вдали от России жены, гофмаршал выступал в этих вояжах мужчиной-*спутником* в малочисленной свите монархии. О мере доверительности его отношений с Марией свидетельствуют строки из его донесения из Сорренто в апреле 1873 года своему начальнику, а в частной жизни приятелю – министру двора графу А. В. Адлербергу: «Сделай милость, не пересказывай Государю того, что я пишу тебе о состоянии Императрицы. Она дала мне понять, что ей не хотелось бы, чтобы о ее нездоровье узнали»²²⁴. Это был тот самый итальянский тур, одновременно терапевтический и матримонильный, в котором императрицу и ее дочь великую княжну Марию, прочимую за герцога Альфреда, сопровождала также А. А. Толстая. Именно из Сорренто она выпренно писала автору уже начатой *АК* о горести предстоящего расставания с воспитанницей. И наконец, на исходе зимы 1874 года – именно тогда, когда Толстой перерабатывал одни и писал наново другие петербургские главы первого сезона своего романа – Барятинский вместе с княгиней М. А. Вяземской, названной, напомним, Толстым по этому случаю «прелестной представительницей русских женщин», состоял в свите Марии-дочери, уже герцогини Эдинбургской, при ее торжественном въезде в Лондон, и его имя раз за разом появлялось в газетных новостях²²⁵. Словом, «Бар.» чернового текста, радеющий об исполнении желания государыни, – еще одно cameo в этом эпизоде²²⁶.

При дальнейшем углублении в релевантные предмету исторические источники оказывается, что вымысел романиста словно бы угадывал быль в ее не самых очевидных современникам гранях. Эпизод из черновика *АК*, запечатлевший самый момент встречи лоб в лоб – да еще при посредстве каски – между двумя средами или субкультурами высшего общества, пуританской и либертинской (благочестивая болезненная императрица и гвардеец – воплощение ювенильного гедонизма), можно вообразить происшедшим, *mutatis mutandis*, внутри царской семьи. Эти субкультуры, впрочем, могли до какой-то степени уживаться в одной личности. Уже представленный читателю молодой великий князь Владимир Александрович являл собою выдающийся пример совмещения того нового духа «дозволенности» (но все-таки без

²²⁴ РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 203. Л. 93 (письмо от 16 марта 1873 г.). Переписка велась на французском, и местоимением, которое Барятинский употреблял для обращения к адресату, было «Vous». Однако, учитывая отличный от сугубо официального «Вы» характер «Vous» в контексте франкоязычной коммуникации носителей русского языка, как и общий тон писем, а также тот факт, что Барятинский часто использует для обращения дружеское прозвище Adalbert, я перевожу в данном случае французское «Vous» русским «ты». Об употреблении и конвертации личных местоимений второго лица в той переписке русских франкофилов, где практиковался частый переход с одного языка на другой, см.: *Офффорд Д., Ржеуцкий В., Арджент Г.* Французский язык в России: Социальная, политическая, культурная и литературная история / Пер. с англ. К. Овериной. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 423–424, см. также специально о французском языке в *АК*: с. 678–688. Ср. в *АК* ремарку к реплике Вронского: «Простите меня, что я приехал, но я не мог провести дня, не выдав вас, – продолжал он по-французски, как он всегда говорил, избегая невозможно-холодного между ними *вы* и опасного *ты* по-русски» (180/2:22).

²²⁵ См. напр.: Заграничные известия // *Голос*. 1874. № 61, 2 марта. С. 3; Лондон, 8 марта (корреспонденция «Голоса») // Там же. № 62, 3 марта. С. 3–4; Лондон, 12 марта (корреспонденция «Голоса») // Там же. № 65, 6 марта. С. 3.

²²⁶ Даже если бы весь этот фрагмент не подвергся авторской правке, вызванной, вероятно, соображениями цензурного свойства, едва ли упоминание известного лица того времени под его *подлинным* – полным ли, сокращенным – именем перешло бы в *ОТ*. В рукописных редакциях мне известно еще несколько случаев такого рода. Например, в датируемой мартом 1877 года наборной рукописи Части 7 Стива, хлопчущий о получении желанной кредитно-железнодорожной синекуры, дважды просит Каренина замолвить словечко не меньше чем самому «Посету» – министру путей сообщения К. Н. Посьету (Р84: 50, 51; ср. в *ОТ* – [604/7:17]). В одной из редакций глав Части 3 об Анне на следующий день после признания мужу, в очень смешной сцене (затем полностью отброшенной, вероятно, именно из-за уводящей в сторону юмористичности), приехавшая из провинции тетка Анны просит ходатайствовать перед военным министром Д. А. Милютиным за ее сына, дабы того зачислили «в юнкера»: «[Я] на одно рассчитывала, это – что ты и Алексей Александрович не откажетесь сказать словечко Милютину» (ЧРВ. С. 290 [Р56]). Однако в *ОТ* (включая варианты журнального текста) подобных упоминаний нет.

приставки «все-»), который возник в 1860-х годах среди молодежи правящего дома и ряда придворных кружков, – с династической благопристойностью. Все в том же итальянском августейшем вояже 1873 года он пробыл некоторое время с матерью и сестрой, и трудно отделаться от впечатления, что следующие строки из его письма верному Перовскому, посланного в те же дни из Сорренто, были написаны в пику преисполненным беспокойства донесениям Барятинского: «Пока дамы осматривали этрусские вазы, мы с Митой завернули в отделение похабных представителей древнего разврата. Усладив взоры наши видом ебли, хуев и т. д., мы присоединились к остальной компании и продолжали осмотр музея»²²⁷. Дополнительная эпатажность этого сообщения проистекает из устойчивого реноме упомянутого в письме Миты – Д. А. Бенкендорфа, еще одного сокутильника великого князя: он слыл пассивным гомосексуалистом, и блюстители нравов ставили в вину Владимиру приятельство с ним, продолжавшееся и после женитьбы великого князя²²⁸.

Такого рода терпимость (вспомним: «Это хорошо Бузулокову») отнюдь не противоречила либертинской фаллокрации, воспевавшейся великокняжеским кружком²²⁹. Если не гомоэротизм как таковой, то граничащая с ним бравада друг перед другом проявлениями сексуального желания сквозит в одном из ернических, стилизованных в карнавальной манере писем, которые еще в 1870 году Владимир и его друг-оруженосец Боби Шувалов совместно сочиняли, находясь на водах в Эмсе, в первой «взрослой» поездке этого великого князя в Европу. Написанное по-французски, письмо транскрибировано русскими буквами, – орфографический аналог менее невинных трансгрессий, а кроме того, по всей видимости, уловка, призванная сбить с толку предполагаемого перлюстратора, ибо Владимир думал, что «черный кабинет» должен непременно интересоваться похождениями царского сына за границей:

Ву парлерон ну дю сэкс? <...> А врэ дир, лэ золи кон сон рар; мем боку де визаж ки он плуто л'эр дэ кю маль торшэ. Л'анфилаж этан дэ тут импосибилитэ, ну сом-3-ан трэн дэ ну мастюрбэ а мор, сэ ки сера ком дэ резон нюизибль а нотр сантэ [Поговорим о прекрасном поле? <...> Сказать по правде, хорошенькие ...²³⁰ редки; есть даже много лиц, которые больше похожи на немытую задницу. Так как анфилаж²³¹ совершенно невозможен, мы мастурбуем до упаду, что, само собой, повредит нашему здоровью]²³².

Эти и подобные эскапады не помешали Владимиру в 1871 году не только формально принять, но и одобрить консервативно-ригористическую позицию венценосных родителей в отношении любовной связи между его братом Алексеем и фрейлиной Сашей (Александрой

²²⁷ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 366. Л. 38 (письмо от 17 марта 1873 г.).

²²⁸ Шесть лет спустя панславист А. А. Киреев, придворный великого князя Константина Николаевича и добрый знакомый сестер Тютчевых, разделявший с ними возмущение аморализмом в правящем доме, записал в дневнике: «Негодяй Мита Бенкендорф, уличенный в *страдательной педерастии* (!) (об этом не обинуясь говорила его жена), катается в коляске великого князя Алексея Александровича и принят Владимиром Александровичем, который извиняется тем, что „mais il raconte ses infortunes matrimoniales d'une façon si spirituelle [ведь он так занятно рассказывает о своих супружеских несчастьях. – *фр.*]!“» (ОР РГБ. Ф. 126. К. 8. Л. 25 – запись от 3 мая 1879 г.).

²²⁹ Об эстетически культивируемом распутстве как одной из «эмоциональных матриц» русской знати начала XIX века (но на примере либертенов, среди которых не было члена правящего дома) см.: *Зорин А.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 419–428.

²³⁰ Читатель может вставить от себя то или иное непристойное наименование сексуально доступных женщин – в соответствии с фигурирующим в оригинале обценным словом «соп», означающим женские гениталии и употребленным здесь в собирательном смысле.

²³¹ Хотя в уже цитированном позднейшем письме Владимира налицо употребительный и тогда, и сейчас русский эквивалент, оставляю без перевода это слово, произведенное от глагола «enfiler» в его значении коитуса.

²³² ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 366. Л. 14 (письмо в. кн. Владимира и П. Шувалова А. Перовскому от 26 мая 1870 г.). Обратная транслитерация в моем прочтении: «Vous parlerons-nous du sexe? À vrai dire, le joli con sont rare; même beaucoup de visages qui ont plutôt l'air de cul mal torché. L'enfilage étant de tout impossibilité, nous sommes en train de nous masturber à mort, ce qui sera comme de raison nuisible à notre santé».

Васильевной) Жуковской, дочерью давно покойного поэта²³³. Этот роман зародился и развивался в той самой придворной атмосфере дозволенности, где славно дышалось и Владимиру, но, как выяснилось, это была не та дозволенность, которая распространялась бы и на перспективу морганатического брака одного из царских сыновей. Владимир внес лепту в «каноническую» семейную интерпретацию истории, согласно которой 29-летняя Саша была соблазнительницей наивного юноши²³⁴, а Алексей, намереваясь исполнить клятву верности любимой женщине, ожидающей от него сына, поставил себя на грань нарушения другой клятвы – великокняжеской присяги на верность императору и Учреждению об императорской фамилии, то есть самым основаниям династии²³⁵.

Извлечение 1. «Либертинские» сцены и эпизоды в датированных 1873–1874 гг. рукописях с общими мотивами и персонажами (Сцены и эпизоды (с указанием соотв. глав в *ОТ*): Автограф – первая редакция vs. Позднейшая рукописная редакция или вариант ²³⁶)

1. Вронский (Удашев) возвращается из Москвы в Петербург; компания знакомых у него дома; история с каской, грушей и конфетами в разговоре с Петрицким (Пукиловым) (1:34)

[P28 (март 1874). Л. 5, 5 об.–6]

Это была баронесса Шильтон, воспитанная в Париже полька, вышедшая замуж за настоящего Лифляндского Барона, бросившая мужа и сошедшаяся по любви с Пукиловым. <...>

– Ну так нынче в театре, – и, зашумев платьем, она [баронесса] исчезла.

Удашев пошел в уборную и, умываясь, продолжал болтать с товарищами, видимо довольными его возвращением. Весь мир полковых, Петерб[ургских], служебных честлюбивых, тщеславных, товарищеских и главное [любовных²³⁷] интересов того света, в котором он жил последнее время, охватил его.

– Не может быть, – закричал он из-за полотенца, которым тер лицо, при известии о том, что Лора какая-то сошлась с NN и бросила Ф. – Ну что же он? Все так же глуп и доволен? Ну а Граве что?

– Ах, умора, поступил новый, ты знаешь, из юнкеров²³⁸ В[еликого] К[нязя]. Граве влюблен как девушка, не отходит.

²³³ Скорее популярное, чем научное, но все же опирающееся на документальную базу изложение этих обстоятельств см.: Белякова З. Великий князь Алексей Александрович: За и против. СПб.: Логос, 2004. С. 85–101.

²³⁴ Не исключено, что, вводя имя Жуковского в черновые характеристики благочестивого женского кружка, Толстой имел в виду и то ироническое звучание, которое мог ему придавать недавний придворный скандал: за десять лет до того дочь поэта была приближена к императорской семье из почтения к памяти отца. А. А. Толстая, прежде покровительствовавшая Жуковской при дворе (отчасти также из пиетета перед всем «жуковским»), отвернулась от нее вместе с другими придворными дамами. См. письмо Толстой вел. кн. Алексею: ГАРФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 64.

²³⁵ См. об этом в переписке лиц, вовлеченных в гашение скандала: ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 174 (письмо вел. кн. Владимира императрице Марии от 16 ноября 1871 г.); Ф. 652. Оп. 1. Д. 730. Л. 7, 17 об.–18 (письма Шувалова (Боби) вел. кн. Владимиру от 12 ноября 1871 и 2 октября 1872 г.). Подробнее об этой истории я предполагаю написать в подготавливаемой работе о проблеме легитимности в политической культуре династии Романовых.

²³⁶ Для большинства этих сцен сохранились только одна или две рукописных редакции (варианта).

²³⁷ Слово, вероятно, пропущено в автографе по ходу быстрого писания; оно вставлено автором в копии (P29: 3 об.) и затем вычеркнуто в составе целого фрагмента предложения.

²³⁸ В копии цитируемого автографа – рукописи 29 (см. след. цитату) – текст прерывается на словах «из юнкеров»; правка разговора Пукилова (Петрицкого) и Удашева, сделанная в сохранившемся фрагменте копии, незначительна.

– Фу-гад[оеть] Экой старой. Это хорошо Бузулокову.

– Ах, с Б[узулоковым] была история, прелесть, – рассказы[вал] П[укилов]. – Ведь его страсть балы, и он ни одного придворн[ого] бала не пропускает. Отправился он на большой бал во Дворце в новой каске. Ты видел новые каски. Очень хороши, легче. Только стоит и трется где побли[же] около Государя. Проходит Импер[атрица] с Анг[лийским] Посланн[иком], и на его беду зашел у них разговор о новых касках. Импер[атрица] и хотела показать новую каску. Видят, наш голубчик стоит. – П[укилов] представил, как он стоит с каской чашечкой под рукой. – Импер[атрица] попросила его подать каску, он не дает. Что такое? Только Бар[ятинский?]²³⁹ ему мигает, кивает, хмурится: подай. Не дает, замер. Можешь себе представить. Неловко всем. Бар. взял у него каску, ~~вырвал~~ не дает. Вырвал. Подает Импер[атрице]. «Вот это новая», – гов[орит] Импер[атрица]. Повернула каску, можешь себе представить, оттуда бух! груша, конфета. Други[е] говор[ят], 2 фунта конфет. Он это набрал, голубчик.

[P29 (март – апрель (?) 1874). Копия автографа с правкой, сохранившаяся частично; в процессе правки фамилия Удашев оставляется, Пукилов заменяется на Петрицкий. Л. 1–1 об. Вписано автором на полях копии и затем почти целиком вычеркнуто:]

Она разливала кофей *Петрицкому и другому товарищу Удашева, высокому красавцу Ротмистру Камеровскому. <Петрицкий был повеса, вечно в долгах, вечно пьяный, вечно затевающий истории, вечно на гауптвахте за разные провинности по службе. Петрицкий был и не знатен, и не богат, и не особенно умен и был моложе Удашева. Но Удашев любил и даже уважал Петрицкого, так же, как и все товарищи. Но Камеровский, напротив, всегда честный плательщик, никогда не пьяный, сколько бы он ни выпил, всегда одетый с иголки, безукоризненный джентльмен, каким он сам считал себя, был противен Удашеву, и несмотря на то, что по товарищескому приличию он был с ним на «ты», Удашев невольно презирал его, так что ему надо было делать над собой усилие, чтобы вспоминать о нем. Петрицкий весь отдавался всегда своему порыву и не понимал то, чтобы можно было скрывать что-нибудь, и добросовестно прожигал свою жизнь. Камеровский, чувствуя необходимость в том кругу, в котором он был, иметь вид товарищески распуценный, притворялся увлекающимся человеком, но все скрывал и спокойно и твердо преследовал какую-то цель.>*

[Л. 3 об. На левом поле напротив нового варианта слов уходящей баронессы «Ну так нынче во Французском» – помета рукой Толстого:] Через Числову²⁴⁰

²³⁹ Прочитывается предположительно (см. в тексте главы). В рукописи «Бар.» возникает только в прямой речи Пукилова (в позднейших редакциях Петрицкого). Можно предположить также прочтение «Барон». Чуть выше в тексте автографа, как и в окончательном тексте, баронесса Шильтон рассказывает о претензиях своего мужа, но прямой связи между этим последним (само собой, носящим титул барона) и «Бар.» в рассказе Пукилова не улавливается.

²⁴⁰ Ср. с намеком на Числову в рукописи 27 (в той же сцене в офицерской столовой, где фигурирует пара офицеров). См. также ил. 2 в Приложении.

2. Скандал из-за жены чиновника Вендена, «миротворство» Вронского (2:5)

[P28 (март 1874). Л. 12, 13–13 об.]

П[олковой] К[омандир] и У[дашев] оба понимали, что имя Удашева и флигель-адъютантский вензель должны много содействовать смягчению Тит[улярного] Сов[етника]. <...>

Т[итулярный] С[оветник] подал руку и закурил слабую папиросу. Все казалось прекрасно кончено; но Т[итулярный] С[оветник] хотел поделиться за папиросой с своим новым знакомым, Князем и Ф[лигель-] А[дъютантом], своими чувствами, тем более что Удашев нравился ему.

[P31 (март – апрель (?) 1874), правка копии. ЧРВ. С. 199, 200]

Полковой командир и <Удашев> Вронский оба понимали, что имя <Удашева> Вронского и флигель-адъютантский вензель должны много содействовать смягчению титулярного советника. <...>

Титулярный советник подал руку и закурил папиросу. Все, казалось, прекрасно кончено, но титулярный советник хотел поделиться за папиросой с своим новым знакомым, <Князем> Графом и флигель-адъютантом, своими чувствами, тем более, что <Удашев> Вронской своей открытой и благородной физиономией произвел на него приятное впечатление.

3. Пара офицеров-геев (2:19)

[P1 (весна 1873). ПЗР. С. 729]

Он [Балашов. – М.Д.] доедал суп, когда в столовую вошли офицер и статский.

Балашов²⁴¹ взглянул на них и отвернулся опять, будто не видя.

– Что, подкрепляешься на работу, – сказал офицер, садясь подле него.

– Да. Ты видишь.

– А вы не боитесь потяжелеть, – сказал толстый, пухлый штатский, садясь подле молодого офицера.

– Что? – сердито сказал Балашов.

– Не боитесь потяжелеть, граф?

– Гей, человек, подай мой херес, – сказал Балашов, не отвечая.

Штатский тоже спросил у офицера, будет ли он пить, и, умильно глядя на него, просил его выбрать. <...>

Твердые шаги послышались в зале, вошел молодчина-ротмистр²⁴² и ударил по плечу Балашова. <...> Вошедший точно так же сухо отнесся к штатскому и офицеру, как и Балашов. <...>

Ротмистр громко, почти не стесняясь, сказал:

– Эта гадина как мне надоела. И мальчишка жалок мне.

²⁴¹ Прообраз Вронского.

²⁴² Чуть ниже в этой рукописи ротмистр назван фамилией Грабе.

[P27 (конец зимы 1874), верхний слой – правка копии, снятой с некоей промежуточной рукописи (которая развивала версию P1). Л. 23–24, 25]

[В]ошел молоденький, хорошенький офицерик с слабым тонким лицом, недавно поступивший из *Пажеского корпуса* в их полк, и пухлый, старый офицер <гвардейский>²⁴³, всегда сопутствующий молодому офицеру, с браслетом на руке. Вронский взглянул на них <и отвернулся>, *нахмурился и, как будто не выдав их, косясь на книгу, стал есть и читать одновременно.* <Он не любил ни того, ни другого, ни их отношений.> <...>

В комнату вошел уже немолодой, высокий и статный Ротмистр князь *Яшвин*. <...>

<Яшвин так же сухо отнесся к Брянскому²⁴⁴ и офицеру, как и Вронский, почти не замечая их.>

– *Вот неразлучные, – сказал он насмешливо на пухлого офицера и молоденького, которые выходили в это время из комнаты.* <...>

<Вронский громко, не стесняясь, сказал:

– Эта гадина как мне надоела. И мальчишка жалок.>

4. Намек на любовницу великого князя Числову (2:19)

[Автограф, вероятно, не сохранился.]

[P27 (конец зимы 1874), верхний слой – правка копии. Л. 24 ; см. ил. 4 в Приложении.]

– Что ж ты вчера не заехал во <Французский> *Красненский* театр. <Laporte прелестна была.> *Нумерова совсем недурна была.*

[Зачеркнутая пометка на правом поле:] Числова

5. Великий князь скабрёзно подшучивает над Карениным (2:28)

[P21 (конец 1873 – начало 1874). Л. 12 об.]

Прервав речь, Алексей Александрович поспешно, но достойно встал и низко поклонился проходившему В[еликому] К[нязю].

– Ты не скачешь, – пошутил ему В[еликий] К[нязь].

– Моя скачка труднее, В[аше] В[ысочество].

И хотя ответ был глуп и ничего не значил, В[еликий] К[нязь] сделал вид, что получил умное слово от умного человека и вполне понимает *la point de la sauce* [в чем его соль. – *фр.*].

[P27 (конец зимы 1874), верхний слой – правка копии. Л. 43 об.]

²⁴³ Не исключено, что С. А. Толстая, снимавшая эту копию с непосредственно предшествующей рукописи (вероятно, несохранившейся), в этом месте ошибочно написана «гвардейский» вместо фамилии «Брянский», а автор в ходе новой правки, зачеркнув не вполне логично звучащее определение (все офицеры на красносельских маневрах – гвардейцы), уже не стал вписывать имени. Ниже в тексте копии старший офицер дважды назван, как нечто само собой разумеющееся, Брянским, и в обоих случаях авторская правка заменяет фамилию наименованием «пухлый офицер». В *ОТ* Брянским назван знакомый Вронского, к которому тот едет накануне скачек уже после свидания с Анной, чтобы как можно скорее отдать деньги за лошадей, – безотлагательность, объяснимая разве что перестраховкой на случай своей гибели в заезде (172/2:20; 184–185/2:24).

²⁴⁴ См. предыдущее примеч.

Прервав речь, Алексей Александрович поспешно, но достойно встал и низко поклонился проходившему <Великому Князю> *военному*.

– Ты не скачешь, пошутил ему <Великий Князь> *военный*.

– Моя скачка труднее, Ваше Высочество²⁴⁵.

И хотя ответ <был глуп и> ничего не значил, <Великий Князь> *Военный* сделал вид, что получил умное слово от умного человека и вполне понимает *la point de la sauce*.

²⁴⁵ Толстой в процессе правки этой копии, «маскируя» великого князя, пропустил титул «Ваше Высочество» и обращение к Каренину на «ты», но дальнейшая правка (в несохранившейся наборной рукописи или корректуре) довела дело до конца, включив в себя при этом дополнительный намек на личность собеседника Каренина – он назван не просто «военным» (или даже «Военным»), но «высоким генералом».

4. «Моя скачка труднее, Ваше Высочество»

Молодой гвардеец-кавалерист, уличенный перед императрицей во дворце, да еще на глазах у иностранного дипломата, в невинной, но все-таки утайке, – не слишком ли затейливая комбинация персон и положений предстает в этой мизансцене? Именно весной 1874 года, когда был написан первый черновик главы с анекдотом о каске, в правящем доме разразилась драма весьма щекотливого свойства. В центре ее оказался 23-летний Николай Константинович, еще недавно командир лейб-эскадрона Конногвардейского полка, старший сын председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича, старший из всех племянников императора – обладателей великокняжеского титула, выпускник военной академии с задатками колонизатора-исследователя и при этом один из самых рьяных либертенов и женолюбив в молодом поколении Романовых. Никола, как его звали родные, к тому времени уже более двух лет состоял в любовной связи с 26-летней куртизанкой, уроженкой и гражданкой Соединенных Штатов Хэрриет (Генриеттой) Блэкфорд-Финикс (Blackford-Phoenix), прямой тогдашнего петербургского демимонда, более известной под богемным, а чуть позднее и литературным псевдонимом Фанни Лир (Fanny Lear). Сожительство было почти открытым и озабочивало и Третье отделение, и родителей любовника, и самого императора, вследствие чего в начале 1873 года Никола, который – к вящей дискредитации высокого сана – еще и страдал в ту пору сифилисом²⁴⁶, был отправлен в Хивинский поход. Отношения, однако, не пресеклись, поддержанные перепиской, и по окончании этой быстротечной кампании пара воссоединилась.

Оборвался же роман одновременно с резкой и необратимой переменой в самой судьбе великого князя: весной 1874 года он совершил два хищения в фамильных дворцах, включая Зимний. Добычей были бриллиантовая звезда, выломанная из оклада – худшее среди отягчающих обстоятельств – венчальной иконы его собственных родителей, а также несколько драгоценностей не кого-нибудь, а императрицы. В содеянном он был изобличен в середине апреля. Хотя нужда блиставшего мотовством Николы в деньгах, как выяснилось при расследовании, не была настолько острой, чтобы единственно стать и причиной, и побудительным мотивом такого безрассудного шага, связь кражи с намерением сделать содержанке дорогой, возможно прощальный подарок обнаруживалась неоспоримо, что усугубило впечатление надругательства над сакральным. Вслед за помещением Николы под домашний арест взята под стражу была и Блэкфорд, и все это быстро обрастало гроздьями слухов в Петербурге.

Отца преступника и самого Александра II поразили не только открывшиеся факты, но и самоуверенное заpiresательство, к которому пытался прибегнуть обвиняемый, прежде чем высказать мнение об отсутствии «существенного различия» между имуществом его родителей и своим собственным, что было не менее шокирующим (хотя и по-своему закономерным в свете правил и норм касательно финансового обеспечения членов правящего дома)²⁴⁷. Император был столь разгневан, что намеревался объявить публично об увольнении племянника со службы и подвергнуть его официальному судебному преследованию. Однако хлопотами великого князя Константина, чьему положению в династии и на службе этот скандал угрожал не меньше, Никола был после медицинского обследования признан душевнобольным (упор делался на последствия «излишеств половых наслаждений» и раздвоение личности), а потому

²⁴⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 675. Л. 27–36 (копия рапорта доктора Морева от 1873 г.). См. также: Зимин И. В. Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью: Повседневная жизнь российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2016. С. 678–679.

²⁴⁷ Эти обстоятельства подробно изложены в «Акте медицинского обследования <...>» от 12 августа 1874 г.: РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 675. Л. 55–223 об., см. в особенности л. 64, 158 об.–159 об. Ср.: Милютин Д. А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873–1875 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2008. С. 118–119 (запись от 18 апреля 1874 г.).

недееспособным²⁴⁸. «Я могу быть отцом несчастного и сумасшедшего сына, но быть отцом сына-преступника, публично ошельмованного, было бы невыносимо <...>», – записал сокрушенный отец в дневнике²⁴⁹. Не исключено, что этот ход был вольно или невольно подсказан Блэкфорд: при допросе она сообщила свои наблюдения над психической неуравновешенностью и странностями поведения любовника, и с нею затем заинтересованно побеседовал авторитетный психиатр, проводивший обследование²⁵⁰. Сама она уже через пару дней получила свободу благодаря не столько сотрудничеству с властями, сколько энергичному вмешательству американского посланника в России М. Джуэлла (Jewell), которого сомнительная репутация компатриотки хотя и смущала, но не остановила в исполнении консульского долга²⁵¹. Искательница приключений подчинилась требованию немедленного выезда из России, но уже в следующем году чувствительно напомнила о себе, издав книгу воспоминаний, – и в этой связи еще появится на этих страницах.

Признаюсь, при первом сопоставлении истории Николы с ранней редакцией анекдота о каске в АК я надеялся доказать предположение о сознательно введенной Толстым травестийной миниатюре: ведь крайняя нелепость преступления, дорого обошедшегося великому князю, в самом деле придавала его личности нечто бурлескное. Теперь, после ближайшего изучения датированного весной 1874 года пласта авантекста, мне представляется маловероятным, чтобы черновик не был уже написан до третьей декады апреля – самого раннего срока, когда до автора действительно мог дойти слух о петербургской краже по-великокняжески²⁵².

Иными словами, разумнее здесь предположить совпадение: груша и конфеты, спрятанные в каске, лишь на считанные, видимо, недели опередили невымысленную бриллиантовую звезду, угодившую из дворца в ломбард. Однако в известном смысле совпадение не было случайным²⁵³. Комический эпизод, взаимосвязанный и генетически, и тематически с другими изображениями петербургского бомонда в АК, доносит через подбор деталей то общее впечатление неустойчивости, неурядицы и разлада, которое на современников производила атмос-

²⁴⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 675. Л. 65 об.

²⁴⁹ Цит. по комментариям публикаторов: Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. С. 288–290.

²⁵⁰ «Если он действительно совершил то, о чем идет речь, это значит, что он находился в болезненном состоянии», – так изложены слова Блэкфорда в рапорте петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова шефу жандармов от 18 апреля 1874 года (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2619. Л. 42 об.–43; ориг. на фр.). О рассказе Блэкфорд профессору И. М. Балинскому см.: РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 675. Л. 117–119 об.

²⁵¹ Донесение Джуэлла в Вашингтон об этом деле от 4 мая 1874 года (н. ст.) опубликовано: McDonald E., McDonald D. Fanny Lear: Love and Scandal in Tsarist Russia. Bloomington: iUniverse, 2012. P. 271–283.

²⁵² В исходном автографе главы с анекдотом о каске фамилия приятеля Удашева (Вронского) – Пукилов (P28: 4 об.). А вот в правленной копии этой рукописи (P29: 1) и в исходном автографе тематически смежной главы с анекдотом про неудачный флирт двух гвардейцев (P28: 10 об.) тот же персонаж фигурирует, как и в ОТ, под фамилией Петрицкий, из чего следует, что второй автограф создан позднее первого. Меж тем о согласии своего шурина, рассказчика реального случая, на включение в роман анекдота о двух гвардейцах Толстой, как уже отмечено выше, спрашивал свояченицу между 15 и 25 марта 1874 года – следовательно, автограф главы с анекдотом о каске был написан, скорее всего, несколько раньше этих дней. Наконец, надо учесть то, что с середины апреля Толстой сосредоточился на вычитке и правке корректур начальных глав Части 1 АК и на написании программной педагогической статьи (см.: *Летопись*. С. 419–421) – занятиях, которые едва ли могли способствовать сочинению совершенно новых фрагментов АК на тему двора, света и гвардии, даже если бы слух о происшествии в Петербурге дошел до автора очень быстро. Подробнее хронология работы над романом в конце зимы и весной 1874 года обсуждается в гл. 2 наст. изд.

²⁵³ Сам сюжет похищения (действительного или мнимого) драгоценностей юнцом-авантюристом как вариация на популярную тогда тему быстрого и аморального обогащения волновал и писателей, и журналистов. Так, Достоевский в том же 1874 году развивал в подготовительных материалах к «Подростку» мотив ложного обвинения главного героя в «краже бриллиантов» (а не денег на рулетке, как в окончательном тексте), которую – согласно одному из эскизов – на самом деле совершает его приятель, «М[олодой] Князь» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 16: «Подросток». Рукописные редакции. Л., 1976. С. 222–223). Возможно, этот мотив непосредственно восходит не только, как отмечено комментатором романа, к прочитанной автором статье «воспитателя малолетних преступников» в «Санкт-Петербургских ведомостях», где говорилось о мальчишке, отправленном в тюремный замок за «кражу бриллиантов» (см.: [Галаган Г. Я.] Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 266–267), но и к нашумевшему происшествию в правящем доме (случившемуся, к слову, спустя всего три недели после выхода статьи).

сфера двора 1870-х. Сам состав и организация рукописи словно нарочно напоминают о междоусобице двух фракций и субкультур: правка, внедрившая «вронскую» главу с гвардейскими анекдотами (1:34)²⁵⁴, теснит на странице текст параллельно ревизуемой белой копии глав, где вводится женский персонаж из благочестивой придворной камарилы (1:31–32; 2:4), который именно на этой стадии генезиса оформился в политически влиятельную графиню Лидию Ивановну²⁵⁵.

Эмблематичность застывшей в недоумении фигуры императрицы, как она схвачена в исходной редакции пресловутого анекдота («Неловко всем»), удостоверяется и прямыми свидетельствами о реакции жены Александра II на династические и дворцовые скандалы той поры, в первую очередь на дело великого князя Николая Константиновича. Мария Александровна находила версию о помешательстве беззастенчивой фабрикацией и опасалась долгосрочных последствий и происшествия как такового, и попытки его замять для всей правящей семьи. В конце апреля 1874 года она писала из Петербурга мужу, который лишь за несколько дней до того, в вагоне поезда по пути в Эмс, принял решение, клонящееся к снятию с племянника юридической ответственности:

Конечно, для ужасной дилеммы, перед которой мы стоим [признание недееспособным или отдача под суд. – М. Д.], сумасшествие несколько менее пугающе. Но необходимо, чтобы о нем было во всеуслышание *объявлено*, ибо в глазах всего Петербурга и почти всей России, он – вор, и вор в худшем роде. Правда уже известна повсюду, вплоть до мельчайших подробностей, включая пропажу моих вещей. Об этом говорят в прихожих, в кабаках, на улице. И спрашивают: а наказание? После чего упрекают [нас] в слабости. <...> Увы, нам не избежать ни стыда, ложающегося на всю семью, ни упрека в непростительном послаблении, которое является поощрением для других. <...> Вообще, я боюсь видаться с людьми, мне кажется, что на меня смотрят с жалостью, а это то самое чувство, которое могут внушать стыд и бесчестье, марающие всю семью, и лучше не строить иллюзий²⁵⁶.

И снова момент совпадения: в этом же откровенном – несмотря на отчуждение между самими августейшими супругами – письме речь идет и о других, хотя и менее тяжелых, ударах по престижу семьи, а тем самым и монархии. Наряду с решением вопроса о племяннике ближайшим поводом для беспокойства было очередное – после недавнего замужества великой княжны Марии – готовящееся бракосочетание царского чада. Невеста уже представленного на этих страницах великого князя Владимира, дочь герцога Мекленбург-Шверинского, отказывалась переходить из лютеранства в православие, что грозило нарушением прочно установившейся традиции браков российских великих князей. Императрица, которой тридцатью годами ранее этот шаг не стоил, по крайней мере внешне, мук совести, расценивала холодность будущей невестки к русской вере как дополнительный фактор дискредитации правителей в глазах подданных:

Сожаление при виде того, как отвергаются принципы и традиции прошлого, всеобщее. То, что меня, я должна сказать, *горько* расстроило, это слух, будто имена [особ] императорской фамилии не будут более возглашаться в церкви, прежде всего чтобы не совершить кощунства возглашением, с чашей в руках, имени похитителя святого образа [Никола, содравшего звезду с иконы. – М. Д.], а также чтобы отвлечь внимание публики от великой княгини

²⁵⁴ P28: 4 об.

²⁵⁵ P28: 1–2 (верхний слой).

²⁵⁶ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 790. Л. 10 об.–11, 11 об., 13 об. (письмо Александру II от 22–24 апреля 1874 г.; ориг. на фр.).

неправославного вероисповедания! Для меня это сопоставление – нож в сердце
(*Le rapprochement m'est comme un poignard au cœur*)²⁵⁷.

Воображаемый кошмар литургии без ектении, то есть фактически без молитвы о здравии и благоденствии императора и императорской фамилии, вполне мог бы быть выразительно проиллюстрирован толстовской фразой «Все смешалось в царской семье», предтечей (как показано выше) ныне знаменитого афоризма, открывающего тогда еще далеко не законченный роман, – знай тогда этот зачин императрица. Но и само ее письмо, критически упоминающее еще одного близкого родственника, можно прочесть как непреднамеренный, сам собой получившийся комментарий к картинам светского либертинства в АК. Дело в том, что Мария Александровна более или менее открыто – во всяком случае, для императора – возлагала главную ответственность за падение нравов в правящем доме на великих князей из старшего поколения – братьев Александра II. И у отца злосчастного Николая Константина Николаевича, и у его дяди, а заодно начальника по гвардейской службе Николая Николаевича было по любви, и обе внебрачные связи были прочными, вросшими в жизнь. (Такая же связь имела и у самого Александра II, но этот предмет оставался табу между супругами, судя по их переписке, до самой смерти Марии.)

Уже представленный выше в этой главе Николай Николаевич, носивший в семье прозвище Низы, пользовался особой славой из-за своего сожительства с балериной Екатериной Гавриловной Числовой, матерью его трех незаконнорожденных малолетних детей. Начало этих отношений пришлось на охлаждение между Николаем и его женой Александрой Петровной, урожденной принцессой Ольденбургской, – еще одной из тех религиозных дам, чье благонравие являло в романовской фамилии живой укор все менее сдерживаемому мужскому гедонизму. Великий князь поселил Числову в специально купленном для нее особняке на Английской набережной, где проводил время как у себя дома, и съезжался с ней в своих имениях вдали от Петербурга. Именно такая поездка в том же апреле 1874 года, в которой отца сопровождал его младший законный сын Петр, послужила императрице поводом для сентенции, многозначительно заключающей ее пространное письмо императору:

Вчера у меня была Петровна²⁵⁸ <...> опечаленная тем, что Низы взял Петрушу в Воронеж. Она боится не разлуки, а нравственного вреда, который может быть причинен ребенку. <...> К несчастью, Низы потерял понятие о нравственности, которое говорит нам, что дозволено, а что нет²⁵⁹.

С этим-то членом императорского дома современникам, внимательно читавшим журнальные выпуски АК, предстояло встретиться уже вскоре после начала публикации в 1875 году. Вообще, появление великого князя как персонажа, наделенного хоть какой-то индивидуальностью, в романе «из современной жизни» (а не исторической эпопее вроде «Войны и мира», где, в согласии с фактуальной реальностью 1805–1812 годов, единственным взрослым носителем этого титула является брат Александра I Константин Павлович) вряд ли было бы возможно до 1870-х годов. То десятилетие было временем, когда самый феномен великого князя словно бы усредняется, тиражируется²⁶⁰. Хотя продолжавшее тогда действовать Учреждение об императорской фамилии 1797 года позволяло отпрыскам императорского рода в великокняжеском

²⁵⁷ Там же. Л. 13–13 об.

²⁵⁸ Так – сочувственно, но, кажется, слегка свысока – называли великую княгиню Александру Петровну в своей переписке Мария и Александр.

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 790. Л. 14. В последних словах, возможно, был скрыт намек на адюльтер самого адресата письма. По грустной иронии, сам Александр в те же самые дни писал своей любовнице княжне Долгоруковой о том, как его утомили разногласия по делу блудного племянника Николая, имея в виду, надо думать, и предостережения жены насчет последствий снисходительности (см.: Сафронова Ю. Екатерина Юрьевская. С. 204).

²⁶⁰ См. важные наблюдения на этот счет в недавнем исследовании: Rieber A. The Imperial Russian Project: Autocratic Politics, Economic Development, and Social Fragmentation. Toronto: University of Toronto Press, 2017. P. 9.

статусе сочетаться браком только с особами монаршей крови и тем самым поддерживало традицию брачных союзов Романовых с иностранными правящими домами, по-прежнему ставя их в этом отношении над российской аристократией, великие князья (да и великие княгини) перестали быть исключительно небожителями. По мере того как поколение внуков Николая I входило в возраст и обзаводилось своими детьми, династия превращалась в многолюдный, разветвленный клан, пронизанный внутренними разладами, зато менее резко, чем раньше, отделенный от знати нецарской крови. Великокняжеское присутствие и участие в самых разных сферах жизни за пределами двора, не говоря уж о якшанье подданных разной степени знатности с «высочествами» юными и постарше на светских сборищах, становилось сравнительно обычным делом. А слухи и толки о поведении, привычках, слабостях, странностях императорской родни расходились еще дальше.

Великий князь, да простится нам эта фамильярность, Низи (в те годы для гвардии – «наш» великий князь) совершает в АК свой короткий, но приметный выход в серии глав, смежной и генетически, и тематически с разобранными выше «гвардейскими» эпизодами конца Части 1 и начала Части 2, – глав о летнем дне, когда любовник Анны не добивается сулившейся ему победы на традиционных офицерских скачках в Красном Селе. Первая редакция этих сцен, как и сценки с гомосексуальной парой в полковой артели, была набросана еще весной 1873 года в составе самого раннего эскиза романа²⁶¹. Вернувшись к ним в начале 1874 года, Толстой в наново написанном черновике придал драматизма изображению Каренина: тот, дабы заглушить свои мучительные, унижительные сомнения при виде жены, чье внимание всецело приковано только к одному из всадников, вынужден поддерживать внешне оживленный умный разговор с соседями в зрительской беседке. А еще ярче свет, направленный на фигуру почти прозревшего мужа, загорелся благодаря следующей вставке на полях:

Прервав речь, А[лексей] А[лександрович] поспешно, но достойно встал и низко поклонился проходившему В[еликому] К[нязю].

– Ты не скачешь, – пошутил ему В[еликий] К[нязь].

– Моя скачка труднее, В[аше] В[ысочество].

И хотя ответ был глуп и ничего не значил, В[еликий] К[нязь] сделал вид, что получил умное слово от умного человека и вполне понимает *la point de la sauce* [в чем его соль. – *фр.*]²⁶².

Через короткое время в снятой с этой автографа копии последовала правка, заменившая вариант «Великий Князь» (перебеливавшая автограф С. А. Толстая, конечно, дала вместо аббревиатуры полное написание) на «военный»²⁶³. Финальную стадию правки эпизод прошел примерно через год, уже накануне публикации в марте 1875-го²⁶⁴, и итог этой ревизии – пример того, как цензурная необходимость (ставшая именно в том году ощутимой) затуманить

²⁶¹ ПЗР. С. 729–736. См. об отражении в этих главах действительных обстоятельств скачек 1872 года: Сахаров В. И. Офицерские скачки в «Анне Карениной»: Реальная история // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1998. С. 205–207.

²⁶² P21: 12 об. Публикаторы тома 20 Юб. ошибочно раскрывают сокращение «В. В.» как «Ваше Величество» (ЧРВ. С. 225). Требуемым и единственно допустимым титулованием великого князя было «Ваше Высочество» (как его и раскрыла при копировании автографа С. А. Толстая: P27: 43 об.). При этом нет оснований полагать, что Толстой мог подразумевать под «В. В.» ошибочное, в силу смятения и расстройства, употребление Карениным титулования, зарезервированного только за монархом. Идея, что Каренин, называя великого князя «Вашим Величеством», тем самым ассоциирует свое несчастье с деморализующим высшее общество адюльтером самого императора, – эта идея соблазнительна, но не находит подтверждений в текстах черновых редакций.

²⁶³ P27: 43 об. См. также цитату 5 на с. 127. Датирую верхний слой этого сегмента (глав о Каренине и Анне на скачках и сразу после них) рукописи 27 первыми месяцами 1874 г. на том основании, что авторская правка сохраняет в тексте такую – уже не раз встреченную нами – героиню, как сестра Каренина Мери (Мари) (P27: 41, 45 об.–46). О замещении этого персонажа графиней Лидией Ивановной в ходе работы над редакцией 1874 года см. параграф 1 наст. главы, а также с. 239.

²⁶⁴ РВ. 1875. № 3. С. 311.

аллюзию делает ее более элегантно, заставляя автора сочетать недомолвку в одном с заострением намека в другом. Между документальным «Великий Князь» и излишне уклончивым «военный» был найден стилистический компромисс. В *ОТ* Каренин встает и низко кланяется «высокому генералу», и тот все-таки не совсем раскрывает нам свое инкогнито, обращаясь к штатскому чиновнику не на ты, как это делали и Александр II, и его братья в общении даже с почтенными стариками-сановниками: «Вы не скачете?». Предупредительность же Каренина добавочно подчеркнута тем, что разговор о «специализированном спорте» скачек, прерванный проходом этой особы, начался спором Алексея Александровича с присутствующим здесь же «известны[м] своим умом и образованием» генерал-адъютантом (199/2:28). Генерал-адъютант – высшее из военно-свитских званий (получить которое в не столь отдаленном будущем вполне может, продолжи он службу, стоящий пока на низшей, но пружинистой ступени этой иерархии флигель-адъютант Вронский), но очевидно, что «высокий генерал» превосходит старшего члена императорской свиты не только ростом.

Из четырех сыновей Николая I Низи в самом деле больше всех походил внешне на знаменитого своей импозантностью отца. Обстановка гвардейских скачек была его стихией не только по должности главнокомандующего гвардией, но и по увлекавшим его коннозаводческим занятиям: как лошадиник он бы, пожалуй, дал фору Толстому. Это был человек, умевший и пошутить, и расположить к себе²⁶⁵. За двадцать лет перед тем, осенью 1854 года, 26-летний Толстой, увидев 23-летнего Николая в компании с его братом-погодком Михаилом танцующими на балу в расположении штаба Южной армии в Кишиневе, писал своей тетюшке Ергольской: «Ils ont l'air excessivement bons enfants et de très beaux garçons tous les deux [Они смотрят отличнейшими малыми и оба – юные красавцы. – *фр.*]»²⁶⁶.

Так как скачки приурочивались к маневрам гвардии, августейший «высокий генерал» в *АК* проходит меж зрителей, среди которых находится и император, его старший брат, таким гостеприимным хозяином дома. Вообще, посещение скачек было своеобразной формой светского летнего досуга: на этом подобию гигантского пикника требования придворного этикета смягчались, делая возможными вольности, неуместные во дворце или строгом аристократическом салоне. Показателен случай скачек в 1869 году – том году, когда к династическим скелетам в шкафу прибавилось сразу несколько новых осложнений, вызванных более или менее предосудительными любовными и/или брачными связями молодых мужчин фамилии. А. В. Адлерберг – ближайший к Александру II царедворец, монархист больший, чем сам монарх, – с недоумением доносил из Красного Села императрице, что «Государь пригласил графиню Богарне в императорскую палатку». Речь шла о морганатической супруге родного племянника императора – герцога Евгения Лейхтенбергского (не великого князя, но обладателя титула императорского высочества). Брак Эжена, как звали его в семье, с русской дворянкой Д. К. Опочининой, возведенной вследствие того в иностранное графское достоинство, но все-таки не вознесенной до особого, «полуавгустейшего», статуса герцогов Лейхтенбергских, детей дочери Николая I Марии, – этот брак был одобрен самодержцем, однако официально новобрачная не стала членом правящей фамилии. Ригориста Адлерберга встревожило именно то, что на виду у многочисленной публики император милостивым жестом признал в этой молодой даме, по его собственным словам, «свою племянницу». Но еще хуже того было появление на скачках фрейлины А. В. Жуковской, о чем свежезавязавшемся романе с юным великим кня-

²⁶⁵ Любопытную попытку разносторонней характеристики вел. кн. Николая делает хорошо знавший его С. Д. Шереметев: Шереметев С. Д. Мемуары. Т. 1. С. 124–128.

²⁶⁶ *Юб.* Т. 59. С. 277 (письмо Т. А. Ергольской от 17–18 октября 1854 г.; перевод дается в моей редакции). Великий князь Михаил Николаевич – на тот момент высший начальник артиллерийского юнкера Толстого в своем качестве генерал-фельдцейхмейстера – вскоре повернется другой своей стороной, когда разойдутся слухи о сочинении Толстым известной сатирической песни о сражении 4 августа 1855 года «Как четвертого числа» (см., напр.: *Юб.* Т. 60. С. 107 – письмо С. Н. Толстому от 10 ноября 1856 г.).

зем Алексеем, участвовавшим в красносельских учениях, уже знали и царская семья, и двор. Хотя Жуковская заняла место на помосте для частных гостей («dans les tribunes particulières»), а не среди придворных, Адлерберг нашел сам ее приезд на скачки и внесение ее имени в список проживающих в так называемых кавалерских домиках нарушением приличий²⁶⁷. Словом, над красносельскими конными состязаниями витал фривольный дух, и, возвращаясь к АК, не удивляешься тому, что благочестивая сестра Каренина Мари – знакомый нам персонаж редакции 1874 года – «ненавидела скачки» и отказалась сопровождать туда брата²⁶⁸.

Скабрезная двусмысленность сценки с Карениным, согнувшимся в поклоне перед великим князем Николаем, заключается в том, что насмешка над невоинским, а по умолчанию немужественным габитусом героя («Ты не скачешь?») исходит от великолепного экземпляра маскулинности, чье прелюбодеяние – притча во языцех и под чьим высшим командованием в блестящем гвардейском полку служит молодой ротмистр и флигель-адъютант – любовник жены героя. В лице «высокого генерала» сам гвардейский гедонизм вышучивает Каренина.

Но еще отчетливее – хотя, разумеется, и не совершенно эксплицитно – связь фигуры Низи с мотивным полем либертинства передана в той самой, предваряющей панораму скачек, сцене с Вронским, его приятелем Яшвиным (имя персонажа начиная с редакции 1874 года²⁶⁹) и гомосексуальной парой в общей зале полковой артели. Это еще один пример того, как в толстовских зарисовках нравов яркие детали и порой рискованные намеки сплетались в отдельную нить интриги. Одновременно с тем, как из эпизода с Карениным в беседке удаляется наименование «великий князь», – причем в том же беловом манускрипте, становящемся в ходе авторской переработки очередным черновиком, – претерпевает изменения в расстановке акцентов и аранжировке мотивов и полковая сцена. Описание «неудобной» пары офицеров, с одной стороны, дополняется указанием на недавнее поступление младшего из них в полк из Пажеского корпуса, а с другой – теряет весьма откровенную фразу, объективирующую гомосексуализм как таковой: «Он [Вронский] не любил ни того, ни другого, ни *их отношений*»²⁷⁰. Дважды произносимая реплика старшего офицера, пытающегося затеять разговор с угрюмо поедающим «бифстек» Вронским: «А не боишься потолстеть?» – реплика в некотором смысле вещая, если учесть, что вскоре станет причиной гибели Фру-Фру²⁷¹, – переходит в следующую редакцию и затем в ОТ (170/2:19).

В авантексте романа ко времени этой правки фигура августейшего главнокомандующего гвардией уже однажды мелькнула в метонимическом сопряжении с темой педерастии как одной из разновидностей гвардейского либертинажа: вспомним новичка «из юнкеров *великого князя*», в которого «влюблен, как девушка», старший товарищ. Этот анекдот отсыла на одной из стадий ревизии Части 1 в 1874 или начале 1875 года, но при доработке главы Части 2 с появлением пресловутой пары отсылка все к тому же великому князю была «вживлена» в текст по-другому.

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 390. Л. 25 об.–26 (черновик письма Адлерберга императрице Марии от 9 июля 1869 г.).

²⁶⁸ ЧРВ. С. 224 (P21). Предположение о том, что в ряде деталей в сцене скачек в АК заключается аллюзия к роману императора и Долгоруковой, см.: Tarsaiǵdzé A. Katia: Wife before God. New York: The Macmillan Company, 1970. P. 154.

²⁶⁹ См. с. 110–112 и 238 наст. изд.

²⁷⁰ P27: 23, 23 об. Курсив мой. См. также цитату 3 на с. 125–126.

²⁷¹ Занятен отклик на этот момент в сцене скачек, полученный Толстым вскоре после журнальной публикации от А. А. Фета, не хуже него разбиравшегося в коневодстве и конном спорте: «Впервые узнал, что можно движением сломать зад на скачках. Но если б этого не было, Вы бы не написали» (Фет А. А. Неизданные письма к Л. Н. Толстому. 1859–1881 / Публ., комм. Т. Г. Никифоровой // Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М., 2011. С. 34 [письмо от 15 апреля 1875 г.]). Как кажется, в первой фразе контаминированы лошадь и наездник: у Толстого Вронский, «не поспев за движением лошади <...> сделал скверное, непростительное движение, опустившись на седло» (РВ. 1875. № 3. С. 300; [192/2:25]), то есть это его «зад» ломает лошади спину. Так или иначе, но вторая фраза Фета, отзывающаяся, как мне слышится, дружеской иронией, может быть прочитана как акколада не столько толстовскому реализму, сколько вымыслу, творящему собственную реальность.

Здесь налицо своего рода двухслойный или двухходовый намек. Во-первых, мизансцена предвосхищает ожидающий читателя тридцатью страницами дальше эпизод каренинского поклона:

В это время в комнату вошел *высокий* и статный ротмистр Яшвин и, *кверху*, презрительно кивнув головой двум офицерам, подошел ко Вронскому (170/2:19. Курсив мой)²⁷².

В это время через беседку проходил *высокий* генерал. Прервав речь, Алексей Александрович поспешно, но достойно встал и *низко* поклонился <... > (200/2:28. Курсив мой).

И в образности, и в нарративе очевидна симметрия между двумя рослыми гвардейцами, при всей разнице в ранге и чине, тем более что после своего небрежного кивка Яшвин, как и «высокий генерал» в реплике Каренину, отпускает по адресу выходящих из залы офицеров небрежную же шутку (звучащую, впрочем, мягко в сравнении с «Эта гадина как мне надоела» исходной редакции): «Вот неразлучные» (170/2:19)²⁷³. «Огромные ноги», «слишком длинные по высоте стульев стегна и голени», «длинная спина» и, наконец, голос, «знамениты[й] в командовании, густ[ой] и заставлявш[ий] дрожать стекла», который призывает: «Ей, вина!» и «[В]одки барину и огурцов» (170, 171/2:19; 172/2:20), – эти черты физического облика Яшвина возникают в последующих строках так настойчиво, что впору даже заподозрить в этом персонаже пародию. Ведь имевшаяся у великого князя Николая репутация прирожденного военачальника уже тогда, за несколько лет до ее решительного подрыва в Русско-турецкой войне, была во мнении многих дутой, относящейся больше к тому самому идеальному для командования басу. Как бы то ни было, в общем контексте петербургских глав Частей 1, 2 и (о ней речь впереди) 3 эпизоды с третируемой свысока гейской парой и низко кланяющимся Карениным зарифмовываются между собою ударением на символике доминирующей, воинственной маскулинности, в противоположении которой сближаются педераст и рогоносец.

Во-вторых, в ходе правки редакции 1874 года текст обогатился звонким сигналом, предупреждающим сведущего читателя о скорой встрече с великим князем – так сказать, гением места Красного Села. Фразу Яшвина, которой открывается его разговор с Вронским: «Что ж ты вчера не заехал во Французский театр? Laporte прелестна была» – Толстой подновил, чтобы довести ее до *ОТ* в следующем виде: «Что ж ты вчера не заехал в красненский [Красного Села. – М. Д.] театр? Нумерова совсем недурна была» (170–171/2:19)²⁷⁴.

«Легкий» репертуар тогдашней французской труппы Михайловского театра находил поклонников в особенности среди петербургского офицерства (именно там, в антракте оперетки, Вронский знакомит полкового командира с подробностями не менее потешной буффонады двух молодых сослуживцев [130–131/2:5]), а Мари Деляпорт (Delaporte), начинавшая карьеру в «Комеди Франсез», с 1868 года была примой труппы. В один из дней февраля 1875 года – месяца, когда Толстой в Ясной Поляне завершал редактуру той журнальной серии глав АК, куда входили и главы о скачках, – в Петербурге министр двора А. В. Адлерберг, по должности начальствовавший над всеми императорскими театрами, озаботился известить самого

²⁷² Деепричастный оборот с кивком был добавлен в несохранившихся наборной рукописи или корректуре; в правке редакции 1874 года его еще нет (P27: 23–23 об.).

²⁷³ Реплика добавлена поверх строки в ходе правки редакции 1874 года: P27: 24. Яшвин неоригинален в выборе эпитета: французское слово «inséparables» («неразлучные», «неразлучники») употреблялось тогда для иносказательного обозначения таких пар. См. в воспоминаниях высокопоставленного чиновника Министерства двора о Павловском военном училище начала 1870-х годов: «Два старших портупей-юнкера Ст-ч и Кин-в, inséparables, были соединены узами самой нежной дружбы, учились превосходно, вели себя безукоризненно и обещали сделаться образцовыми гвардейскими офицерами» (Кривенко В. С. Юнкерские годы. 25 лет назад. СПб., 1898. С. 15). В недавнем переиздании мемуаров опечатка в ключевом прилагательном – «нужной дружбы» вместо «нежной дружбы» – создает непреднамеренный эффект камуфляжа: Кривенко В. С. В Министерстве двора. Воспоминания / Подгот. текста С. И. Григорьев, С. В. Куликов, Д. Н. Шилов. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 106.

²⁷⁴ См. правку: P27: 24. Журнальная публикация: РВ. 1875. № 3. С. 274.

Александра II о том, что объявленный французский спектакль заменен другим «вследствие недомогания мадемуазель Деляпорт»²⁷⁵.

Толстой едва ли пристально следил за петербургскими театральными новостями, но, в свою очередь, тоже «отменил» выход этой актрисы в своем романе, – одно из многих нечаянных, подчас курьезных сближений между генезисом АК и течением жизни вовне авторского вымысла. Как можно догадываться, сделал он это отчасти из стремления к миметической точности, к достоверности в деталях фона: в летний сезон – а, напомним, скачки в высочайшем присутствии устраивались летом – эстафету развлечения гвардии сценическими постановками принимал театр в Красном Селе, где и стояли лагерем выведенные на учения войска. Но еще значимее была замена самого имени актрисы. Нумерова, которая «совсем недурна», обязана своей фамилией не французскому слову «numéro», даже если она заместила в тексте «прелестную» своей игрой француженку. Семантика игривым кивком указывает на любовницу великого князя – Числову, блиставшую на подмостках красносельского театра, и это та литературная аллюзия, которая дешифруется с текстологической неоспоримостью: на правом поле страницы, прямо напротив правки фамилии актрисы, значится диагонально написанная авторской рукой, а затем густо зачеркнутая, но вполне читаемая помета-памятка: «Числова»²⁷⁶ (см. ил. 4 в Приложении).

К 1874 году внебрачная связь великого князя стала предметом постоянных пересудов и сплетен в гвардии, чем-то вроде клубного анекдота гвардейцев; Толстой, возможно, узнал об этом от своего шурина Александра Берса, до 1873 года служившего в Преображенском полку и нередко развлекавшего родственников новостями из жизни военной элиты (таково, например, было происхождение все той же эротической эскапады двух молодых сослуживцев Вронского)²⁷⁷. Курьезный штрих: спустя два года некий панегирист возьмется пропеть хвалу

²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 905. Л. 42 (доклад Адлерберга от 17 февраля 1875 г.). Отмененным спектаклем была историческая мелодрама «Две сиротки» («Les deux orphelines») А. д'Эннери и Э. Кормона, премьера которой состоялась в Париже лишь за год до того.

²⁷⁶ P27: 24. Имя Числовой возникло в черновиках АК еще до этой ревизии, причем не где-нибудь, а на одной из страниц правленной рукописи с главой о возвращении Удашева (Вронского) домой – главой, которая вводит в роман тему гвардейского либертинства (1:34). Взятая в рамку помета «через Числову» написана авторской рукой на левом поле, напротив строк, где любовница Пукилова (именно в этой рукописи фамилия правится на «Петрицкий») баронесса Шильтон выслушивает шуточный совет Удашева насчет примирения с мужем и, уходя, произносит: «Ну так нынче во Французском», то есть: до свидания вечером во Французском театре (P29: 3 об.; см. также цитату 1 на с. 122–124 и ил. 2 в Приложении). Что именно подразумевалось этой пометой, явно сделанной для памяти, и как намеревался развить ее Толстой – я не берусь сказать утвердительно; можно предположить, что в ней отразились слухи об интригах Числовой против других актрис. И нижний, и верхний слои этой правленной копии датируются первой половиной весны 1874 года: во-первых, автограф, с которого она снята (P28: 4 об.–б), тематически и генетически связан с автографом главы о скабрезной эскападе двух гвардейцев (P28: 10–14), датировка которого мартом 1874 года базируется на цитированном выше письме Толстого Т. А. Кузминской; во-вторых, переписчик Д. И. Троицкий, чьей рукой перебелен автограф, оставил в самой копии – видимо, уже при дальнейшем перебеливании вновь правленного автором текста – несколько проб пера, включая и такую: «1874 года» (P29: 3 об.); в-третьих, Толстой во вписываемых в копии новых строках по-прежнему, как и в автографе, именует протагониста Удашевым, тогда как летом 1874 года он вернулся к варианту «Вронский» (см. подробнее о чередовании вариантов «Удашев» и «Вронский» как датирующим признаке с. 268–270 наст. изд.). Таким образом, помета «через Числову» была, вероятно, сделана одновременно со внесением правки весной 1874 года и, в свою очередь, вскоре после того правка в рукописи 27 ввела «Нумерову» в диалог Вронского и Яшвина. В любом случае помета «через Числову» в рукописи 29, наряду с вошедшей в ОТ аллюзией, свидетельствует о том, что адюльтер великого князя Николая с Числовой как параллель тематике петербургских глав АК занимал Толстого в течение какого-то времени.

²⁷⁷ В 1868 году Берс сообщал Толстому об интересе членов царской фамилии к одной из еще не опубликованных на тот момент частей «Войны и мира»: «Оттиски, которые ты мне давал, произвели на меня большой эффект, они ходили по всем великокняжеским кругам» (письмо от 6 ноября 1868 г.; цит. по коммент.: Юб. Т. 61. С. 204). Среди хранящихся в ОР ГМТ писем А. А. Берса Л. Н. и С. А. Толстым за 1870-е годы не имеется таких, где пересказывались бы происшествия вроде включенного в АК, но это естественно: подобные анекдоты годились для устной беседы, а Берс не раз в первой половине – середине 1870-х приезжал в Ясную Поляну (см., напр.: Юб. Т. 61. С. 264, 265 – письмо Кузминским от 29 октября 1871 г.; см. также примеч. на с. 182). Один из старших великих князей – не раз виденный Толстым, как отмечалось выше, в середине 1850-х Михаил Николаевич, теперь наместник Кавказский, упоминается в недатированном письме Берса Толстому от конца 1872 – начала 1873 года, где Берс в связи со своим готовящимся переводом на Кавказ сообщал: «Великий князь Михаил Николаевич теперь тут [в Петербурге. – М. Д.], я к нему являлся и он замечательно ласково меня принял, как по-видимому он уже обо

Николаю Николаевичу по случаю назначения того главнокомандующим действующей армией в преддверии войны с Турцией. Представленная в цензурный комитет рукопись содержала, наряду с преувеличенным перечислением служебных свершений великого князя, и следующие откровения:

[К]акою любовью пользуется Высокий Главнокомандующий среди солдат и офицеров. Мы неоднократно наблюдали, как оживлялись железные ратники, завидя мощную фигуру Великого Князя, слышав его голос! <...> А как беспредельна обширная популярность <...> отца-главнокомандующего среди офицеров, сколько рассказов, биографических черт ходит между ними, как они интересуются всевозможными даже мелкими сведениями о Великом Князе. <...> И частная жизнь Его Высочества являет примеры высокой гражданской доблести. Прежде всего всякому русскому известно высокое благочестие Великого Князя и его христианские добродетели.

Цензорское «NB» против последней фразы выдает опасение, что панегирик в этом месте, вопреки намерению автора, мог звучать крайне двусмысленно, если не издевательски²⁷⁸.

Толстой «залучил» Николая Николаевича в свой публикуемый роман, пусть и загроможденным эпизодическим персонажем²⁷⁹, совсем незадолго до того, как адюльтер великого князя получил еще более широкую, а затем и скандальную огласку. В 1874 году Числова подала всеподданнейшее прошение о возведении ее троих незаконнорожденных детей в дворянское достоинство. Одновременно с тем в собственноручном письме главе Комиссии по принятию прошений князю С. А. Долгорукому Николай Николаевич, ссылаясь на то, что «принима[ет] живейшее участие в положение [*sic!*]» Числовой, просил доложить императору ее прошение и напомнить, что еще в 1873 году тому «благоугодно было, на предварительном со мною объяснении относительно детей г-жи Числовой, наименовать их фамилиею Николаевых»²⁸⁰. (Нота бене: в этой самой комиссии прошений служит, согласно редакции исходного автографа, оскорбленный двумя гвардейцами чиновник, вспомнить фамилию которого у нас будет отдельный повод чуть дальше.) По-своему расчетливо великий князь решил задействовать формальный – на общих основаниях – механизм принесения монарху, своему старшему брату, мольбы

всем ранее знал и только учил меня как действовать, чтобы ускорить перевод, он замечательно приятный человек» (ОР ГМТ. Ф. 1. № 136/64-11. Л. 1 об.-2; датируется по содержанию: в частности, вместе с письмом посылались «картинки» мундиров эпохи Петра I, нужные Толстому для работы над еще не оставленным историческим романом).

²⁷⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 16. В/о 247/1263. Д. 8. Л. 54–54 об., 56 (статья «Высокий избранник Царя-Освободителя» в составе рукописи «Россия накануне выполнения своего святого призвания», за подписью «К. Царьградский»; пометы цензоров Петербургского цензурного комитета и Министерства императорского двора, декабрь 1876 г.).

²⁷⁹ Позднейшей литературной аллюзией того же рода к фигуре великого князя из старшего поколения династии является эпизодический, но не безликий персонаж князь Иоанн / le prince Jean в незавершенном романе Б. М. Маркевича «Бездна», а именно в его первой части, действие которой приходится на 1877–1878 годы. Персонаж не именуется прямо великим князем, но его статус очевиден из оказываемых ему другими героями почестей, не говоря уже о французском обращении «Monseigneur», здесь эквивалентном русскому «Ваше Высочество» (Маркевич Б. М. Полн. собр. соч. Т. 8. СПб., 1885. С. 226, 264–269, 275–276, 293–294 [ч. 1, гл. 3, 6, 8]). Такие черты князя Иоанна, как галантное женолюбие, репутация прелюбодее, охочего до театральных певич, приянтельство с космополитическим настроенным польским аристократом, могли отсылать сразу к двум братьям Александра II – Константину и Николаю Николаевичам (узренным глазами недоброжелателя). Маркевич писал и публиковал «Бездну» в «Русском вестнике» уже при Александре III, когда оба великих князя, крайне антипатичных новому правителю, их племяннику, лишились своих постов и влияния. (В этом отношении толстовские аллюзии середины 1870-х годов были смелее.) Звезда Николая Николаевича закатилась после того, как он отреагировал на резко критические отзывы о его командовании армией в Русско-турецкую войну изданием во Франции неудачного заказного панегирика по своему адресу. Константин же Николаевич прослыл полонофилом и сторонником крайнего либерализма задолго до политического кризиса рубежа 1870–1880-х годов. Вообще, романы Маркевича, при всей спорности их художественных достоинств, интересны детальными зарисовками светского общества и в особенности – бытописательским развитием, «продлением» некоторых из ситуаций и положений, которые эскизно намечены в АК. См. также: Майорова О. Е. Маркевич Болеслав Михайлович // Русские писатели. 1800–1917: Биографич. словарь. Т. 3. М.: Большая рос. энцикл.; ФИАНИТ, 1994. С. 519–521.

²⁸⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 39. В/о 223/2732. Д. 244. Л. 4–4 об., 3–3 об. (прошение Числовой и письмо вел. кн. Николая от 25 августа 1874 г.).

о личной милости. Узнай Толстой об этом деле, он оценил бы его щекотливость: шестью годами ранее его старший брат Сергей искал «правильного» подхода к тому же С. А. Долгорукому, чтобы добиться усыновления своих внебрачных детей от цыганки М. М. Шишкиной, пленившей его в свое время певучим голосом²⁸¹.

Главы о дне скачек с упоминанием «Нумеровой» и мимолетным дефиле «высокого генерала» увидели свет в составе очередного журнального выпуска АК в марте 1875 года (в этот же выпуск, замечу вскользь ради полноты представления, вошли и главы о Левине весною в деревне). Из-за уже тогда назревавшей у автора паузы в сериализации романа читателям «Русского вестника» суждено было вновь встретиться с Анной, Вронским и Карениным только в январском номере журнала за 1876 год, уже во второй половине Части 3 (но по календарю романа – на следующий день)²⁸². В исторической реальности в этот промежуток вместились предвосхищенная толстовской аллюзией в *уже опубликованном* тексте кульминация скандала вокруг великокняжеской любовницы.

Осенью 1875 года, когда Николай был в отъезде, произошла – причем у дверей его дворцовой церкви – безобразная ссора между Числовой и старшим из законных сыновей великого князя²⁸³. Это переполнило чашу терпения Александра II, подобно тому как полтора годами ранее настал предел его снисходительности в отношении блудного племянника Николы, пусть даже громкий адюльтер не настолько выходил из ряда вон, как уличение члена фамилии в краже, и репутация августейшего виновника в данном случае все-таки не была безвозвратно уничтожена. В ноябре 1875 года, отправив брата в неожиданную инспекторскую поездку на Кавказ, дабы предотвратить возможное столкновение между ним и исполнителями своей воли, отдыхавший в Ливадии император повелел шефу Третьего отделения генералу А. Л. Потапову незамедлительно выдворить Числову из Петербурга. Местом ее административной ссылки по стечению обстоятельств был на ходу выбран пункт на периферии империи, но не слишком далеко от столицы – старинный, оваянный ливонскими рыцарскими преданиями Венден, в то время тихий уездный городок Лифляндской губернии (ныне Цесис (Cēsis) в Латвии). Потапов лично руководил «операцией», включая собственно выселение Числовой из дома на Английской набережной, и его деловитые «совершенно секретные» телеграммы императору в Ливадию выдают трагикомический перекося в том, как начальник тайной полиции понимал миссию стража государственной безопасности²⁸⁴.

Хотя непосредственное обращение с любимой женщиной великого князя и матерью его детей было джентльменским, а сама Числова не оглашала набережную воплями, суета жандармерии из-за многочисленных сопутствовавших распоряжений бросалась в глаза, так что, по словам современника, «весь город на другой день узнал об этом скандале <...>»²⁸⁵. Властям поневоле чудился некий целенаправленный подогрев интереса к насильственному разлучению брата императора и артистки. Как нарочно, через несколько дней после высылки Числовой в газете столичного градоначальства и полиции появилось напечатанное крупным шрифтом

²⁸¹ Толстому пришлось тогда просить А. А. Толстую замолвить слово за брата главе комиссии (ЛНТ–ААТ. С. 283–284 – письмо от 16 апреля 1868 г.). Понятно, что ситуация великого князя Николая была в чем-то сложнее: Числова была незамужней, но сам он не мог развестись со своей законной женой и стать законным отцом в своей второй семье. Вспомним заодно, что в Части 6 АК о том же шаге задумывается Вронский, еще надеющийся на формальный развод Анны с Карениным: «Даже для того, чтобы просить государя об усыновлении, необходим развод» (527/6:21). Хотя и адресованные на имя монарха, такие прошения направлялись не прямо ему, а в упомянутую комиссию.

²⁸² Подробнее о динамике работы над романом в тот период см. гл. 3 наст. изд.

²⁸³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 161. 3-я экзп., 1876 г. Д. 285. Л. 1, 2, 7 (донесения тайных агентов). См. также дневниковые записи слухов об этом происшествии: Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. С. 206 (запись от 9 ноября 1875 г.), 308–309 (приводимые в комментарии цитаты из дневников великого князя Константина Николаевича и сенатора А. А. Половцова).

²⁸⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 363. Ч. 6. Л. 2–3; РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 839. Л. 3–8.

²⁸⁵ Оболенский Д. А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Ред. В. Г. Чернуха. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 379 (запись от 4 декабря 1875 г.).

объявление: «11 текущего ноября СБЕЖАЛА СОБАКА, принадлежащая Государю Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, – моська, японской породы, мохнатой, дымчатой шерсти, кличка „Тена“, каковую просят доставить в комнату Его Императорского Высочества». Министр внутренних дел А. Е. Тимашев переслал номер газеты Потапову, своему ближайшему коллеге в сфере надзора и сыска, с выразительной пометой: «Что это – фарс или действительность?»²⁸⁶. И то и другое – таков был смысл ответа на этот вопрос, данного тут же Третьим отделением. Собака по кличке Тена и в самом деле пропала из дворца великого князя, и объявление было помещено, невзирая на крайнюю несвоевременность, великокняжеской Придворной конторой (можно ли было усомниться в верноподданническом простодушии этого учреждения?), но это вовсе не помешало читателям понять напечатанное по-своему: «публика» раскупала номер «нарасхват, видя в этом объявлении сопоставление с недавней высылкой танцовщицы Числовой и придавая этому объявлению значение, ввиду того, что, как говорят, Великий Князь Николай Николаевич в интимности называл Числову Тенечкой»²⁸⁷.

Тимашев попал в точку: грань между фарсом и действительной драмой во всей этой резонансной истории была размыта. Более того, в восприятии скандала «публикой», при всей ее разнородности, слухи и домыслы формировали общую с художественным *вымыслом* игровую стихию. Слово «сопоставление», употребленное в жандармской справке, стóит удачно сформулированного министром вопроса. За полгода с лишним до того, как некий – скорее всего, коллективный – затейник придумал шкодливую интерпретацию объявления о моське (независимо от того, вправду ли великий князь нежно звал Числову Тенечкой, каковое, вдвойне фарсовое, совпадение не исключено²⁸⁸), автор романа, начавшего выходить в одном из самых популярных в образованном обществе журналов, внес свою лепту в эту игру намеков и эвфемизмов. Определенно среди читателей *АК* были те, кому «успех» невинного объявления в скучном листке напомнил «Нумерову» из мартовской порции глав романа²⁸⁹.

Реальность *АК* в процессе ее создания (как писания начерно, так и сериализации готовых частей) не раз вторгалась в современную ей фактуальную реальность, даря той свои яркие черты в обмен на заимствованный для мимесиса богатый социальный, культурный, политический материал²⁹⁰. Однако тонкое взаимодействие элементов психологической драмы, комедии положений и светской хроники в *АК* создает также и *иллюзию* такой интерференции, искушает историка заподозривать влияние еще не заверщенного романа на ход событий при отсутствии эмпирических свидетельств на этот счет и, как ни странно, даже вопреки правдоподобию. Так, приснопамятный анекдот о двух незадачливых повесах, который в рамках петербургских глав первого «сезона» ассоциируется и тематически, и символически с эпизодом, где упоминается Нумерова, мог бы быть прочитан как предсказание грядущей высылки Числовой: ведь фамилия сердитого чиновника с «бакенбардами колбасиками» – *Венден*²⁹¹. Позволю себе проиллюстрировать это демиургическое свойство толстовского романа шутилкой – в стиле толкователей объявления о Тене – виньеткой. На досуге в Ливадии Александр II читает в «Русском

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 363. Ч. 6. Л. 8–9 (Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и Санкт-Петербургской городской полиции. 1875. № 263, 16 ноября. С. 6; помета Тимашева от 17 ноября 1875 г.).

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 161. 3-я эксп., 1876 г. Д. 285. Л. 114–114 об. (справка Третьего отделения от 17 ноября, доложенная Потаповым императору 21 ноября 1875 г.).

²⁸⁸ Если в переписке Александра II и княжны Екатерины Долгоруковой увековечено немало игровых прозвищ, которыми царь и его возлюбленная награждали друг друга (см.: *Сафронова Ю.* Екатерина Юрьевская. С. 116–120), то между братом царя и Екатериной Числовой подобной корреспонденции или не велось, или она не уцелела (или не найдена).

²⁸⁹ Рецепция *АК* читательской аудиторией составляет предмет для отдельного исследования, которое не может быть принято при нынешней степени изученности массивов неопубликованной частной переписки соответствующих страт общества, в особенности переписки женской.

²⁹⁰ См. подробнее гл. 4 наст. изд.

²⁹¹ Фамилия «Венден» фигурирует уже в исходном автографе, датируемом рубежом зимы и весны 1874 г.: P28: 11 об. См. это место в журнальной публикации: *РВ*. 1875. № 2. С. 796.

вестнике» первые выпуски *АК*²⁹², отмечает, как и мы, взаимосвязанные отсылки к служебным и семейным неустройствам младшего брата: распущенные гвардейцы, намек на скандализирующее династию двоеженство (свое собственное – не в счет), – вспоминает о принятом решении выслать Нумерову-Числову – но вот куда, чтобы не хватить лишку?²⁹³ – и, перелистывая отмеченное, вдруг находит подсказку в фамилии чиновника, собирающегося подать жалобу на оскорбителей чести жены: в Лифляндию, в Венден!

Позднее в *ОТ* тема адюльтера и двух семей со знакомыми между собою детьми в них возникает еще один раз ближе к концу романа – в Части 7, в главах о Стиве Облонском в Петербурге, куда тот приезжает, чтобы выхлопотать себе прибыльное место и вновь попытаться, как он делал годом ранее, устроить развод Каренина и Анны. Экскурс нарратора в досужие размышления Стивы о бодрящих отличиях северной столицы от Москвы представляет читателю и такого петербуржца:

У князя Чеченского была жена и семья – взрослые пажи дети, и была другая, незаконная семья, от которой тоже были дети. Хотя первая семья была тоже хороша, князь Чеченский чувствовал себя счастливее во второй семье. И он возил своего старшего сына во вторую семью и рассказывал Степану Аркадьичу, что он находит это полезным и развивающим для сына (610/7:20).

То, что под князем Чеченским мог подразумеваться некто выше по статусу и положению, чем столичный аристократ, чьи законные дети воспитываются в Пажеском корпусе, нельзя исчерпывающе доказать, но можно предположить, учитывая пронизывающую авантекст и *ОТ* романа ассоциативность и метонимические сцепления. В той же самой 7-й Части, в одной из предшествующих глав со сценами в Английском клубе в Москве, мелькает еще один «князь Чеченский, известный» – но известный не фактическим двоеженством, а скорее противоположным, совсем не вирильным свойством: он является одним из «шлюпиков» клуба, завсегда-таев из числа стариков, ставших принадлежностью клуба вроде мебели (579/7:8). В исходном автографе названных глав, датируемом временем совсем незадолго до их публикации (март 1877 года), этот анекдотический персонаж, здесь носящий «кавказское» же имя – князь Кизлярский (в оригинальном написании – «Кизлярской»), оказывается действующим лицом. Это дряхлый, обжорливый старик, говорящий «хриплым медленным голосом с восточным акцентом». Он опаздывает к клубному обеду лишь второй раз за двадцать восемь лет по причине весьма уважительной: «Тоже дело было, отложить нельзя <...> – Какое же дело? – А жену хоронил. <...> Как же, была жена. Хорошая была женщина. Она немка была»²⁹⁴.

В космополитической имперской элите брак между кавказским по происхождению князем (как кажется, грузинским²⁹⁵, но возможно и то, что Толстой имел в виду обрусевшего выходца из горской знати) и немкой можно было бы себе вообразить, хотя это не было обычным делом и автор мог рассчитывать усилить комизм этого эпизода, представляя прошедшего полжизни в клубе «восточного» человека мужем женщины из совсем другой, но, вероятно, тоже нерусской среды. Однако я рискнул бы допустить, что в этой «неожиданной» немке должен прочитываться глухой, возможно не до конца отрефлексированный самим автором намек на браки мужчин дома Романовых – те самые браки, несколько из которых в те самые годы

²⁹² Это допущение не столь уж фантастично: спустя полгода, в мае 1876 года, императрица в письме мужу упоминала роман Толстого (в связи с чтением очередной серии глав в ее кружке) как известное адресату сочинение (ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 794. Л. 7 об. [письмо от 4–5 мая 1876 г.]).

²⁹³ В 1876 году, незадолго до назначения Николая Николаевича главнокомандующим действующей армией, которой предстояло воевать с Турцией, Александр фактически дал разрешение на его воссоединение с Числовой. См.: ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–5 об. (конфиденциальное письмо А. В. Адлерберга великому князю Николаю от 1 сентября 1876 г.).

²⁹⁴ *ЧРВ*. С. 503–504 (P102).

²⁹⁵ «[Ж]ену хоронил. Тоже обещали, что кончат все дела рано, а вышло не рано. Ведь тоже из Грузин на Ваганьково, не малый конец» (Там же. С. 504).

существовали как бы в тени адюльтеров мужей. При доработке текста для печати «Кизлярский» превратился в «Чеченского» и зарисовка лишилась упомянутых деталей и колорита (о князе Чеченском как «шлюпике» рассказывает короткий анекдот старый князь Щербацкий), зато через двенадцать глав, во фрагменте, писавшемся в те же недели без давних заготовок, для скорой отсылки в типографию, не только возникает второй, казалось бы совсем другой, к тому же петербургский Чеченский, но и он, как его не прямой предшественник Кизлярский, наделяется гротескной, суггестивной чертой²⁹⁶.

Спустя всего три года саркастический абзац о второй семье князя Чеченского и развивающем значении знакомства детей в двух семьях между собой мог читаться как пророчество в отношении самого Александра II. Если в 1877 году, когда Толстой писал последние части АК, царь еще не решался официально представить своих детей от княжны Е. М. Долгоруковой придворным дамам²⁹⁷, то после смерти в 1880 году императрицы – разумеется, тоже «немки»! – Марии Александровны (а ее болезнь была в критической фазе уже в 1877 году) он начал знакомить старших сыновей с их единокровными братом и сестрами – к негодованию блюстителей морали вроде той же А. А. Толстой²⁹⁸. А возвращаясь к эротически маркированной сцене скачек в АК, где Каренин выслушивает сомнительную шутку «высокого генерала», надо отметить, что именно здесь чуть ли не единственный раз в повествовании читатель, так сказать, находится в присутствии императора. В самой ранней редакции сцены тот даже наделяется толикой действия, соотносящей его с главной героиней: «Не одна Татьяна Сергеевна [Ставрович, будущая Анна. – М. Д.] зажмурилась при виде скакунов, подходивших к препятствиям. Государь зажмуривался всякий раз, как офицер подходил к препятствиям»²⁹⁹. До печати дошел вариант, где взгляд нарратора не направлен на императора прямо, но тот все-таки в числе зрителей скачек: «К концу скачек все были в волнении, которое еще более увеличилось тем, что государь был недоволен» (201/2:28). Цензурующий характер авторской правки налицо и здесь: не всякий даже нейтральный глагол годился для описания мимики государя.

²⁹⁶ Вот какой мне видится цепочка – если не круговорот – ассоциаций. Женой «князя Кизлярского», ставшего в *ОТ* князем Чеченским, была немка. Женой великого князя Николая Николаевича, имевшего две семьи и детей в обеих семьях, была урожденная принцесса Ольденбургская, которую по ряду критериев тоже вполне можно было бы назвать «немкой» (вспомним также, что его любовница была выслана из Петербурга во время его отлучки *на Кавказ*). Второй, петербургский, князь Чеченский также имеет две семьи и детей в каждой из них. Безотносительно к историческим аллюзиям нетрудно вообразить второго, позднее появляющегося, Чеченского этаким «гостем из прошлого»: таким вполне мог быть в свое время первый Чеченский, который «еще года три тому назад не был в шлюпиках и храбрился. И сам других шлюпиками называл» (579/7:8). Иными словами, совпадение фамилий, возможно происшедшее в *ОТ* по недосмотру автора или вследствие извилистых ассоциаций, выливается в маленькую притчу о неизбежности смешного конца претензий на неиссякаемую маскулинность.

²⁹⁷ Как ясно из письма А. А. Толстой Толстому от 22–24 мая 1877 года, на одном из вечеров императрицы читалась вслух только что вышедшая вторая половина Части 7 АК, причем петербургские главы, предшествующие трагедии в Москве, доставили слушателям удовольствие именно толстовской сатирой. Таким образом, императрица должна была услышать и пассаж про «князя Чеченского» с двумя семьями (*ЛНТ–ААТ*. С. 348).

²⁹⁸ Сафронова Ю. Екатерина Юрьевская. С. 239–257.

²⁹⁹ *ПЗР*. С. 735.

5. «Все смешалось в царской семье»

Почти одновременно с тем, как разразился скандал вокруг внебрачной связи брата царя, начавшаяся за полтора года перед тем бесславная эпопея царского племянника вышла на новый уровень. Осенью 1875 года (на то же время пришелся перерыв между первым и вторым «сезонами» АК) бывшая любовница великого князя Николая Константиновича Х. Блэкфорд, высланная из России и находившаяся во Франции, опубликовала на французском, под своим божественным псевдонимом Фанни Лир, воспоминания о недавнем прошлом – «Роман американки в России»³⁰⁰. Это необычный образец женской мемуаристики викторианского века. Эпатаж автобиографического рассказа дамы полусвета, не только не скрывающей своей сексуальной свободы, но и гордящейся (относительно) независимым социальным положением, амальгамирован с назидательностью травелога о России в духе маркиза де Кюстина: страстная любовь преподносится органическим антиподом русской деспотии. Хотя и посвященная прежде всего личным отношениям писательницы с великим князем «N.» (недомолвка сугубо условная), ее аресту и высылке из России, книга затрагивала чувствительный политический нерв: в напечатанных в отдельной главе письмах Николы из Хивинского похода 1873 года³⁰¹, подлинники или копии которых Блэкфорд сумела вывезти вместе с другими приватными бумагами, содержались резкие суждения по ряду важных предметов; сама автор, даже и соблюдая почтительность в прямых отзывах об Александре II, не лишила себя удовольствия откровенно намекнуть на царскую любовницу княжну Долгорукову и ее якобы безмерное влияние на правительственные дела³⁰². Еще за несколько месяцев до выхода книги из печати российский посол в Париже информировал императора о наиболее неприятных для августейшей фамилии моментах в содержании «Романа американки»³⁰³, умолчав, конечно же, о шпильке по адресу самого Александра, чей адюльтер был табуированной темой даже в самых конфиденциальных докладах такого рода.

Став скандальным бестселлером во Франции – что повело к выдворению дерзкой куртизанки и оттуда, – книга в считанные недели нашла своих российских читателей. Высокопоставленный бюрократ славянофильских взглядов князь Д. А. Оболенский прочитал книжку в Париже сразу по ее выходе в свет:

[К]нижка, продававшаяся первый раз за 5 франков, стоила уже через три дня 100 франков. Французское правительство в угоду нашему запретило книгу и выслало американку из Франции. Все парижские газеты отзывались более или менее с негодованием об этом издании, и так как дружба и приязнь к России теперь вообще à l'ordre du jour [на повестке дня. – *фр.*] во Франции, то скандал, произведенный этой книгой, продолжался недолго. К тому же можно было ожидать, что наглая американка пойдет гораздо далее в своих некрасивых повествованиях <...>

Нельзя не пожалеть о бедном молодом человеке, которого жизнь не только исковеркала окончательно, но еще дает повод оглашать весь позор

³⁰⁰ [Blackford-Phoenix H.]. Le roman d'une Américaine en Russie.

³⁰¹ Ibid. P. 175–213.

³⁰² [Blackford-Phoenix H.]. Le roman d'une Américaine en Russie. P. 165. Долгорукова возникает здесь как «некая дама», подчинившая своим чарам «очень высокую особу», «сколь своенравная, столь и общеизвестная (*diaphane*), которая назначает, смещает и тасует министров, как маленькая девочка наряжает, раздевает и переодевает своих кукол».

³⁰³ Об этом донесении сообщается в письме министра двора А. В. Адлерберга императрице Марии Александровне от 14 мая 1875 года: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3251. Л. 30–31.

распушенности нашей царской фамилии. <...> При тех условиях, при которых растут, воспитываются и живут наши великие князья, не может быть иначе³⁰⁴.

«Наглая американка», не пошедшая-таки «далее», делала подобные же обобщения насчет воспитания и образования детей в российской императорской фамилии. Она пыталась со своей точки зрения объяснить, как и почему в ее принце (а одно уже посвящение ему в начале книги написано с нежностью) уживалось два человека – он «был беспокойным, раздражительным, грубым и надменным; и в то же время очень восприимчивым, очень во всё вникающим, добрым, любящим и заботливым в отношении ко всему, что близко трогало его, начиная мною и кончая последней его собакой»³⁰⁵.

Однако внимание не только Оболенского, но и прочих читателей-мужчин, несмотря на различие между ними в мотивации любопытства, останавливалось преимущественно на другом. Отец виновника скандала великий князь Константин Николаевич по прочтении нескольких глав записал в своем дневнике, что «ясно увидел <...> всю систему наглой лжи, которой держался Никола постоянно со мною»³⁰⁶. Некто Г., соотечественник и, несомненно, поклонник Блэкфорд, служивший в дипломатической миссии Соединенных Штатов в Петербурге, в наполненном изящными сальностями письме ей утверждал, что мужская половина бомонда находится в ужасе от мысли, «какими могли бы быть твои разоблачения» в «твоей ныне знаменитой книге», и советовал «расширить ту часть книги, где речь идет об отношениях между „обществом“ и демимондом (*between „society“ and the demi-monde*), и прослоить ее анекдотами о твоём и твоих подруг опыте встреч с петербургскими гуляками»³⁰⁷. В те же дни один из таких гуляк, Боби Шувалов, возвращая другому, своему патрону великому князю Владимиру, экземпляр «Романа американки», отзывался, что прочитал его «не без раздражения», добавляя: «Fanny Lear, быть может, хорошая девка, но весьма плохая писательница»³⁰⁸. Раздражение могло вызываться именно тем, что текст насмешливо давал понять: у автора есть материал для по меньшей мере диалогии. Неудивительно, что вскоре с ведома императора посольство в Лондоне, найдя благонадежного частного посредника, вступило с Блэкфорд в переговоры о готовившемся ею к публикации сиквеле «Романа американки» и, как кажется, за круглую сумму выкупило у нее манускрипт (в нем, среди прочего, Долгорукова выводилась почти открыто под прозвищем *Princesse Diaphane* – княжна Всем-Известная) и подборку частных писем, огласка которых в придачу к уже напечатанным письмам Николая могла бы компрометировать разных лиц. Кроме того, Блэкфорд дала (и сдержала) обещание не публиковать что бы то ни было еще на эту тему³⁰⁹.

Трудно установить, когда именно весть о пикантной книжной новинке достигла Ясной Поляны³¹⁰, но то, что Толстой узнал о ней или даже ознакомился с содержанием книжки еще до завершения своего шедевра, не вызывает сомнения. «Улика» отыскивается в генезисе самой АК. В датируемой началом 1877 года исходной редакции уже упомянутых сцен Части 7 со Стивой Облонским, приехавшим в Петербург для получения синекуры, возникает эпизодиче-

³⁰⁴ Оболенский Д. А. Записки. С. 378 (запись от 4 декабря 1875 г.).

³⁰⁵ [Blackford-Phoenix H.]. Le roman d'une Américaine en Russie. P. 86–88.

³⁰⁶ Цит. по: Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. С. 290 (коммент. публ.).

³⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2620. Л. 150–151 (копия перлюстрированного Третьим отделением письма от «Г.» из Петербурга – «Mrs. Hattie Blackford» в Лондон, от 5 ноября 1875 г.; подлинник, как явствует из пометы перлюстратора, был написан на почтовой бумаге американской дипломатической миссии).

³⁰⁸ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 730. Л. 20 (записка Шувалова вел. кн. Владимиру от 16 ноября 1875 г.).

³⁰⁹ Подробности см.: McDonald E., McDonald D. Fanny Lear. P. 267–268, 294–297. Рукопись, озаглавленная «À travers l'Europe» («По всей Европе»), сохранилась в личном архивном фонде Александра III: ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 125.

³¹⁰ Экземпляр «Романа американки», который явно был читан, имелся в библиотеке Ясной Поляны, но ни читательских помет рукой Толстого, ни указаний на время приобретения он в себе не заключает. См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1. Тула: ИД «Ясная Поляна», 1999. С. 151.

ский персонаж – старый бонвиван князь *Лиров*, «в парике, с вставленными зубами и в корсете», который разом молодеет на десять лет, стоит ему только оказаться в Европе: «Поверишь ли, я провел лето в Бадене, ну право я чувствовал себя моложе, dans la force de l'âge. Увижу женщину молоденькую, мне весело. Пообедаешь, выпьешь слегка – сила, бодрость. Fanni у меня была»³¹¹. Фамилия князя и имя его госты слагаются в ироническое цитирование псевдонима, под которым изгнанная из России американка издала панегирик раскрепощающим нравам демимонда, столь ценным и Лировым, и Стивой³¹². Последовавшая правка устранила из текста АК говорящую ономастическую комбинацию³¹³, но в написанных и опубликованных еще за год до того «великосветских» главах Части 3 слышится менее артикулированная, но более развернутая интертекстуальная переключка с самой Фанни Лир.

Этих глав, как бы замедляющих ход времени для петербургских героев после драматических событий на скачках и в ряде сцен специально наводящих фокус на повседневность бомонда (3:14–23), не имелось – даже в самой эскизной форме – в апреле 1875 года, когда закончился первый «сезон» публикации романа в «Русском вестнике». Создавались они совершенно наново в конце 1875 года с прицелом на скорейшее напечатание (что и осуществилось в январе 1876 года), и именно в них могли непосредственно сказаться впечатления автора от свежих новостей из Петербурга³¹⁴. Здесь-то и появляется фигура великого князя из младшего поколения Романовых. Эта реминисценция не ускользнула от внимания комментаторов³¹⁵, но включенность эпизода в исторический контекст глубже и многозвеннее, чем может показаться на первый взгляд.

В *ОТ* Анна на следующий день после скачек и признания мужу встречается у княгини Бетси Тверской с приехавшими на партию крокета Сафо Штольц и Лизой Меркаловой – эксцентричными дамами, двумя «главными представительницами» прежде совершенно чуждого Анне «избранного нового петербургского кружка». Кружок «в подражание подражанию чему-то» именовался «les sept merveilles du monde» – «семь чудес света» (279/3:17), и кто знает, не был ли среди тех, кому подражали, сам автор АК: идея счисления участниц кружка, присвоения каждой своего «нумера»³¹⁶ созвучна фиктивной фамилии Нумерова, под которой в уже вышедшей на тот момент порции романа упоминается великокняжеская любовница Числова. Сафо и Лиза, составляющие своего рода пару зеркальных противоположностей – порывистая, с мужским рукопожатием блондинка и томная брюнетка, – неотступно эскортируемы каждая двумя поклонниками, итого четырьмя, никто из которых, как кажется, не может похвастаться интимной близостью с предметом обожания. Сафо словно нарочно медлит вводить в гостиную второго из своих спутников, меж тем как именно его стоило бы представить в первую очередь:

³¹¹ P102: 35.

³¹² В этой редакции глав о Стиве в Петербурге тема демимонда представлена и в детали, не вошедшей в *ОТ*: он обедает с приятелем Бартнянским в апартаментах («роскошно распущенном помещении») содержанки последнего – актрисы «Mlle Mila» (P102: 34).

³¹³ В копии автографа была в ходе правки удалена фраза о «Fanni», а в следующей копии (с которой после новой правки делался уже набор для журнального выпуска от апреля 1877 года) имя князя было заменено на «Петр Облонский» (P103: 10; P104: 60), как и читается в *ОТ* (611/7:20).

³¹⁴ Анализ этого см. в гл. 3 наст. изд.

³¹⁵ Бабаев Э. Г. Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1981. С. 489.

³¹⁶ В одной из ранних редакций сцены, где партию крокета устраивают нувориши Илены, производится подсчет: «У них было 3 из 7 merveilles. Каждая с своим любовником»; ср. ранжирование в чуть более поздней редакции: «Лиза Меркалова была одна и едва ли не главная из небольшого кружка крайних петербургских модниц <...>»; «„Так что это собрание почти всех семи чудес. Двух не достанет. Мы с вами будем исполнять должность, если нам сделают эту честь“» (реплика Бетси); «Дама эта была баронесса Денкопф, одно из 7 чудес» (ЧРВ. С. 285 (P54), 298, 301 (P58)). Отдаленный аналог находим в шутке старого князя Щербацкого, не одобряющего новообретенную пиетистскую религиозность дочери, в конце предыдущей, 2-й, части: «Ну, так она [Кити. – М. Д.] второй ангел. <...> Она называет ангелом номер первый mademoiselle Вареньку» ([218/2:34]; чтение журнального текста: «ангел № 1» [РВ. 1875. № 4. С. 589]).

Неожиданный молодой гость, которого привезла Сафо и которого она забыла, был, однако, такой важный гость, что, несмотря на его молодость, обе дамы встали, встречая его. / Это был новый поклонник Сафо. Он теперь, как и Васька, по пятам ходил за ней (285/3:18).

У этой немой фигуры, на которую до конца эпизода взор нарратора более не падает, но которая что-то да значит, был непростой путь в гостиную Бетси, и заключенная в ней аллюзия не замыкается на какой-то одной личности. Сам толстовский образ замужней светской дамы (со слов Бетси читатель знает, что «муж Лизы Меркаловой носит за ней пледы и всегда готов к услугам»; Сафо, судя по контексту, тоже не девица [282/3:17]), за чью благосклонность, невзирая на наличие мужа, соперничают два очень знатных джентльмена, мог восходить к напумевшей в 1868 году истории Н. С. Акинфовой (Акинфиевой), travestированной тогда же, как отмечено С. А. Экштутом, в «Войне и мире»³¹⁷. В Акинфове были влюблены министр иностранных дел князь А. М. Горчаков и старший из царских племянников, герцог Николай Лейхтенбергский (в конце концов соединившийся с нею за границей), а ее не особо чиновный муж покорно, презрев унижение, соглашался выступить фиктивным прелюбодеем, чтобы сделать возможным развод. Спустя семь лет в АК эта ситуация преломилась несколько иначе: двое самых видных из четверки поклонников, сановник Стремов и очень важный «молодой гость», ухаживают каждый за своей дамой, имея против себя соперников, которых дамы называют за глаза и в глаза «Мишкой» (также известным как князь Калужский) и «Васькой» (282/3:17; 285/3:18).

Как и шутливый великий князь, он же «высокий генерал», на скачках, «молодой гость» на великосветской партии крокета возникает в черновиках сцены, так сказать, менее инкогнито, под своим титулом. Интересен сам процесс «материализации» этого персонажа в череде версий одного и того же фрагмента текста, быстро писавшихся одна за другой в конце 1875 года. Местом игры в крокет и происходящей после нее беседы Анны и Вронского выступает сначала роскошная, в модном английском стиле, дача «нового финансового человека» барона Илена³¹⁸, затем – не по-нуворишски изысканный «дворец» банкира Роландаки³¹⁹, и наконец, дом самой Бетси, шик которого подразумевается сам собой³²⁰.

«Илен» и «Роландаки» – подчеркнуто «иностранческие» фамилии, псевдоеврейская и псевдогреческая. Носитель первой из них, пожалованный к тому же наименее престижным из дворянских титулов – как считалось, предметом гордости парвеню именно такого рода, – изображается с особой неприязнью, которую нарратор разделяет с персонажами³²¹. Несмотря на богатство, гостеприимство и безупречную светскость манер, барон Илен настолько чужд бомонду, что стоило бы «ему спустить роскошь своей обстановки, пригласить к обеду своих

³¹⁷ *Экштут* С. А. Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М.: Согласие, 2001. С. 96–99.

³¹⁸ *ЧРВ*. С. 280 (P54), 296 (P55).

³¹⁹ Там же. С. 300 (P58); P62: 4–8 (нижний слой).

³²⁰ P63: 1–2 об.

³²¹ Хотя сцена с Иленом – единственное, насколько мне известно, место в рукописных редакциях, где преуспевающий коммерсант еврейского (как дает понять текст) происхождения оказывается действующим лицом, в генезисе текста это не первый и не последний случай использования топоса разбогатевшего еврея. В ранее написанном черновике первой в романе салонной сцены в Петербурге одна из дам пренебрежительно произносит: «Они, как их зовут, – эти, знаете, богачи банкиры Шпигельцы <...>» (*ЧРВ*. С. 21 [P4]). В *ОТ* фамилия тех же богачей дается как «Шюцбург» (133/2:6). Эти вариации могли отсылать и к принятому в высшем обществе чрезвычайно влиятельному финансисту с немецко-еврейскими корнями барону А. Л. Штиглицу, и к выходцам из черты оседлости, банкирам, предпринимателям и филантропам, пользовавшимся покровительством правящего дома, баронам Гинцбургам. С конкретными историческими лицами соотносятся и фамилии дельцов, прямо названных в тексте евреями, – Болгаринов, Поморский, Мордвинский, – от которых в предпоследней части романа Стива Облонский, домогающийся прибыльной синекуры, отчаянно надеется получить содействие, так что даже навлекает на себя упрек другого прожигателя жизни: «Только что тебе за охота в эти железнодорожные дела с жидами?.. Как хочешь, все-таки гадость!» (603–605/7:17; 610/7:20 [цитата]).

друзей и родных, высказать свои вкусы и убеждения <...> и он бы потонул, и никто бы не спросил, где он и его жена». Беседе с прекрасно говорящим на нескольких языках, внешне привлекательным Иленом Анна предпочитает болтовню с «известным негодяем», физически и нравственно истаскавшимся жуиром, умным брюзгой князем Корнаковым, который «был ей, как старая перчатка на руке, приятен и ловок», тогда как Илен, «свежий, красивый мужчина», был «ей противен». Именно Корнаков вышучивает к удовольствию Анны хозяина и хозяйку, говоря, что «ноги у него так прямые и крепки оттого, что сделаны из английских стальных рельсов и что туалет ее напоминает букет разноцветных акций <...>»³²². Толстовское этически мотивированное отношение к утонченным нуворишам как одному из вопиющих воплощений фальши (в противовядие от которой годится и желчный бездельник, лишь бы его желчность была естественна и не обусловлена личной выгодой) сплетается здесь с по-своему сочувственной репрезентацией аристократической кастовости, которая еще оставалась отчасти присуща тогдашнему Толстому.

В черновиках, где Илены заменены четой Роландаки, на переднем плане не хозяева, а гости. Здесь-то, у Роландаки, и появляется в этой цепочке вариантов великий князь, называемый существительным из соответствующей формы титулования – «высочество» (но не «его высочество»: без притяжательного местоимения такое словоупотребление звучит скорее иронично, чем почтительно). Первое же упоминание связывает этого гостя с темой либертинства: Лиза Меркалова (больше похожая здесь на Сафо Штольц в *ОТ*) осчастлививает хозяев, нуждающихся в узаконении своего положения в высшем свете, тем, что зазывает к ним на крокет еще четырех дам из «семи чудес», и не только их: «Надо видеть, как она третирует их [хозяев. – М. Д.]. Но она за собой привела высочество, и потому ей все позволено»³²³. Иными словами, для этого дома визит великого князя – символический капитал, сопоставимый не меньше чем с солидным паем в акционерной компании. Персонаж чуть глубже вовлечен в действие, чем в *ОТ*: «высочество» приглашает Анну быть его партнершей в крокетной игре, и потом мы видим его еще раз участвующим в веселом обеденном разговоре³²⁴.

Семантика «высочества» приглушенно, но явственно сквозит в не дошедшей до печати подробной характеристике того эксцентрично-либертинского поведенческого кода («Это новый, совсем новый тон»), который в *ОТ* устами Бетси Тверской лаконично схвачен калькой с французского: «Они забросили чепцы за мельницы. Но есть манера и манера, как их забросить» (281, 282/3:17)³²⁵. Как и во многих других случаях эволюции текста, ранняя редакция, небезупречная, возможно, в художественном отношении из-за пространных комментариев и эксплицитных суждений нарратора, оказывается особенно интересной как опыт толстовской антропологической аналитики. Анализ этот был к тому же посвящен предмету, который живо занимал автора, – неписаным законам светских отношений, угадываемой, но не всегда артикулируемой власти сложных норм приличия, эмоциональной «алхимии» светской естественности:

Княгиня Тверская сама не принадлежала к кружку 7 чудес. <...> [О]на не имела той распушенной, отчасти грубой, отчасти утонченной нечистой женской возбудительности, которая составляла общую черту 7-ми чудес. Княгиня Тверская была настолько умна, что она и не пыталась подражать этим дамам, усвоившим себе вполне тон, родственный им по природе, – тон распутных женщин. <...> Маневр этих дам состоял в следующем: положение

³²² ЧРВ. С. 280, 281–282 (P54), 296 (P55).

³²³ Там же. С. 298 (P58).

³²⁴ Там же. С. 302, 303–304 (P62).

³²⁵ Исторический анализ эксцентрики, попирающей светские приличия, на примере любовной связи Александра II и Е. Долгоруковой см.: Сафронова Ю. Екатерина Юрьевская. С. 134–146.

этих дам было так высоко и прочно, ~~но высоко и прочно не по мужу, а по тому признанному ухаживателю~~ что они смело могли, удерживая своих поклонников, усвоить самый приятный и естественный для них тон распутных женщин. Это не могло их уронить. Напротив, это достигало главной цели – совершенного резкого отличия от всех других женщин, которые не могли подражать им в этом. Это была такая мода, которую нельзя было купить у модистки и в которой они оставались единственными и становились на некоторый общественный пьедестал. И так как поклонники требовали именно распутной привлекательности и женщины и имели ее, то они и держали своих поклонников и вместе с тем пользовались самой для себя приятной, отличающей их от всех других женщин, но не роняющей их распушенной жизнью. Почти все эти дамы курили, пили вино, для того чтобы оно возбуждало их, и позволяли <...> обнимать себя и многое другое. Бетси в глубине души завидовала им, но была настолько умна, что, случайно избрав себе недостаточно важного поклонника и зная свою непривлекательную натуру, и не пыталась подражать им; но, чтобы не выказать своей зависти, никогда и не осуждала этих дам, составивших в том великосветском кругу, в котором жила Бетси, отдельную и высшую по тону секцию³²⁶.

Вычеркнутый уже в автографе, по ходу писания, оборот «но высоко и прочно не по мужу, а по тому признанному ухаживателю», в сущности, заключает в себе соль всей зарисовки: трансгрессия «семи чудес» представлена эпифеноменом того культа сексуальности, который поддерживался в тех или иных кружках столичной аристократии не в последнюю очередь благодаря прямой причастности к нему августейших лиц, живых воплощений власти и владения. Мужская бравада «сверхпотреблением» сексуальных удовольствий зеркально отражалась в женском состязании за того же свойства власть – за обладание высоким любовником-покровителем. С процитированным выше очерком искусства «забросить чепец за мельницу» сближается ряд свидетельств о фактуальной реальности бомонда середины 1870-х годов. Так, за одно из «семи чудес», как их живописует Толстой, легко сошла бы известная Зинаида Скобелева, сестра будущего героя Плевны и Шипки М. Д. Скобелева, которая, по отзыву С. Д. Шереметева, при первых же своих выездах в свет «поражала особенностями своего туалета, несвойственного девице», и «с наружностью и приемами французской горизонталки [популярный во второй половине XIX века скабрёзный галлицизм в длинном ряду синонимов. – М. Д.] <...> соединяла чары своего прекрасного и обработанного голоса». «Тот *goût* [вкус, тон. – *фр.*], которого она была представительницею, водворился лишь в 70-х годах», – замечает мемуарист³²⁷. Аналогично с тем, что Бетси Тверская называет «новым, совсем новым тоном», дополняет сообщение другого хроникера светской жизни той эпохи, А. А. Киреева: Скобелева не боялась соперничать с Блэкфорд за благосклонность великого князя Николая Константиновича и даже осаждала его недвусмысленными посланиями³²⁸. Если это так, то тут трудно не заподозрить рано начатую, целенаправленную охоту за «принцем крови»: спустя несколько лет обворожительная Зинаида вышла замуж за овдовевшего к тому времени Евгения Лейхтенбергского, а позднее была близка с великим князем Алексеем Александровичем, который после запрета жениться на Жуковской вел разгульную холостую жизнь.

Что же побудило Толстого существенно сократить колоритную, творившуюся со вкусом, стоившую – судя по числу сменявших одна другую редакций – немалых усилий главу со сценами в доме нувориша (где, в числе других, имеется и яркий эпизод с подтекстом, словно при-

³²⁶ ЧРВ. С. 298–299 (P58).

³²⁷ Шереметев С. Д. Мемуары. Т. 1. С. 102–103.

³²⁸ ОР РГБ. Ф. 126. К. 6. Л. 112 об.–113 (запись в дневнике А. А. Киреева от декабря 1875 г.).

шедший из снятого спустя век с лишним фильма: Вронский берет из рук Анны молоток и, отвечая глазами на ее улыбку, показывает нужный размах для удара по шару³²⁹)? Ведь перенос действия в дом аристократки Бетси сузил набор подлежащих описанию взаимосвязей и взаимозависимостей в светской иерархии³³⁰. По мнению В. А. Жданова, «в этих вариантах действие около буржуазии отражало в первую очередь жизнь нескольких социальных кругов, а в процессе углубления проблемы Анны необходимо было <...> заострить внимание на моральном разложении высшего света в его собственном кругу <...>»³³¹. Это суждение звучало бы убедительнее, если бы Толстой был марксистом, прилагающим формационную теорию к художественному вымыслу. (Да и характер изображения высшего общества и здесь, и в других местах книги отнюдь не исчерпывается обличением «разложения»: к примеру, автору явно нравится чередовать в партии «развратной» Бетси затертые французские калки с воистину пронизательными, изящно выраженными *мыслями*³³²; в некотором смысле АК была игрой Толстого в ностальгию по его юношескому увлечению *comme il faut*.)

На мой взгляд, в переработке этого материала – последовавшей, напомню, немедленно по созданию исходной его редакции в конце 1875 года – Толстой сократил одно для того, чтобы сохранить, довести до печати другое. И этим другим было, в частности, прямо или косвенно обозначаемое присутствие «высочества», члена императорской фамилии. Едва ли случайно, что упоминаний о нем нет в сценах с Иленами: здесь отторжение и нарратора, и героев от нуворишей, заявленное через ксенофобский дискурс, подразумевает вступление в область «неприличного», какой бы широкой ни была пограничная полоса, отделяющая ее от «приличного». У Роландаки, чье богатство не обнаруживает так вопиюще своего «железнодорожного» происхождения (ноги у него все-таки не «сделаны из <...> рельсов»)³³³, великому князю появиться несколько менее зазорно. Приближаясь же к окончательной редакции, Толстой заменил фактически прямое наименование – «высочество» – прозрачной аллюзией³³⁴, и, как мне представляется, именно ее желательная прозрачность вкупе, возможно, с другими соображениями побудила пожертвовать тематикой нуворишества. Молодой великий князь в либертинской котерии был красноречивой приметой эпохи, чертой некоей среды *внутри* светского общества («высшая <...> секция»), в которую попадает Анна, подчиняясь своей страсти, но чтобы эта значимая для сюжета фигура промелькнула хотя бы силуэтом, надо было скорректировать изображение обстановки. Великий князь, не только ухаживающий за салонной соблазнительницей, но и одалживающий посещениями железнодорожного богача, оказался, вероятно, перебором даже для толстовского внутреннего цензора³³⁵.

³²⁹ ЧРВ. С. 283–284 (P54). В ОТ описанию игры на «крокетграунде» находится место в одной из последующих частей романа, а именно в главах об Анне и Вронском в Воздвиженском (533/6:22), но здесь это игра в теннис.

³³⁰ Вот одна из характерных ремарок такого рода из отвергнутых версий: «Дом Илена посещался особенно охотно потому, что Илены знали, что они никому не нужны сами по себе, а нужны их обеды, стены; но что и этого мало: нужно потворствовать вкусам, и они делали это» (ЧРВ. С. 285 [P54]).

³³¹ Жданов В. А. Творческая история «Анны Карениной». С. 103.

³³² См., напр., ее фразу в беседе с Анной, схватывающую нечто важное в психологии последней: «Видите ли, на одну и ту же вещь можно смотреть трагически и сделать из нее мученье, и смотреть просто и даже весело» (284/3:17). Ср. характеристику Анны современным толстоведом как сравнительно благополучной героини романа, жаждущей стать протагонисткой романа трагического (и становящейся таковою): Morson G. S. «Anna Karenina» in *Our Time: Seeing More Wisely*. New Haven & London: Yale UP, 2007. P. 118–139.

³³³ В ОТ стереотипная ассоциация еврея с «легким» обогащением на строительстве железных дорог просматривается в мимолетном упоминании «железнодорожного богача» по фамилии Мальтус (493/6:11).

³³⁴ См. правку в копии автографа, начинающую вуалировать «высочество»: P62: 6 об.

³³⁵ За восемь лет перед тем Тургенев по требованию М. Н. Каткова вносил похожую правку в корректурные листы главы «Дыма» о юной Ирине Осининой, в результате чего исчезло прямое упоминание императора, замечаящего на балу прелестную дебютантку, а оборот «высокая особа», подразумевавший лицо царской крови, был заменен менее определенным (см.: Покусаев Е. И., при участии Е. И. Кийко [Вводная статья к примечаниям: И. С. Тургенев. Дым]. С. 524–525). Не исключено, что Катков заранее поделился с Толстым своим опытом устранения рискованных намеков в произведении на современную тему; во всяком случае, Толстой в работе над сценами и с «высоким генералом» на скачках, и с «важным гостем» у светской

Терпкая аура, окружающая важного поклонника Лизы Меркаловой в черновиках и Сафо Штольц в *ОТ*, – аура прелюбодеяния, скандала, молодости и, конечно же, власти (заметим, что дамы встают при его входе подобно тому, как Каренин низко кланяется «высокому генералу») – сближает эти главы с «Романом американки» не только тематически и сюжетно, но даже стилистически. Так, воспоминание Фанни Лир о знакомстве с будущим любовником организуется вокруг мотива инкогнито «важного гостя». На бале-маскараде в петербургском театре высокий красавец в гвардейском кавалерийском мундире и аксельбантах с императорским вензелем занимает американку – легковерную, но уже разбирающуюся в российских воинских знаках отличия, – рассказом о том, что его отец, московский купец, пожертвовал много денег на войско в Крымскую войну и удостоился от царя благодарности – пожалования сына во флигель-адъютанты. Скромное происхождение – не помеха назначению в царскую свиту. Она сочувственно внимает, но наконец замечает, что все гости в масках и без них почему-то расступаются перед ее кавалером, этим якобы купеческим сыном, и приветствуют его уж «очень почтительно»³³⁶.

Особенно же примечателен пассаж, где парадоксально неодобрительные суждения куртизанки о нравственности русских великосветских львиц иллюстрируются весьма натуралистичным для тогдашних литературных конвенций разбором составляющих женской сексуальности. То, как Блэкфорд, бывшая искательница острых ощущений, описывает сочетание визуальных и ольфакторных стимулов желания, напоминает этюд о «нечистой женской возбужденности» в авантексте *АК*:

Я очень ревновала его [великого князя. – М. Д.] и не скрывала этого. Он безудержно дразнил меня на этот счет, и надо признать, что случаев ему представлялось немало не только у женщин той среды, к которой принадлежу я, но и у дам высшего общества и даже незамужних девушек наиболее знатных домов. / Эти светские дамы принимали его в глубине своих будуаров, в таком неглиже, какое они считали самым соблазнительным; они распахивали халаты, чтобы он мог видеть красивые груди из слоновой кости или скорее из мрамора (*leurs beaux seins d'ivoire ou plutôt de marbre*), и распяляли себя, точно жена Потифара <...> / Даже и не будучи Иосифом, он, казалось, не имел глаз³³⁷; но вот на его обоняние это действовало сильнее, чем на зрение. Когда он возвращался домой, я издали чувствовала по запаху, откуда он явился. «Воды, быстро! – кричал он. – Мне надо смыть с себя эти благовония! Фу, – добавлял он с презрением, – эти женщины, столь чинные по наружности, при этом более продажны, чем уличные девки <...> Они смеют плохо говорить о тебе! Но ты можешь судить о них по запискам, что они мне шлют». / Я смеялась про себя, когда в театре оказывалась в ложе рядом с ними. Они отводили от меня глаза,

дамы включал автоцензуру еще до стадии наборной рукописи, что, возможно, и помогло сохранить в тексте смягченные, но все-таки ясные намеки.

³³⁶ [Blackford-Phoenix H.] *Le roman d'une Américaine en Russie*. P. 48–49. Показателен в этом отношении и мотив зловещего сна, хотя здесь надо оговориться, что в авантекст *АК* повторяющийся кошмарный сон Анны, который однажды видит, одновременно с нею, и Вронский (в *ОТ* – 302/4:2; 307/4:3), вошел задолго до конца 1875 года (см.: *ПЗР*. С. 739, 743–744). Если верить Блэкфорд, Николая будто бы мучил один и тот же кошмар, который он, впрочем, не успел гипнотически внушить возлюбленной – но подробно ей пересказывал. Ему в жутких деталях снилось, что его обвиняют в каком-то «чудовищном преступлении», ведут на эшафот в присутствии всей императорской фамилии («император бледен как призрак»), завязывают глаза, связывают сзади руки... На громкой команде «Огонь!» он с содроганием просыпался ([Blackford-Phoenix H.] *Le roman d'une Américaine en Russie*. P. 84–86).

³³⁷ Отсылка к библейской притче о жене Потифара, тщетно пытавшейся соблазнить Иосифа, раба своего мужа, дополняется здесь ироническим признанием, что вообще великий князь не отличался стойкостью Иосифа: искушение зрелищем красивого тела не всегда достигало цели лишь из-за дефекта его зрения. В словах «*plutôt de marbre*», вероятно, обыгрываются названия дворца родителей Николы и его собственного дворца, пожить в котором ему довелось недолго: Мраморный и Малый Мраморный.

а я тут же с пренебрежением поворачивалась к ним спиной, ибо моя взяла: я знала, что обладаю моим князем (*je savais que je possédais mon prince*)... и их письмами³³⁸.

Неожиданную параллель между столь разными и неравновеликими комментаторами современных нравов, как Толстой и Блэкфорд-Лир, намечает и ряд мест в неопубликованном сиквеле «Романа американки», сравнивающим разные европейские страны с точки зрения космополитки, верной своей стигматизированной профессии. Будучи противницей той социальной мимикрии, при которой праздные светские прелюбодейки «вредят промыслу кокоток» (*gâtent le marché des cocottes*)» (собственно, отсюда и странноватые в ее устах моралистические сентенции о полураздетых искусительницах-аристократках в будуарах), Блэкфорд находила пример правильного разграничения сфер женского влияния на мужчин не где-нибудь, а в слывшем царством разврата Париже: «Дамы света и кокотки остаются, те и другие, при своих ролях, [так что] адюльтер, распутство (*l'adultère, le libertinage*) не проникают во все классы, как это происходит в Англии или в России»³³⁹. В свою очередь, Толстой еще в 1870 году в эпистолярном отклике – где, как отмечено Б. М. Эйхенбаумом, сказались его шопенгауэрианские умонастроения, готовившие почву для АК³⁴⁰, – утверждал в пику сторонникам женской эмансипации, что одним из оправданных и, более того, оправданно массовых родов занятий для незамужних женщин является проституция:

[М]ои доводы строятся не на том, что бы мне желательно было, а на том, что есть и всегда было. <...> То, что этот род женщин нужен, нам доказывает то, что мы выписали их из Европы; то же, для чего они необходимы, нетрудно понять <...> [Э]тот класс женщин *необходим* для семьи, при теперешних усложненных формах жизни³⁴¹.

Такой взгляд предполагал не только законность существования категории, которую он в этом письме именовал то «блядьми», то «магдалинами», но и естественность ее отличия от других групп. И спустя несколько лет в АК (в авантексте существенно явственнее, чем в ОТ) смешение женских ролей между демимондом как одной из территорий внебрачного секса и высшим обществом – то, что Блэкфорд критиковала с позиции подчиненного «класса», – было встроено в ретушированную писательским воображением картину элитистской трансгрессии. Такой трансгрессии, при которой статус избранных достигается не чем иным, как сколь можно более непринужденным подражанием париям, «распутным женщинам»³⁴².

Итак, подобно рубежу зимы и весны 1874 года, когда Толстой напряженно трудился над петербургскими главами Части 2, конец 1875-го – время интенсивной работы над второй поло-

³³⁸ [Blackford-Phoenix H.] Le roman d'une Américaine en Russie. P. 90–91. Можно предположить, что в последних строках речь идет о письмах З. Д. Скобелевой. А. А. Киреев, чье свидетельство о романтическом интересе эксцентричной девушки к великому князю приведено выше, в той же записи пересказывал дошедшее до него через фрейлину императрицы Д. Ф. Тютчеву известие, что Блэкфорд намерена напечатать письма Скобелевой Николаю (см.: ОР РГБ. Ф. 126. К. 6. Л. 112 об.–113). Сама Блэкфорд в письме 1876 года доктору Т. Эвансу, посредничавшему между нею и российскими властями, упоминала, что в числе бумаг из ее коллекции, представленных ею французской полиции для передачи российскому послу в Париже, было «несколько [писем] от мисс С... (*Miss S...*)» (*McDonald E., McDonald D. Fanny Lear. P. 297*).

³³⁹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 125. Л. 18.

³⁴⁰ Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. С. 633–635.

³⁴¹ Толстой–Страхов. С. 1–2 (оставшееся неотправленным письмо Толстого Страхову от 19 марта 1870 г.).

³⁴² В отсутствие решающего свидетельства я воздерживаюсь от истолкования отмеченных параллелей между «светскими» главами Части 3 АК и «Романом американки» как *бесспорного* доказательства того, что Толстой *уже в конце 1875 года* читал хотя бы фрагменты пикантной новинки, и как прямого следствия ассимиляции прочитанного текста. В любом случае эти подобию лишний раз напоминают о том, что, как убедительно показал Дж. Брукс (*Brooks J. How Tolstoevskii Pleased Readers and Rewrote a Russian Myth // Slavic Review. 2005. Vol. 64. № 3. P. 538–559*), Толстой не чурался черпать из резервуара ходячих мотивов и тропов массовой литературы, в особенности любовных и приключенческих повестей. Такого замеса материалом «Роман американки» изобилует.

виной Части 3 и Частью 4 – был ознаменован всплеском слухов и толков о разных членах правящего дома. Помимо рассмотренных, АК, несомненно, содержит и другие места, где художественный вымысел преломлял в себе официальную и негласную династическую хронику. К примеру, возможно, что водевильную фигуру приехавшего в Россию иностранного принца, «глупой говядины» по определению Вронского, помогли вылепить эскапады двух «высочеств» Николаев. Вкусы гостя роднят его с любителями увеселений среди Романовых не меньше, чем генеалогия: «[И]з всех русских удовольствий более всего нравились принцу французские актрисы, балетная танцовщица и шампанское с белой печатью» (334/4:1). Всего двумя годами раньше состоялось сопровождавшееся разнообразными пересудами бракосочетание великой княжны Марии с британским принцем Альфредом, герцогом Эдинбургским, о котором А. А. Толстая тогда же отзывалась в письме автору АК весьма нелестно, пусть даже и не так образно, как позднее Вронский – о ценителе «русских удовольствий».

Беликокняжеские скандалы оказали воздействие не только на динамику создания романа и развертывания в нем переплетенных тем власти и адюльтера, но и динамику восприятия сериализируемой книги в данном аспекте современниками, в особенности рецензентами романа. Так, прочитав первую после восьмимесячного перерыва порцию АК в январском номере «Русского вестника» за 1876 год – то есть вторую половину Части 3 с петербургскими главами об Анне и Вронском на следующий день после скачек и главами о Левине в деревне перед отъездом за границу, – известный критик А. М. Скабичевский остался разочарован. Как и ряд других рецензентов, высказывавшихся по ходу печатания АК, он не находил в порциях являющемся на свет произведении должной меры цельности и содержательности. А в январском номере Скабичевский и вовсе усмотрел намерение автора искусственно удлинить роман «до бесконечности», наполняя им выпуски «Русского вестника» «целые года». Трюизмы неглубокой критики неожиданно сменяются чем-то иным, когда рецензент переключается на ироничный совет Толстому по поводу того, как именно надо «растягивать» роман:

В дальнейшем развитии сюжета Каренины могут уехать за границу <...> там пусть они встретятся с Левиным, и Анна одержит победу и над сим стоическим агрономом, отбив у Кити последнего жениха. Вронский пусть окончательно запутается в долгах, произведет скандал и будет сослан в Ташкент, разжалованный в рядовые <...>³⁴³.

Совершенным прозорливцем Скабичевского не назовешь, но поэтика романа так или иначе его затронула и отдельные ходы в развитии фабулы он предсказал верно, пусть и в форме пародии. Так, если сама тема Средней Азии на момент написания этой рецензии уже зазвучала в публикуемом романе – в вышедших как раз в январе 1876 года главах с Вронским и молодым генералом Серпуховским, звездой последней кампании в Туркестане (3:20–21)³⁴⁴, то Вронский, собирающийся не куда-нибудь, а в Ташкент после попытки самоубийства, появится в печати только в концовке следующей части (4:23), в мартовском номере того же года³⁴⁵ (уже после публикации рецензии Скабичевского – и любопытно, оценил ли тот собственную догадливость). С точки зрения службы не столько командировка в Ташкент, сколько отказ Вронского от назначения туда ради соединения с Анной будет «скандалом», однако важнее то, что Ташкент в разговоре об АК вообще ассоциируется с потрясением, провалом, переворотом в чьей-либо судьбе. Это не был специфически толстовский троп. К примеру, в планах и наброс-

³⁴³ Русская критическая литература о произведениях Л. Н. Толстого: Хронологический сборник критикобиблиографических статей / Сост. В. А. Зелинский. Ч. 8. М.: Типолитография В. Рихтер, 1902. С. 230 (рецензия опубликована в «Биржевых ведомостях», № 70 от 12 марта 1876 года, под псевдонимом «Заурядный читатель»). См. также: Бабаев Э. Г. Лев Толстой и журналистика его эпохи. Изд. 2-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 147.

³⁴⁴ *РВ*. 1876. № 1. С. 337–344.

³⁴⁵ Там же. № 3. С. 312.

ках «Подростка», почти одновременных началу сериализации АК, Достоевский именно отъездом на трудную службу в Ташкент предполагал закрепить в сюжете перерождение значимого персонажа – «Молодого Князя», мота с пропуском в «общество гуляк высшего света», оказавшегося на грани бесчестия, а согласно одному из эскизов – и снова все тот же мотив! – даже укравшего бриллианты³⁴⁶.

Сказанное о Вронском «запутается в долгах, произведет скандал» было приложимо к случившемуся в реальности с молодым великим князем Николаем Константиновичем, действительным «вором бриллиантов», который на тот момент успел связать свое имя с Туркестаном: в 1873 году он участвовал в завоевании Хивы; накануне своей катастрофы в 1874 году готовился к путешествию в тот же край в составе научной экспедиции для исследования Аму-дарьи, сообщения о чем печатались в газетах³⁴⁷; а в 1875-м его письма любовнице за два года перед тем из Хивинского похода были разглашены в ее мемуарах. В начале 1876 года эта история была на слуху, и можно было предвидеть, что член правящего дома, объявленный душевнобольным, отстраненный от службы и многими своими поступками продолжавший компрометировать династию, будет рано или поздно выслан на восточную окраину империи в своем новом полуопальном качестве. Так и произошло вскоре: в 1877 году он был поселен в Оренбургском генерал-губернаторстве, а в начале 1880-х окончательно удален в Ташкент³⁴⁸. В отличие от графа Вронского, этот великий князь имел ограниченный выбор.

³⁴⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 222–223, 241, 260. Персонаж в этих набросках – предшественник князя Сергея Сокольского в окончательном тексте.

³⁴⁷ См., напр.: Экспедиция на Аму-Дарью // Московские ведомости. 1874. № 23, 24 января. С. 3.

³⁴⁸ См. подробнее: Peterson M. K. Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. Cambridge UP, 2019. P. 46–49, 73–79, 81–85, 92, 94.

6. Молодой генерал, ратующий за «партию власти людей независимых»

Тот читатель, кому хотелось бы поскорее перейти от обсуждения исторического фона к анализу генезиса романа, может без ущерба для понимания моей аргументации пропустить сейчас шестой, заключительный, параграф и без того пространной главы и вернуться к нему сколь угодно позднее. Цель этого этюда – всмотреться в еще одного эпизодического героя, представляющего в романе высшее общество, с тем чтобы шире очертить сферу, которую занимают в АК темы власти и политики. И это еще один случай попытаться вникнуть в то, как художественный вымысел, знание факта и рефлексия автора над собственным прошлым взаимодействовали в производстве толстовских аллюзий к злободневному.

Интересующий нас персонаж – появляющийся в написанных в конце 1875 года главах Части 3 приятель и ровесник Вронского князь Серпуховской. То, как он привносит в сюжетную линию Вронского мотив искушения властью, нам предстоит обсудить в своем месте далее³⁴⁹; здесь же сосредоточимся на характере связи этой фигуры с фактуальным контекстом. Серпуховской впервые представлен читателю в несобственно-прямой речи протагониста, размышляющего о вызванных любовью осложнениях в своей жизни:

Его товарищ с детства, одного круга, одного общества и товарищ по корпусу [Пажескому. – М. Д.], Серпуховской, одного с ним выпуска, с которым он соперничал и в классе, и в гимнастике, и в шалостях, и в мечтах честолюбия, на днях вернулся из Средней Азии, получив там два чина и отличие, редко даваемое столь молодым генералам. / Как только он приехал в Петербург, заговорили о нем как о вновь поднимающейся звезде первой величины. Товарищ Вронскому и однокашник, он был генерал и ожидал назначения, которое могло иметь влияние на ход государственных дел, а Вронский был хоть и независимый, и блестящий, и любимый прелестною женщиной, но был только ротмистром, которому предоставляли быть независимым сколько ему угодно (291/3:20).

Самый ранний автограф этого фрагмента уточняет хронологию головокружительной карьеры, сообщая, что ровесник Вронского «последние 6 лет <...> вдруг пошел в гору», «теперь только вернулся из Средней Азии и был 30 лет генералом и человеком, которого называли восходящею звездой»³⁵⁰.

В ОТ в происходящем вскоре разговоре между друзьями, остающимися в частном общении на равных, но разведенными службой далеко друг от друга, Серпуховской заявляет нечто вроде политической программы, которая подразумевает не вполне обычный профиль представителя тогдашней военно-аристократической элиты. Недаром Вронский с завистью понимает, «как мог быть силен Серпуховской своею несомненною способностью обдумывать, понимать вещи, своим умом и даром слова, так редко встречающимися в той среде, в которой он жил» (295/3:21). Молодой генерал, говорящий «с сияющим сознанием успеха», видит во Вронском – «Такие люди, как ты, нужны» – потенциального соратника в замышляемой им лояльной трону, но не растворяющейся в верноподданничестве «партии власти людей независимых». Ее должны составить богатые и знатные землевладельцы, одновременно имеющие большой служебный вес. Это новый, уже далеко не николаевский тип верного слуги престола. В ответ на вопрос Вронского, кому же именно «нужны» такие люди, как он, Серпуховской

³⁴⁹ См. с. 339–343 наст. изд.

³⁵⁰ Р62: 17.

отвечает: «Обществу. России. России нужны люди, нужна партия, иначе все идет и пойдет к собакам» (294, 295/3:21). Акцент на России в этой формулировке предполагает известную дозу не просто патриотизма, но национализма в монархическом сознании и ориентацию на тех, по преимуществу молодых, членов династии, которые теснее старшего поколения идентифицировали себя с русскостью.

По ходу диалога чаемая партия определяется Серпуховским от противного как альтернатива тем сановникам, у кого «нет или не было от рождения независимости состояния, не было имени, не было той близости к солнцу, в которой мы родились», тех, кого «можно купить или деньгами, или лаской» (295/3:21)³⁵¹. (В уже цитированном варианте автографа Серпуховской притязает на политическое влияние без обиняков: «Мне нужна власть, и она будет. И я знаю, что в моих руках она будет лучше, чем в других», – а заодно определяет своего рода имущественный ценз принадлежности к «людям независимым»: «100 тысяч дохода»³⁵².) Наконец, это ни в коем случае не люди, которые «проводят <...> направление», вроде некоего Бертенева, ратоборствующего «против русских коммунистов»: «[В]сегда людям интриги надо выдумать вредную, опасную партию» (295/3:21). Независимо от того, мог ли под этим интриганом, спекулирующим на страхе перед радикалами, иметься в виду, как полагает один из комментаторов, М. Н. Катков, в чьем журнале и печаталась АК³⁵³, очевидно, что в этом случае объект неприязни Серпуховского – проправительственный деятель, чьи незнатность и отсутствие аристократического чувства достоинства заставляют возводить сервильность в идеологию³⁵⁴.

У фигуры Серпуховского в ее качестве аллюзии есть, как мне видится, два достоверно идентифицируемых референта в исторической реальности – ближний и отдаленный.

Первого из них выдает уже генезис фамилии персонажа. Возникающий в самом раннем наброске разговора с Вронским как князь Белевской³⁵⁵, он затем в новом, развернутом автографе становится Серпуховским-Машковым, причем при первом упоминании в этой рукописи автор сначала именуется просто Серпуховским и лишь чуть погодя делает фамилию двойной, добавляя в продолжение соответствующей строки на правом поле дефис и «Машков», а дальше в рукописи используя сокращения «С.[–]М.» или «Серп.[–]М.», начертанные сразу как

³⁵¹ Запятая в последней из цитированных фраз восстановлена мною по тексту журнальной публикации: *РВ*. 1876. № 1. С. 342.

³⁵² *Р62*: 19, 19 об. Именно такова доля Вронского в доходах с унаследованного от отца неразделенного имения, – доля, три четверти которой, 75 тыс. рублей, он уступил брату, много более него нуждающемуся в деньгах (288–289/3:19).

³⁵³ *Бабаев Э. Г.* Лев Толстой и журналистика его эпохи. С. 130–131. Утверждая (без цитирования какого-либо источника), что Каткову не мог «понравиться разговор Вронского с Серпуховским, который стал политиком и высказывался в пользу „партии людей власти и независимых [sic! Правильно: „партия власти людей независимых“. – М. Д.]“», Бабаев не задается вопросом о том, какого именно рода «политиком» стал Серпуховской.

³⁵⁴ Чтение «Бертенев» («партия Бертенева») в журнальном тексте и *ОТ* надо признать, по всей видимости, результатом ошибки переписчика, помощью которого Толстой пользовался на той стадии работы и чья личность остается неустановленной (см. об этом подробнее с. 313–314 наст. изд.). В автографе фамилия написана нечетко и убористо, в конце строки, с исправлением третьей буквы; с учетом исправления она может читаться как «Барклатов/Берклатов/Бархастов/Бархистов» (возможны и другие прочтения, но «...това» в конце – в форме родительного падежа – не вызывает сомнений). Переписчик, копируя автограф, остановился на варианте «Бертенев», причем написал его твердой рукой, без вопросительного знака или какого-либо другого указания на необходимость перепроверки автором, и Толстой при правке копии оставил этот вариант нетронутым (*Р62*: 19 об.; *Р63*: 10 об.–12 об.). В процессе писания АК было много случаев, когда автор не замечал искажений, привнесенных в оригинальный текст переписчиками. Не вдаваясь в дискуссию о том, в которых из таких случаев восстановление варианта автографа допустимо или даже необходимо, а в которых – невозможно по нормам текстологии, замечу, что прочтение «Бертенев» может легко вызывать ассоциацию с П. И. Бартевым, московским консервативным журналистом, издателем «Русского архива», а по смежности – и с М. Н. Катковым (см. предыдущее примеч.), еще более заметной консервативной фигурой в московском обществе. Между тем вариант автографа такой ассоциации непосредственно не подсказывает. Точность воспроизведения автографа имеет здесь значение: еще в одном месте романа, где персонаж таким же образом упоминает публичного деятеля с вымышленным именем «Рагозов», читателю не представленного, но другим героям, как подразумевается, известного, само произносимое имя заключает в себе аллюзию (фраза старого князя Щербацкого: «Но кто же объявил войну туркам? Иван Иванович Рагозов и графиня Лидия Ивановна с мадам Шталь?» [674/8:15]; см. подробнее параграф 5 гл. 4 наст. изд.).

³⁵⁵ *ЧРВ*. С. 313 (*Р53*).

есть³⁵⁶. Затем, при доработке этих глав перед отправкой в типографию «Русского вестника», фамилия возвращается к одинарной форме. Вероятно, второй ее член, вставленный было с умыслом, Толстой в конце концов, накануне самой публикации, счел чересчур говорящим и уже в спешке изгонял его из текста³⁵⁷. Если «Серпуховской», а прежде «Белевской» отсылают, как можно предположить, к историческим названиям последних удельных княжеств под великими князьями Московскими³⁵⁸, – тем самым оттеняя сочетание столбовой родовитости со службистским рвением, – то комбинация с «Машковым» безотказно приводит на ум аристократическую фамилию не столь старинного происхождения, но бывшую именно в ту пору на слуху: Воронцов-Дашков.

И наиболее известный и заметный тогда носитель ее, молодой гвардейский генерал граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, прочти он зимой 1876 года посреди своих забот на посту начальника штаба Гвардейского корпуса порцию глав АК в журнальном номере (что маловероятно, но поручиться за то, что сделать этого ему не довелось тогда или позднее, нельзя), должен был бы найти во второстепенном, но своеобразном персонаже немалое сходство с самим собой. Он родился в 1837 году подлинно в «близости к солнцу»: и отцовский, и материнский роды отличались знатностью; его мать Александра Кирилловна, урожденная Нарышкина, была прославленной – в том числе и литераторами – чаровницей бомонда тридцатых и сороковых, оставшейся после своей преждевременной смерти в памяти современников олицетворением и эксцентричного, и умного великосветского обаяния³⁵⁹. Сам ее сын, женившись на внучке светлейшего князя М. С. Воронцова, соединил своим браком княжескую и графскую ветви разросшегося воронцовского клана.

Карьера графа Иллариона была стремительной даже по меркам его элитарной среды и щедрого на награды и пожалования царствования Александра II; счастливый старт ее был взят в завоевательных кампаниях на южной периферии, а в символическом измерении – на Востоке империи. В конце 1850-х, совсем юным корнетом, он попал в адъютанты к кавказскому наместнику, любимцу императора князю А. И. Барятинскому и успел застать конец войны с Шамилем. Это принесло ему чины, флигель-адъютантское звание и благосклонность царя и его старших сыновей. В 1865 году полковник Воронцов-Дашков был командирован на новый театр импер-

³⁵⁶ Слова Петрицкого «Серпуховский-Машков приехал»: Р62: 17. В публикации отрывков из данной рукописи в двух местах ошибочно читается «Машкин» (ЧРВ. С. 306 примеч., 317).

³⁵⁷ Сокращение формы «Серпуховской(ий)-Машков» было произведено не вполне последовательно: в журнальном тексте персонаж, представленный читателю и уже устойчиво именуемый Серпуховским, вслед за тем дважды внезапно упоминается под двойной фамилией (РВ. 1876. № 1. С. 339, 345). Этот недосмотр был устранен в 1877 году при подготовке первого книжного издания (см.: К139: 176, 179; см. также в своде правок журнального текста: Печатные варианты // Юб. Т. 18. С. 523, 524). Замечу заодно, что в автографах Толстой держался написания «Серпуховский» (явно требующего ударения на предпоследний слог), однако, как кажется, не придавал этому особого значения: в наборной корректуре первого книжного издания нет сделанных его рукой исправлений окончания в варианте «Серпуховской» в журнальной публикации (хотя помогавший автору Н. Н. Страхов и предлагал такую поправку [К139: 175 об., 176]), почему он и перешел в ОТ, с ударением, надо думать, на последнем слоге. Я не берусь комментировать совпадение фамилии с персонажем «Холстомера» – разорившимся и опустившимся барином Никитой Серпуховским, ограничиваясь лишь указанием на общность для обоих Серпуховских мотивов кавалерийской службы и аристократического блеска (в «Холстомере» – былого).

³⁵⁸ Эти колоритные фамилии, отсылающие к названиям реально существовавших малых княжеств (каковые названия к тому же не были затерты частым употреблением в качестве географических определений), отличаются в данном контексте от морфологически сходных типично «литературных» фамилий, таких, например, как «Минский» и «Вольская» в незавершенном пушкинском «Гости съезжались на дачу», послужившем в 1873 году катализатором начала писания АК, или как в самом романе – псевдопольская фамилия «Вронский» и даже историческая, казалось бы, «Тверская» (см. об отзвуке традиции «светской повести» в фамилии героя АК: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. С. 656). Хотя Тверское княжество не только существовало в свое время, но и было крупным и – до завоевания – независимым от Москвы, в приложении к несочувственно изображаемой светской космополитке Бетси княжеская фамилия «Тверская» (а в XIX веке князей с такой фамилией в действительности не было) едва ли может символизировать старорусские корни. «Тверской» в этом случае – скорее бульвар, чем княжество. В свою очередь, такие княжеские фамилии в романе, как Щербатский и Облонский (беря последнюю как она есть, вне созвучия с Оболенским), не коррелируют с названиями исторических княжеств. (Благодарю Ольгу Минкину за сообщение мне ее интересных наблюдений над фамилиями персонажей романа.)

³⁵⁹ Исмаил-Заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 7–8.

ской экспансии – в Среднюю Азию, вскоре официально нареченную Туркестаном, Туркестанским генерал-губернаторством. Там он уже в качестве командира, а не адъютанта участвовал в последовавшем за захватом Ташкента конфликте с Бухарским эмиратом. Спустя всего год, в возрасте двадцати девяти лет, он получил чин генерал-майора («вернулся из Средней Азии и был 30 лет генералом»), после чего еще около года прослужил в пока не до конца завоеванном крае, закрепляя за собой репутацию не только боевого офицера, но и знатока «азиатских» земель империи, специалиста по «инородческим» делам³⁶⁰.

Новый виток его служебного взлета пришелся как раз на годы создания АК. В 1874 году, когда восстанавливается Гвардейский корпус (в течение предшествовавших десяти лет гвардия не составляла отдельного соединения такого уровня) и во главе его ставится наследник престола цесаревич Александр Александрович, Воронцов-Дашков назначается начальником штаба корпуса. Таким образом, его продвижение в высший генералитет происходило бок о бок с передачей непосредственного командования гвардейскими войсками молодому поколению династии – передачей, которая осложнялась все углублявшейся рознью между наследником и его не впервые упоминаемым на этих страницах дядей, великим князем Николаем Николаевичем, оставшимся на высшем посту главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа³⁶¹. В 1875 году, еще до производства в следующий, генерал-лейтенантский, чин, Воронцов-Дашков был пожалован Александром II в генерал-адъютанты – знак личной милости монарха, о котором, как и о назначении корпусным начальником штаба, тогда, несомненно, было много и восхищенных, и завистливых толков. Как тут не вспомнить полученное Серпуховским «отличие, редко даваемое столь молодым генералам».

С этим моментом карьеры Воронцова-Дашкова, оказавшегося причастным к трениям внутри самой династии, соотносится яркая деталь из самого раннего наброска главы АК с молодым «туркестанским» генералом, зовущимся здесь Белевским. Едва успев вернуться из Средней Азии, «блестящий» Белевской молодецки проявил себя на красносельских маневрах – он пренебрег маркировкой возделанного участка земли как неприступной местности и, дерзко «пустив свою кавалерию по картофелю», «обошел отряд Князя» (в котором находился и Вронский со своим эскадром); сослуживцы горячо дебатировали «справедливость или несправедливость» этой тактики³⁶². Был или нет огородный рейд еще одним из анекдотов, услышанных Толстым от шурина Александра Берса³⁶³ или какого-то другого знатока гвардейских будней, сказать трудно. Вообще же сама ситуация сшибки самолюбий военачальников на маневрах живее всего иллюстрировалась тогда для осведомленных современников не чем иным, как раздором между братьями императора в ходе парадных учений в августе 1874 года, буквально накануне учреждения Гвардейского корпуса. («Обойденный» Белевским князь, не названный по имени, – не великий ли князь?) Сам Воронцов-Дашков несколько лет спустя вспоминал о «знаменитом погроме» у села Русско-Высоцкое: «[П]ротивником [великого князя Николая Николаевича. – М. Д.] был приехавший на несколько времени из Тифлиса Великий Князь Михаил Николаевич [преемник Барятинского на посту наместника Кавказского. – М.

³⁶⁰ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиографический справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 155–160. См. некоторые из относящихся к завоеванию Средней Азии документов в двух архивных фондах Воронцова-Дашкова: ОР РГБ. Ф. 58/II. К. 60. Ед. хр. 17, 18; РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 184, 203, 215, 216. О войне России с Бухарой см. главу в недавнем обобщающем исследовании, где, однако, Воронцов-Дашков не фигурирует: Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge: Cambridge UP, 2021. P. 255–306.

³⁶¹ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 555.

³⁶² ЧРВ. С. 313 (Р53).

³⁶³ Примечательно, что в ноябре 1875 года, то есть совсем незадолго до того, как Толстой ввел в повествование Серпуховского, Берс с молодой женой, урожденной княжной Эристовой, гостил в Ясной Поляне, и, хотя его тогдашним местом службы было Закавказье (откуда и была родом его жена), разговоры «за круглым столом в зале» велись, в числе других главных предметов, «о Петербурге» (см. письмо С. А. Толстой Т. А. Кузминской от 25 ноября 1875 г.: ОР ГМТ. Ф. 47. № 37872. Л. 101 [машинописная копия]).

Д.]. Поражение сего последнего было полное, и ненавидят друг друга с тех пор два Царские брата»³⁶⁴. О собственной роли в памятных маневрах мемуарист умалчивает, но бывший в числе светских гостей очевидец ристания сенатор А. А. Половцов, его приятель, не упустил отметить в дневнике, что Воронцов-Дашков, тогда еще бригадный командир в Гвардейской кавалерийской дивизии, оказался более чем на виду – в решающий день ему посчастливилось, замечая уехавшего по семейному делу молодого великого князя Владимира Александровича, командовать авангардом победившей стороны³⁶⁵. Та удача и стала провозвестницей его назначения начальником штаба всей гвардии.

Фигурой Белевского/Серпуховского-Машкова/Серпуховского схвачены и обыграны не только положение и карьера Воронцова-Дашкова, но и его политические симпатии. Еще в свой туркестанский период граф Илларион сошелся с наследником престола цесаревичем Александром³⁶⁶ и вскоре – задолго до того, как стал его правой рукой в Гвардейском корпусе, – выдвинулся на роль одного из ближайших к Александру людей, единомышленника, советника и в каком-то смысле друга. С конца 1860-х годов в неформальном кружке цесаревича сгушались критические умонастроения в отношении преобразований его отца, предвосхищавшие политическую программу будущего Александра III³⁶⁷. Воронцов-Дашков, чей кругозор не замыкался генеральскими обязанностями, способствовал – наряду с такими советниками цесаревича, как К. П. Победоносцев и князь В. П. Мещерский – ферментации представления этой группы о том, что реформы подорвали основу благосостояния и цельность самосознания дворян-землевладельцев и что в управлении империей защита истинно «русских» интересов отодвинута на задний план.

В 1871 году он негласно от имени наследника курировал основание газеты «Русский мир», владельцем и издателем которой стал его сослуживец по Средней Азии, «покоритель» Ташкента генерал М. Г. Черняев, оставшийся не у дел после образования Туркестанского генерал-губернаторства³⁶⁸. Главной политической идеей газеты стал особый консервативный извод национализма, противопоставлявший себя, как это виделось, космополитически ориентированной своекорыстной бюрократии, «канцеляризму» – врагу много опаснее радикалов. Примерно то же имеет в виду Серпуховской, говоря, что «[н]икаких коммунистов нет», а есть «люди интриги». В дальнейшем газета не без основания слыла отражающей взгляды окружения цесаревича (а в сущности в немалой степени формировала их). С другими националистически направленными органами печати, включая «Московские ведомости» Каткова и «Гражданин» Мещерского (с выходившим в последнем в 1873 году «Дневником писателя» Достоевского), у «Русского мира» были серьезные разногласия, а порой и вражда как идейного, так и местного характера³⁶⁹.

В те же годы Воронцов-Дашков содействовал ознакомлению наследника престола с политической публицистикой еще одного пишущего генерала – Р. А. Фадеева, ранее воевавшего на Кавказе. В 1874 году цесаревичу по частям присылался трактат Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)», где предпринималась попытка нарисовать картину грядущего возрождения русского дворянства как одновременно и привилегирован-

³⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 58/II. К. 129. Ед. хр. 7. Л. 3 (незавершенный отрывок записок И. И. Воронцова-Дашкова о Русско-турецкой войне 1877 г.). Об этом эпизоде см. также: Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. С. 132 (запись от 8 августа 1874 г.).

³⁶⁵ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 49 (запись от 30 июля 1874 г.).

³⁶⁶ См., напр., письмо Воронцова-Дашкова цесаревичу от 28 июля 1866 г. из Ходжента, незадолго перед тем отторгнутого от Кокандского ханства: ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 1–3 об.

³⁶⁷ Уортман Р. Сценарии власти. Т. 2. С. 247–261.

³⁶⁸ О критике «Русским миром» хода дел в Средней Азии под началом преемников Черняева см.: Morrison A. The «Turkistan Generals» and Russian Military History // War in History. 2019. Vol. 26. № 2. P. 153–184.

³⁶⁹ О содействии Воронцова-Дашкова изданию «Русского мира» см.: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. С. 258–266; Dolbilov M. A Courtier's Services near the Battlefield. P. 125–126.

ного, и открытого для социальной мобильности сословия-класса³⁷⁰. В переданном через Воронцова-Дашкова сопроводительном письме цесаревичу публицист высказывал свое убеждение в «невозможности обойтись в настоящее время в гражданском быте, как и в армии, без исторически зрелого слоя русских людей, сомкнутого политически»³⁷¹. Слова Серпуховского о «партии власти людей независимых» выражают ту же мысль в более вольной манере и с ударением на первенство тех из этого «зрелого слоя», кто родился в «близости к солнцу».

Итак, введение ранее не планировавшихся в романе глав с Серпуховским (как не планировалось загодя большинство петербургских, «великосветских» глав Части 3 про день после скачек³⁷²) выглядит совсем не случайным именно в 1875 году, когда тяготевшая к наследнику военно-аристократическая котерия укрепила – вместе с ним самим – свои позиции в гвардии. В тот период в соответствующей среде, от которой Толстой вовсе не был наглухо изолирован, о Воронцове-Дашкове и его короткости с цесаревичем Александром говорили много и часто. Он действительно был, как и Серпуховской, «поднимающейся звезд[ой] первой величины» (291/3:20), звездой еще не в зените, но уже мерцающей светом будущего царствования. И это был такой человек наследника трона, какой легко становится бельмом на глазу у приближенных стареющего монарха-отца. Несколько позднее, в начале Русско-турецкой войны 1877 года, 59-летний министр двора граф А. В. Адлерберг, давний наперсник Александра II (он мог бы видеть в 40-летнем генерале при цесаревиче самого себя четверть века назад), в письмах императрице без сочувствия отзывался о Воронцове-Дашкове, как раз тогда впервые в жизни угодившем в большую служебную передрыгу (что притормозит его карьеру на несколько лет, до воцарения *его* императора). Адлерберг комментировал это ремарками, что «слишком быстрая карьера вместе с присущим ему интриганством вскружила ему голову» и что, к сожалению, «всем известны слабость Великого Князя [цесаревича Александра. – М. Д.] к Воронцову (*l'engouement du Grand-Duc pour Worontzow*) и влияние сего последнего на Него»³⁷³.

В представленном читательской аудитории в 1876 году толстовском Серпуховском (а точнее, даже Серпуховском-Машкове, как он, вопреки камуфлирующей правке, сделанной перед самой публикацией, все-таки дважды именовался в журнальном тексте³⁷⁴) содержался, в сущности, прогноз политических амбиций Воронцова-Дашкова. Откровенно выражаемое Серпуховским желание обрести власть, дабы все не пошло «к собакам», и деловитое, хотя и по-своему деликатное, обращение к Вронскому: «Такие люди, как ты, нужны» – созвучны не только культивировавшемуся в кружке цесаревича дискурсу «русской» прямоты (даже если «собаки» отдают галлицизмом), но и индивидуальному стилю самовыражения Воронцова-Дашкова. Так, один из его советов цесаревичу насчет надежных людей сопровождался рассуждением:

[Д]ержушь того мнения, что следует человечество вообще делить на две категории. Первая это собственно люди; вторая это лимоны. <...> [Из последних следует] выжимать сок, выжимать его беспощадно, после чего сухая корка, разукрашенная всеми условными знаками почета, ставится на

³⁷⁰ Фадеев Р. Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?). СПб.: Газета «Русский мир», 1874. О месте публицистики Фадеева среди других политических течений в дворянстве: Христоворов И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. С. 294–309.

³⁷¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 6–6 об. (письмо Фадеева цесаревичу Александру от 21 марта 1874 г.).

³⁷² В этом смысле на заданный Вронским вопрос: «Отчего ты вчера не был на скачках?» (293/3:21) – Серпуховской в некоем автономном пространстве персонажей мог бы ответить: «Вчера меня еще не было в романе, и даже не намечалось». Этим «вчера» автор АК занимался много раньше: сцены скачек были дописаны и напечатаны примерно за девять месяцев до создания глав с Серпуховским, в марте 1875 года. См. подробнее о генезисе Части 3 АК в гл. 3 наст. изд.

³⁷³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3252. Л. 236–237, 238–239 (письмо А. В. Адлерберга императрице Марии от 4 августа 1877 г.; ориг. на фр.).

³⁷⁴ См. примеч. 1 на с. 179.

видное место, в какую-нибудь приемную комнату для назидания и подражания молодым лимонам³⁷⁵.

Любопытно, что подчеркнутую склонность к доходчивым уподоблениям питает и толстовский молодой генерал. Вронский, отмечая про себя его необычный для строевого военного «дар слова», выслушивает от него – в варианте автографа – столь же натуралистичное, что и воронцовские «лимоны», сравнение невыгодного служебного назначения с «вонючими устрицами»³⁷⁶.

В январе 1876 года, когда порция романа с главами о Вронском и Серпуховском увидела свет, в России уже складывалось общественное мнение в пользу прямой поддержки подвластных Османской империи славян, восстания которых ширились тогда на Балканах³⁷⁷. Кружок цесаревича Александра был одним из очагов панславизма в высшем обществе. Позднее в том же году Воронцов-Дашков, с его связями начальника штаба Гвардейского корпуса, негласно помогал М. Г. Черняеву, фактически возглавившему сербскую армию в опрометчиво объявленной Порте войне, набирать русских офицеров-добровольцев для отправки в Сербию, несмотря на недовольство императора этим движением и лично Черняевым³⁷⁸.

Убежденность, диктуемая политическими по сути амбициями, в своем призвании блеснуть в большой войне, которую Россия в 1877 году наконец открыто объявила Османской империи, вовлекла Воронцова-Дашкова в межгрупповые склоки в генералитете. Его резкие высказывания о некомпетентности главнокомандования получили резонанс и были поняты кое-кем как намеренный сигнал о несогласии самого цесаревича с представителями старшего поколения династии³⁷⁹. (Вспомним: Серпуховской удивляет Вронского тем, что «уже дума[ет] бороться с властью и име[ет] в этом мире уже свои симпатии и антипатии <...>» [295/3:21].) Все это стоило Воронцову-Дашкову высокой должности в гвардии и доверия императора. «Я в этом годе сильно изменился, и многое мне послужило хорошим уроком, честолюбие во мне убили, осталось только желание быть посылно полезным тем, кого люблю <...>», – писал он в 1878 году цесаревичу из своего имения в Тамбовской губернии³⁸⁰. Вкус к политике, однако, его не покинул: в последние, сумеречные³⁸¹, годы царствования Александра II он сотрудничал с Р. А. Фадеевым, готовившим тогда очередной программный трактат – «Письма о современном состоянии России». Свою соавторскую лепту в «Письма» внес и Воронцов-Дашков³⁸². Легко вообразить подобную траекторию и для разочаровавшегося Серпуховского, у которого ведь тоже должно быть большое и благоустроенное имение (как Воздвиженское Вронского), где можно было бы переждать паузу в карьере. Служебное восхождение Воронцова-Дашкова возобновилось после воцарения Александра III, когда он был назначен министром двора, сменив в этой должности своего недоброжелателя Адлерберга. Должность была важной, деятельность

³⁷⁵ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 66–66 об. (письмо Воронцова-Дашкова цесаревичу Александру от 29 декабря [1877 г.]).

³⁷⁶ Р62: 19.

³⁷⁷ См. гл. 4 наст. изд.

³⁷⁸ Кривенко В. С. Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова // Он же. В Министерстве двора. Воспоминания. С. 258. Имеется целый ряд неопубликованных дневниковых и эпистолярных свидетельств о негласной координации Воронцовым-Дашковым сбора средств и закупки оружия для сербской армии и воюющих в ней русских добровольцев.

³⁷⁹ Dolbilov M. A Courtier's Services near the Battlefield. P. 126–132.

³⁸⁰ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 76–76 об. (письмо Воронцова-Дашкова цесаревичу Александру от 11 октября 1878 г.).

³⁸¹ Именно таким было восприятие Воронцовым-Дашковым этого времени. См. черновик его, как кажется, неотправленного письма цесаревичу от 26 апреля 1879 года: «Душно мне; как перед грозой; что-то давит и убивает всякое желание работать на сердце; во-всяком-какое-то предчувствие как перед каким-то ожиданием бедствия, от которого избавиться нет уже сил и возможности. Тянет высказаться Вам: это единственное наркотическое средство, на меня действующее» (ОР РГБ. Ф. 58/II. К. 129. Ед. хр. 7. Л. 36).

³⁸² Фадеев Р. А. Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 – 6 апреля 1880. 4-е изд. СПб., 1882. Официально так и не заявленное, соавторство Воронцова-Дашкова устанавливается, в частности, по письму к нему от самого Фадеева: ОР РГБ. Ф. 58/II. К. 51. Ед. хр. 3. Л. 15–16 об. (письмо от 7 июля [1881]).

– разнообразной, влияние – немалым, но на то же исключительное положение при императоре, какое он имел при цесаревиче, граф Илларион Иванович не мог, а возможно и не хотел претендовать.

Другим историческим лицом, отсылка к которому различима в фигуре Серпуховского, является не кто иной, как упоминавшийся выше князь Александр Иванович Барятинский, знаменитый победитель Шамиля (и покровитель Воронцова-Дашкова на раннем этапе его карьеры). Эта отсылка, впрочем, едва ли задумывалась как дешифруемая для «обычного» читателя, будучи скорее аллюзией внутри мира толстовского творчества, актуализацией устойчивого мотива. Выражаясь иначе, это был дальний план исторической, а отчасти и биографической референции, связанной с Серпуховским.

Вершиной карьеры Барятинского было командование Отдельным Кавказским корпусом и управление всем краем из Тифлиса в качестве наместника Кавказского в 1856–1862 годах. Заметим, что он был потомком удельного княжеского рода (ведшего начало, в свою очередь, от князей Черниговских), о чем напоминала звучная фамилия, ничуть не хуже Серпуховского и Белевского³⁸³. Метафора удельного княжества, к слову, годится для описания тифлисского полновластия Барятинского. А недолгое время в начале 1860-х разные деятели и наблюдатели видели в нем потенциального дуайена «аристократической партии» – эдакого клуба тех недовольных условиями крестьянской реформы 19 февраля 1861 года крупных землевладельцев, кто желал введения хотя бы начатков политического представительства для дворянства³⁸⁴. В его намерения, однако, эта роль не входила, хотя горячим сторонником реформ 1860-х он действительно совсем не был.

Толстому довелось лично познакомиться с Барятинским в 1851 году, когда тот, 36-летний генерал-майор, «поднимающаяся звезда первой величины»³⁸⁵, друг тогдашнего цесаревича, будущего Александра II, начальствовал над левым (восточным) флангом Кавказской линии, а 23-летний тульский помещик без чина и звания приехал туда волонтером. После участия в набеге на чеченский аул, давшего Толстому материал для одноименного рассказа, лично командовавший этой вылазкой Барятинский, вероятно с оглядкой на хорошее родство молодого провинциала, побудил его поступить на службу и вроде бы обещал ему протекцию в скором производстве в офицеры³⁸⁶. Содействия, однако, не последовало, и Толстой, несмотря на боевые заслуги, два года оставался в юнкерах. Он тяжело переживал индифферентность к себе со стороны того, в ком многие современники видели совершенное воплощение аристократизма – принципа и стиля, притягательных для юного Толстого. По словам В. Б. Шкловского, полнее других биографов проанализировавшего социокультурную составляющую этой встречи в жизни писателя,

³⁸³ Гордость древним происхождением была визитной карточкой Барятинского. Согласно одному свидетельству, он был почти оскорблен намерением Александра II «осчастливить» его дарованием формально высшего, но не имевшего в России давних исторических корней титула светлейшего князя, который был до этого благодарно принят его преемником в Тифлисе графом М. С. Воронцовым (*Шереметев С. Д.* Мемуары. Т. 1. С. 143).

³⁸⁴ *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. С. 104–108. Сатирический очерк этой среды (преувеличивающий ее политическую реакционность) еще в конце 1860-х был дан в «Дыме» Тургенева, где изысканные до женоподобия молодые генералы в 1862 году (время действия романа) по-фрондерски выражают недовольство как уже состоявшейся крестьянской реформой, так и грядущими земской и судебной: «Когда некоторое, так сказать, омрачение овладевает даже высшими умами, мы должны указывать – с покорностью указывать (генерал протянул палец), – указывать перстом гражданина на бездну, куда всё стремится. Мы должны предостерегать; мы должны говорить с почтительной твердостью: „Воротитесь, воротитесь назад...“» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 294–304, цитата – с. 300 [«Дым», гл. X]). И во внешности, и в политических высказываниях Серпуховского есть кое-какие черты сходства с тургеневскими молодыми генералами, хотя аналогичной сатирической нагрузки его образ не несет.

³⁸⁵ Как раз в период службы Толстого на линии Барятинский получил следующий чин генерал-лейтенанта и вскоре был пожалован в генерал-адъютанты (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета. С. 53).

³⁸⁶ *Буриашева Н. И.* Комментарии // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Художественные произведения. Т. 2. М.: Наука, 2002. С. 303–304, 363; *Толстая С. А.* Дневники С. А. Толстой. М., 1978. Т. 2. С. 102–103 (запись от 26 мая 1904 г.).

Барятинский свой, или, вернее, должен быть своим, с ним связаны мечты о том общественном положении, стремление к которому долго томило Толстого <...> / Барятинский, из-за которого он себя презирает, в то же время недостижим для Толстого того времени³⁸⁷.

Мне представляется, что, независимо от позднейших радикальных перемен в воззрениях Толстого на службу, чины, титулы, социальный престиж, Барятинский остался для него символически заряженной реминисценцией, синонимом власти, которую над умом и душой имеет зрелище чужого блистательного успеха. Более или менее отчетливо соотнесенный с реальным Барятинским персонаж – баловень судьбы в генеральских эполетах и в ранге еще высшем, чем просто генеральский, в неофициальной иерархии, властный, самоуверенный, лощеный, располагающий к себе красотой и обходительностью, наконец небезответно женолюбивый – мелькает на страницах нескольких толстовских произведений, относящихся к самым разным периодам его творчества.

В 1853 году молодой автор тревожился, не узнает ли Барятинский себя в генерале из «Набега», изображенном, по меткому определению Шкловского, «иронично и завистливо»³⁸⁸. В датируемых предположительно 1870-ми годами набросках незавершенного (точнее, едва начатого) сочинения – повести или романа – «Князь Федор Щетинин», сюжетом которого, как кажется, должно было стать столкновение начальника и подчиненного из-за женщины в оформлении исторических событий, того же облика герой в одном варианте зовется князем Федором Мещериновым, в другом – князем Михайлой Острожским³⁸⁹. Подобно Серпуховскому и Белевскому, эти топонимические фамилии в сочетании с княжеским титулом имеют ауру старинности, ассоциируясь с существовавшими когда-то небольшими по меркам царства, но обособленными владениями – чем-то средним между государством и вотчиной (при том, что исторические князья Острожские были русскими (русинскими) магнатами в Великом княжестве Литовском и затем в Речи Посполитой). Мещеринову «было 34 года, а он уж был генерал-лейтенант, генерал-адъютант и командующий войсками, из некоторого приличия только перед старыми полными генералами не названный главнокомандующим» (и Барятинский, и Воронцов-Дашков стали генерал-адъютантами в 38 лет); и по-разному судящие о нем люди «должны были соглашаться в том, что человек этот независимо от своих свойств <...> имел еще какую-то помимочную силу, очевидно сообщавшуюся всем людям, приходившим с ним в сношение». Вариант с Острожским дополнительно высвечивает коннотации средневековых княжеских фамилий: «Острожский, молодой красавец, сильный по связям, холостяк, богач, *независимый* начальник края, жил *царем в маленьком* и прелестном южном *городке*, окружив себя блестящей военной *самовластной* роскошью <...>»³⁹⁰.

В написанной еще десятилетия спустя повести «Хаджи-Мурат» Барятинский появляется под собственным именем в сцене военной пирушки по случаю его назначения на пост командующего флангом – в обстановке, похожей на ту, в которой Вронский встречается с Серпуховским³⁹¹.

Серпуховской без натяжки встраивается в этот ряд. К уже отмеченным выше его характеристикам надо добавить и такую, как внешность. Эта внешность словно нарочно создана для

³⁸⁷ Шкловский В. Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 153. (Серия ЖЗЛ).

³⁸⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 2. С. 16, 304; Шкловский В. Б. Лев Толстой. С. 152.

³⁸⁹ См. замечания о Барятинском как «прообразе» персонажа в комментариях к новейшему изданию: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 9. С. 424–428 (автор комм. – А. В. Гулин).

³⁹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 9. С. 146–156, цитаты – с. 146, 149; курсив мой.

³⁹¹ Юб. Т. 35. С. 96–99 («Хаджи-Мурат», гл. XXI). В одной из черновых рукописей повести имеется зарисовка Барятинского-царедворца, рассказывающего сомнительную историю о храбрости наследника престола (Там же. С. 524 [отрывок № 132]).

демонстрации успеха, а в действительности от успеха неотделима. Впервые мы видим его глазами Вронского, и этот цепкий взгляд, прочитывающий признаки высокого статуса в мелочах, как можно догадаться, телодвижений и мимики, не столь уж отличен от «ироничного и завистливого» взгляда, каким рассказчик в «Набеге» смотрит на генерала, опознавая в нем человека, «который себе очень хорошо знает высокую цену»³⁹²:

Он возмужал, отпустив бакенбарды, но он был такой же стройный, не столько поражающий красотой, сколько нежностью и благородством лица и сложения. Одна перемена, которую заметил в нем Вронский, было то тихое, постоянное сияние, которое устанавливается на лицах людей, имеющих успех и уверенных в признании этого успеха всеми. Вронский знал это сияние и тотчас же заметил его на Серпуховском (293/3:21).

Красота Бярятинского, особенно в молодости (а Толстой видел его хотя и давно отпущившим взрослящие бакенбарды, но еще не начавшим болеть и заметно стареть), была предметом восхищения современников. Вот как вспоминал свое первое впечатление от него В. А. Инсарский, в начале 1840-х петербургский чиновник, входящий в высшее общество, а затем – управляющий огромным майоратом Бярятинского в Курской губернии и его же сотрудник на Кавказе:

Молодой человек <...> беспримерно стройный, красавец собой, с голубыми глазами, роскошными белокурыми выющимися волосами, он резко отличался от всех других, составлявших свиту наследника, и обращал на себя всеобщее внимание. Манеры его отличались простотой и изяществом³⁹³.

К середине 1870-х годов Бярятинский утратил не только изрядную долю прежнего обаяния, но и почти все реальное политическое влияние, которого было не восполнить пышным букетом почестей, включая чин генерал-фельдмаршала, на тот момент никому более из здравствовавших российских военачальников не принадлежавший. У его преждевременного обращения в «бывшего» имелась, кроме действительного ухудшения здоровья, причина, упомянуть которую особенно уместно в разговоре о подтекстах АК. Такова была цена за эскападу с увозом за границу любовницы, жены собственного адъютанта, за «правильно» организованный в Синоде бракоразводный процесс, на котором муж фиктивно выступал виновной стороной, и за последующее восстановление репутации нововенчанной жены Бярятинского принятием ее ко двору³⁹⁴. И если мой тезис о том, что в Серпуховском заключалась аллюзия и к Бярятинскому, верен, то можно сказать, что аллюзия в определенный момент как бы замыкается на самое себя: предостерегая Вронского, молодой генерал напоминает ему об их знакомых, которые «погубили свои карьеры из-за женщин», и добавляет: «Тем хуже, чем прочнее положение женщины в свете, тем хуже. Это все равно, как уже не то что тащить *fardeau* [груз. – фр.] руками, а вырывать его у другого» (296, 297/3:21). С учетом этого еще пикантнее звучит двусмысленный каламбур Стивы Облонского, поздравляющего себя с улаживанием развода Анны и Каренина. Этот пассаж вскоре после написания и выхода глав с Серпуховским был добавлен в одну из глав следующей, 4-й, части: «Какая разница между мною и фельдмаршалом? Фельдмаршал делает развод – и никому оттого не лучше, а я сделал развод – и троим стало лучше...» (406/4:22)³⁹⁵. «Фельдмаршалом» в значении имени собственного тогда в выс-

³⁹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 2. С. 16.

³⁹³ Инсарский В. А. Записки Василия Антоновича Инсарского: В 6 ч. Ч. 1. СПб., 1898. С. 81.

³⁹⁴ См. об этой эскападе: Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Российский архив, 1999. С. 124. Княгиня Е. Д. Бярятинская, урожденная княжна Орбелиани, в первом браке Давыдова, была пожалована орденом Св. Екатерины 2-й степени, а затем стала статс-дамой (Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета. С. 52).

³⁹⁵ Наверное, подавляющее большинство тех сегодняшних читателей АК, кто помнит эту шутку, знакомы с нею только

шем обществе нередко звали Барятинского, и он за десять лет перед тем действительно сделал развод – не воинский церемониал, как вроде бы подразумевается каламбуром, а расторжение первого брака своей будущей жены.

И все-таки в середине 1870-х если не сам Барятинский, то его имя, а в конечном счете миф об утонченном русском аристократе, сломившем сопротивление воинственных горцев, еще значили много. Родовитость, близость ко двору, удачливость на поле брани в далеких «восточных» землях сближают Серпуховского с Барятинским. Туркестан как вновь завоеванная и продолжающая расширяться азиатская окраина империи, аналог Индии под британским владычеством привлекал к себе в 1870-х все больший интерес, отчасти замещая популярную в предшествующие десятилетия поэтику покорения Кавказа. Соединяя в себе черты деятелей, принадлежавших один к предыдущему, другой к молодому поколению имперских победителей Востока (к слову, уже достигший служебных высот Воронцов-Дашков дружил с бывшим патроном, оставшимся не у дел³⁹⁶), Серпуховской придавал зарисовке политических амбиций военной аристократии колорит колониального, конквистадорского удалства³⁹⁷.

И именно к кануну возобновления работы Толстого над Частью 3 относится любопытное и релевантное для нашего анализа эпистолярное свидетельство. В годы писания АК (за исключением первого года – 1873-го) на осень вообще выпадали полосы творческой апатии автора, выражаясь банально – ожидания вдохновения. Делясь в конце октября 1875 года с А. А. Фетом надеждой на скорое возвращение в рабочее состояние («Для того, чтобы работать, нужно, чтобы выросли под ногами подмости. И эти подмости зависят не от тебя. <...> Теперь, кажется, подросли подмости и засучиваю рукава»), Толстой писал о пока замещающих творчество радостях чтения: «Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о Кавк[азских] горах, изд[анный] в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные»³⁹⁸. Толстой был неподдельно восхищен: следом идет несколько выписок из аварских и чеченских песен. Как хорошо известно толстоведам и не только им, спустя четверть века одной из этих песен, превозносящей, согласно переводу, прочность уз кровной мести, найдется применение в «Хаджи-Мурате». Здесь она поется побратимом героя Ханефи и поражает подружившегося с этими горами русского офицера Бутлера «своим торжественно-грустным напевом», так что тот просит пересказать ее содержание, а затем еще больше отдается «поэзии особенной, энергической горской жизни», воображая себе, что «он сам горец и что живет такую же, как и

по варианту, где вместо «фельдмаршал» читается «государь». Именно таков был исходный вариант пассажа, но Толстой сам изменил его уже в автографе, так что его современники – читатели журнального текста видели в этом месте наименование высшего военного чина, а не титул монарха (РВ. 1876. № 3. С. 311). Редакторы советского Юбилейного издания сочли правоммерным возвращение к чтению нижнего слоя автографа (Гудзий Н. К. Текстологический комментарий // Юб. Т. 19. С. 502), и в такой редакции каламбур Облонского тиражировался с 1934 года и в собраниях сочинений, и в отдельных изданиях романа. В 2020 году новое академическое издание Частей 1–4 АК (по которому в настоящем исследовании цитируется текст первой половины романа) восстановило чтение журнального текста – «фельдмаршал», так что можно ожидать соответствующей коррективы и в будущих массовых изданиях книги. См. об этом же пассаже в контексте темы развода с. 391–393 наст. изд.

³⁹⁶ Письма А. И. Барятинского И. И. Воронцову-Дашкову за 1860–1870-е гг. см.: ОР РГБ. Ф. 58/II. К. 5. Ед. хр. 7.

³⁹⁷ Ко внедрению мотива Средней Азии в текст романа на этапе завершения Части 3 Толстой мог быть побужден самыми последними известиями из Ташкента. Начиная с августа 1875 года в еще не полностью аннексированном Кокандском ханстве велось российское наступление на мусульманских повстанцев. В этой кампании отличился – как ратным талантом, так и жестокостью (см. подробнее: Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia. P. 382–404) – хорошо известный в петербургском светском кругу 32-летний флигель-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев, как раз тогда получивший первый генеральский чин (к слову, брат эксцентричной Зинаиды Скобелевой, о чьих письмах великому князю Николаю Константиновичу ходили в те же месяцы пикантные слухи, подогреваемые публикацией «Романа американки в России» Х. Блэкфорд; см. примеч. 1 на с. 170). Несмотря на высокую вероятность того, что Толстой в конце 1875 года слышал о военных действиях в Коканде, не представляется убедительным высказанное Э. Г. Бабаевым предположение, что в Серпуховском отобразилась фигура Скобелева – удачливого полководца с претензией на политическую роль (Бабаев Э. Г. Комментарии. С. 489). Эта «бонапартистская» репутация закрепится за туркестанским генералом уже после прославившей его Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

³⁹⁸ Юб. Т. 62. С. 209 (письмо Фету от 26 (?) октября 1875 г.). Толстой, как установлено комментаторами Юб., читал статьи А. П. Ипполитова и П. К. Услара в сборнике, изданном в Тифлисе в 1868 году.

эти люди, жизнью»³⁹⁹. Судя по письму Фету, восторг, испытанный самим Толстым при первом прочтении этой подборки, был того же ориенталистского свойства, так что введенная вскоре в творимый роман фигура бравого генерала, приезжающего с далекой «туземной» окраины, могла как-то вступать во вновь актуализованную для автора симфонию мотивов войны, власти, насилия и восточной экзотики.

В исторической действительности середины 1870-х годов две описанные в этой главе придворные среды – или, если угодно, два магнитных поля маленьких кружков и кoterий – не находились, конечно же, в прямой конфронтации друг с другом, но трения и напряженность между ними были вполне ощутимы. Тому немало свидетельств в эпистолярной, дневниках и мемуарах тех современников, кто не избегал обсуждать неформальную подоплеку династических, служебных и светских иерархий и взаимоотношений. В том же деле великого князя Николая Константиновича – характерного экземпляра золотой молодежи романовской фамилии – императрица Мария Александровна сочла уловкой объявление его помешанным и почти требовала от мужа наказать племянника как дееспособного преступника⁴⁰⁰. Ею двигало не только желание воздать по заслугам за кражу тех или иных драгоценностей – это была и принципиальная позиция в отношении вольных нравов молодых мужчин династии.

В свою очередь, старший из фигурирующих на этих страницах августейших Николаев, главнокомандующий гвардией, по отзыву С. Д. Шереметева, «не терпел женского персонала, окружавшего императрицу, и не мог без негодования говорить об Анне Федоровне Тютчевой <...>». И он, и большинство остальных великих князей «чурались <...> как лешего» другой «политической фрейлины» императрицы – А. Д. Блудовой⁴⁰¹. Одним из исключений, и весьма примечательным, был наследник Александр Александрович, находившийся в натянутых отношениях с отцом-императором: он симпатизировал фрейлинам своей матери – Блудовой, А. А. Толстой – и другим панславистам. Понятно, что вот он, в противоположность своему дяде Николаю, «в Красносельский театр <...> ездил неохотно», ибо «[е]ще свежи были предания о Числовой, процветавшей на этой сцене, где хозяином был великий князь Николай Николаевич с его свитой, особенно претившей цесаревичу»⁴⁰². Такими нюансами публичной саморепрезентации, поведения, вкусов – конечно же, вкупе с действием других факторов – структурировались межличностные симпатии и тяготения (или подчеркивалось их отсутствие) и в самом ядре монархии, и в облежавшей его аристократической среде.

В большом свете, изображенном в АК, происходят похожие вещи. В одном из вариантов «крокетных» глав героиня едет к нуворишам Иленам, презрев важное неписаное правило:

При прежних условиях жизни Анна непременно отказалась бы <...> потому, что у Анны было то тонкое светское чутье, которое указывало ей, что при ее высоком положении в свете сближение с Иленами отчасти роняло ее,

³⁹⁹ Там же. Т. 35. С. 92 («Хаджи-Мурат», гл. XX). Глубокую трактовку историком мотива насилия в горском фольклоре (мотива, в числе других легко ориентализируемого имперскими наблюдателями) см.: Бобровников В. О. Историческая память горского «хищничества» в аварской «Песне о Хочбаре» // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 3–33. Благодарю Владимира Бобровникова за любезно данные дополнительные пояснения по этому сюжету.

⁴⁰⁰ Милотин Д. А. Дневник. 1873–1875. С. 290 (цитируемые публикаторами записи в дневнике вел. кн. Константина Николаевича весной 1874 г.). См. цитату из письма императрицы от апреля 1874 года на с. 132 наст. изд.

⁴⁰¹ Шереметев С. Д. Мемуары. Т. 1. С. 125, 122. О роли Блудовой в панславистском подъеме 1876 года в связи с темой ложной спиритуальности в АК см. с. 463–464 наст. изд.

⁴⁰² Шереметев С. Д. Мемуары. Т. 1. С. 442.

сняло с нее пушок – duvet – исключительности того круга, к которому она принадлежала⁴⁰³.

С учетом изложенного выше я бы решился утверждать, что эту тонкую, уязвимую «исключительность», подчеркнутую образным употреблением французского слова (словно бы это пушок на персике – фрукте, который в смежной главе съедает без спросу ее сын Сережа⁴⁰⁴), надо понимать вполне определенно – как принадлежность к «интимному кружку» императрицы, где культивировался рафинированный, ригористический тон. В *ОТ*, в согласии с толстовской техникой приглушения и драпировки слишком прямо выраженного в ранних редакциях, тем же смыслом отмечено не столь самоочевидно рискованное, но все-таки дающее в конечном счете негативный эффект сближение Анны с Бетси.

Разумеется, Толстой не задавался целью реконструировать в своем романе механику придворно-династической политики. Проанализированные выше, а также смежные с ними эпизоды и реминисценции должны были работать как прерывистые серии сигналов, как дуновения дразнящей атмосферы, различимые для осведомленных, обостряющие восприятие любовных и экзистенциальных драм романа. В *ОТ* Анна и Вронский скандализируют высшее общество не только тем, что любят друг друга «открыто» (рядом с ними есть более открытые супружеские измены), или тем, что соединяются до получения Анной развода и при малых шансах его добиться, но и нарушением своеобразных неписаных запретов. Одна из самых непростительных, по тогдашним меркам, трансгрессий, совершаемых ими, относится к четко опознаваемой, весьма замкнутой среде, взятой в определенное историческое время. Флигель-адъютант императора, молодой аристократ из высшей гвардейско-великокняжеской касты, где процветала маскулинная либертинская субкультура, «похищает» молодую замужнюю даму, близкую по карьерным связям мужа и личным знакомствам к избранному кружку императрицы Марии Александровны. Это случается именно тогда, когда адюльтер и вторая семья самого императора не просто становятся притчей во языцех, но и непреднамеренно способствуют формированию виктимизированного образа императрицы среди ее ближайшего окружения. Под таким углом зрения эскапада Анны и Вронского оказывается вопиющей бестактностью: представляя себе реальность *АК* за рамками повествования, «за кадром» – или ее проекцию на реальность фактуальную, – мы можем догадываться, что происшедшее оскорбляет императрицу и травмирует чувство вины императора. Все это, как мы еще увидим ниже, усугубляется одновременно вызывающего двойного отказа: Вронского – от важного назначения и дальнейшей блестящей карьеры, а Анны – от положения в свете вообще и в своей обособленной высшей «секции» (толстовское слово) в частности.

Этот исторический контекст сказался на соотношении между динамикой создания романа и внутренней архитектурой окончательного текста, чему и посвящены две следующие главы.

⁴⁰³ ЧРВ. С. 281 (P54).

⁴⁰⁴ ЧРВ. С. 286 (P56). Эта деталь перешла в *ОТ* (275/3:15).

Глава 2

СТАТЬ ЛИ АННЕ ЗАКОННОЙ ЖЕНОЙ ЛЮБОВНИКА? ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ, ТЕЛЕОЛОГИЯ ЗАМЫСЛА И ИЗМЕНЯЕМОСТЬ СЮЖЕТА В ТВОРИМОМ РОМАНЕ

Процесс создания *АК* не оставлял главной героине шансов избежать самоубийства в финале романа ни в одной из его черновых редакций. Уже в самом раннем конспективном наброске ключевых глав, относящемся к весне 1873 года, о котором автор, еще блаженно не предвидя предстоящих четырех лет трудов, писал Н. Н. Страхову: «[З]авязалось так красиво и круто, что вышел роман <...> очень живой, горячий и законченный <...>»⁴⁰⁵ – уже на этой стадии зачина гибель Татьяны Ставроич, вскоре переименованной в Анну Каренину, выглядит предрешенной волею Толстого⁴⁰⁶. Позднее среди взыскательной публики нашлась и такая читательница, которая пыталась предостеречь автора от чересчур тривиальной, по ее мнению, развязки. «[У]моляю вас, дайте нам поскорее продолжение и конец. Вы не можете представить, как *все* заинтересованы этим романом. <...> Здесь прошел слух, что Анна убьется на рельсах железной дороги. Этому я не хочу верить. *C'est un pur comédage* [Это чистой воды сплетня. – *фр.*]. Вы не способны на такую пошлость», – писала Толстому в марте 1876 года графиня А. А. Толстая, вместе с другими приближенными императрицы и с нею самой, а может быть и императором ожидавшая новых номеров «Русского вестника» с очередными выпусками романа⁴⁰⁷. На тот момент, однако, этому замыслу было уже не менее трех лет; в авантексте романа героиня погибла давно, и даже – учитывая редакции, о которых речь пойдет далее, – не один раз.

Если ужасное происшествие на станции Обираловка Московско-Нижегородской железной дороги составляло в значительной мере телеологию генезиса *АК*, то развод Анны и Алексея Александровича, напротив, выступал в этом генезисе важным переменным элементом сюжета. Вообще, получение или неполучение Анной развода в сменявшихся одна другую черновых редакциях не отражалось на неотвратимости ее гибели. Как в романе завершенном, так и на определенных этапах его сотворения статус законно разведшейся и сочетавшейся вторым браком великосветской дамы не должен был и не мог спасти Анну от ее внутреннего ада. Однако те или иные решения проблемы развода в сюжете, которые Толстой тестировал в разные периоды работы над текстом, раз за разом изменяя их, вбирались в исторически чувствительную ткань произведения, и для ряда тем, мотивов, сюжетных ходов оппозиция состоявшегося и несостоявшегося развода героини значила немало.

В этой главе мы начнем, а в следующей продолжим и завершим рассмотрение того, как в генезисе *АК* происходил выбор между двумя альтернативными сюжетными конструкциями – той, где законный развод между Анной и Карениным все-таки совершается, и той (победившей), где развод предстает лишь возможностью, причем все менее осуществимой.

⁴⁰⁵ Толстой–Страхов. С. 101 (неотправленное письмо Толстого от 25 марта 1873 г.).

⁴⁰⁶ Как ясно из цитируемого ниже пассажа, совсем недолгое колебание автора касалось в этом эскизе лишь способа самоубийства, и от принятого тогда решения не отступает ни одна из дальнейших редакций: «Она ушла. Через день нашли в Неве ее тело под рельсами» (*ЧРВ*. С. 46).

⁴⁰⁷ ЛНТ–ААТ. С. 333 (письмо от 28 марта 1876 г.). О причастности этого письма к генезису *АК* в 1876 году см. подробнее на с. 397–398 наст. изд. О чтении в кружке императрицы именно того выпуска *АК*, который появился вскоре после сообщения Толстой автору о нетерпеливом ожидании со стороны «*всех*», см. в письме самой императрицы мужу от 4–5 мая 1876 г.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 794. Л. 7 об.

Хотя в ракурсе бытийного, повторяюсь, речь идет о двух траекториях следования в один и тот же пункт назначения, весьма длительное сосуществование этих модальностей повествования играло смыслообразующую роль для политически и социально злободневной топики рождавшегося романа. Весьма примечательно уже то, сколь небыстро, неким возвратно-поступательным манером Толстой приходит к очень существенной для мировоззрения романа сцене в финале Части 4 – Анна отказывается от развода, ставшего технически достижимым благодаря порыву всепрощающего великодушия ее мужа.

1. Развод и новый брак Анны, или «Стальные стали формы жизни»

Замысел, по которому главная героиня становится законной – юридически законной – женой своего любовника, ярко запечатлелся в характерном варианте заглавия книги – «Два брака». На рубеже 1873 и 1874 годов, во второй фазе интенсивной работы над романом, он ненадолго заменил собою в одной из рукописей уже придуманное и опробованное «Анна Каренина», чтобы затем, на сей раз окончательно, уступить тому место⁴⁰⁸. Очевидно, что слово «брак» употребляется здесь в смысле не уже существующей семьи, а бракосочетания, вновь заключаемого супружеского союза. Иначе говоря, здесь имеются в виду, во-первых, женитьба Левина (в ранних редакциях – Ордынцева) и Кити и, во-вторых, выход Анны замуж за любовника (в ранних редакциях именуемого Балашевым, Гагиным, Удашевым) – а не ее девятилетнее супружество с Карениным. Вот как отразилось проектируемое Толстым содержание одной из частей романа в плане, составленном весной 1873 года:

4-я часть.

<1 гл. Брак Орд[ынцева] с Кити. Ст[епан] Арк[адыч] пос[аженный] отец.>

2 гл. Ст[епан] Арк[адыч] устраивает развод.

<...>

4 гл. Брак Уд[ашева] с Анной⁴⁰⁹.

Еще одна часть, обозначенная в этом плане тоже как 4-я, но явно относящаяся к следующему звену фабулы (и в основном соответствующая Части 6 *ОТ*), выдерживает ту же линию на синхронизацию и своеобразную симметрию важных событий в жизни двух пар:

IV часть.

<6 гл.> Как жил Орд[ынцев].

<7 гл.> Варит варенье, разговор.

<8 гл.> Приезд Ст[епана] Аркадыча и охота.

<9 гл.> Поездка Долли.

<10 гл.> Сцена между К[ити] и О[рдынцевым] и между Уд[ашевым] и А[нной]⁴¹⁰.

В другом плане, в его верхнем слое, датируемом концом 1873 года, когда Толстой творил с одновременным прицелом на обе модальности сюжета – с разводом Анны и без него, подчеркнутая синхронизация сюжетных линий по-прежнему сохраняется. Союз Анны и Вронского не называется здесь браком, но, как мы увидим, сама идея этого сюжетного хода на тот момент еще не была отброшена окончательно: «5 [часть. – М. Д.]. Свадьба К[ити] и Левина и разрешение судьбы Вр[онского] и Кар[ениной]»⁴¹¹.

Впервые в развернутом черновом тексте развод как свершившийся факт возникает в датируемом 1873 годом нижнем слое рукописи 68, входящем в состав реконструированной В.

⁴⁰⁸ *OnP*. С. 196 (о рукописях 17 и 18); *Жданов В. А.* Творческая история «Анны Карениной»: Материалы и наблюдения. М., 1957. С. 22–23. Толстой правит своей рукой «Анна Каренина» на «Два брака» в рукописи 17, но уже в копии ее верхнего слоя, содержащейся в рукописи 18, авторская правка восстанавливает первое заглавие.

⁴⁰⁹ *ЧРВ*. С. 8; *OnP*. С. 188–189 (план 3; по устаревшей систематике *Юб.* – 4).

⁴¹⁰ Там же. С. 9.

⁴¹¹ *ЧРВ*. С. 6 (план 2). *OnP* не дает определенной датировки этого плана, замечая, что он «относится к тому периоду работы, когда начало романа уже было перенесено в Москву и Алабин переименован в Облонского» (*OnP*. С. 188). К характеристике верхнего слоя плана надо добавить, что и Удашев здесь переименован во Вронского, а Ордынцев – в Левина. Эти же переименования в развернутых рукописях Части 1 романа четко датируются концом 1873 года, о чем см. далее в данной главе.

А. Ждановым *ПЗР*⁴¹². Эта сравнительно короткая рукопись (о ее верхнем слое речь впереди) была первым подступом Толстого к одному из самых сложных мест романа, его середине и своего рода ложной сюжетной развязке – главам Части 4 о христианском прощении Карениным и Анны, и Вронского и о ближайших последствиях этого самоотвержения для всех троих (4:17–23). Соответствующая сводка нарратива замыкает эскиз патетической сцены соединения Анны и Вронского (в этой редакции – еще Удашева) вскоре после ее выздоровления от «родильной горячки»:

Когда Степан Аркадьич пришел им объявить о успехе своего посольства, Анна уж выплакала свои слезы и казалась спокойной. С этого дня она не видала Алексея Александровича. По уговору, он оставался в том же доме, пока шли переговоры о разводе, чтобы уменьшить толки, и адвокат московский вел переговоры. Через месяц они были разведены. И Удашев с Анной поехали в ее имение, 200 верст за Москвой, чтобы там венчаться. А Алексей Александрович, с воспоминанием всего перенесенного позора, продолжал свою обычную служебную и общественную жизнь вместе с сыном в Петербурге⁴¹³.

Ко времени первой, журнальной, публикации соответствующего места в *ОТ* в марте 1876 года⁴¹⁴ от процитированного пассажа уцелела идея посредничества Стивы в деле развода, ключевая для всей линии этого персонажа, и определение в один месяц срока, по истечении которого Алексей Александрович остается «один с сыном» (410/4:23). Однако в разбираемой сейчас ранней версии остается он не просто «один», но как бывший муж, прошедший через позорную для себя – ибо он выступил виновной, то есть уличаемой в прелюбодеянии стороной – процедуру развода.

Почему упоминание этого эпизода, немаловажного для влюбленной пары, а для Каренина так и вовсе рубежного, столь лаконично? Ведь в генезисе романа персонаж Каренин имел прямым предшественником Михаила Михайловича Ставровича из раннего конспективного наброска сюжета и фабулы – высокопоставленного и умного чиновника, но кроткого, чудаковатого, обделенного маскулинностью человека, становящегося жертвой безрассудства жены-прелюбодейки, которой нужно узаконить свою любовную связь. В сущности, трагическим героем должен был стать именно он: «Подробности процедуры для развода, унижение их – ужаснуло его. Но христианское чувство – это была та щека, которую надо подставить. Он подставил ее»⁴¹⁵. Образ Каренина в *ПЗР*, уже существенно усложненный, в главном все-таки развивает эскизную характеристику Ставровича: персонаж предстает страдающим и призван вызывать сострадание. И, казалось бы, как раз происходящее расторжение брака могло бы стать поводом для того, чтобы больше сказать о мире внутреннем и мире внешнем Каренина, о противоречии между его религиозно-этическим неприятием развода и импульсивно данным обещанием освободить Анну от брачных уз, о том, как он пережил воистину страшное столкновение своего почти поэтического представления о машине государственного управления с прозой правоприменения. Немного словию процитированного выше пассажа, вероятно, можно дать чисто литературоведческое объяснение, усматривая в нем понятный схематизм пока еще ранней, «разминочной» редакции. Но я бы предположил, что здесь сказалась и связь с историческим

⁴¹² О рукописи 68 и смежной с нею рукописи 67 – прообразе будущей главы 17 Части 4 (возвращение Каренина из Москвы в Петербург по телеграмме о болезни Анны) – см. ниже в данной главе.

⁴¹³ *Р68*: 7 об. (опубл. с несколько иным чтением последней фразы: *ПЗР*. С. 769). Некое имение Анны в двухстах верстах от Москвы (которым, в соответствии с нормами российского имущественного права, она действительно могла бы владеть и распоряжаться независимо от мужа, особенно если это была часть ее приданого) нигде более, насколько мне известно, в черновых редакциях не упоминается; не фигурирует ничего подобного и в *ОТ*.

⁴¹⁴ *РВ*. 1876. № 3. С. 306–311.

⁴¹⁵ *ЧРВ*. С. 43 (*Р1*).

контекстом. Телеграфность извещения читателя о состоявшемся разводе могла служить индизацией того, что «легкий» развод был тогда в высшем обществе еще интересным новшеством, но уже не диковиной.

Действительно, именно в царствование Александра II, как убедительно продемонстрировано в недавних работах ряда историков, прежде всего В. А. Веремченко, Г. Фриза и Б. Энгел, начинается негласная либерализация подхода светских властей и православной церкви к проблеме развода⁴¹⁶. Вообще, тогда, как и при Николае I, у достаточно образованных и имущих как мужчин, так и женщин, будь то дворян(ок) или нет, убедившихся в измене партнера по браку и желающих предпринять что-либо в ответ на это, в принципе имелась юридическая альтернатива разводу: поскольку прелюбодеяние – нарушение святости брачных уз – квалифицировалось светским правом как уголовное преступление, то подозреваемый(-ая) в прелюбодеянии, а заодно и «соучастник» такового могли законно подвергнуться судебному преследованию. Кто-то из подателей таких исков надеялся на вразумление и возвращение в семью заблудшего супруга, кто-то элементарно мстил, еще кто-то использовал угрозу иска как шантаж с целью получения отступных или увеличения уже назначенного денежного пособия при раздельном проживании, но в любом случае осуждение прелюбодея *светским* судом само по себе не прекращало брака⁴¹⁷. Среди людей, искавших защиты своих интересов в этой норме закона, лица высшего сословия отнюдь не преобладали (и ни в одной из редакций сцены беседы между Карениным и адвокатом, о чем речь впереди, на возможность подобного иска против жены нет и намека; остается неясным, слышал ли сам Толстой хотя бы об одном из подобных судебных процессов).

Иное дело – иски, которые подавались в суд церковный специально с целью добиться расторжения брачного союза на основании прелюбодеяния супруга. Доля разводов, совершенных на основании прелюбодеяния (одного из немногих оснований, допускавшихся законом, наряду, например, с многолетним безвестным отсутствием супруга), устойчиво и быстро росла во второй половине XIX века. Так, с 1867 по 1876 год состоялось 450 таких разводов, а с 1877 по 1886 год – уже 1202⁴¹⁸. И большинство этих бракоразводных дел приходилось на супругов дворянского звания.

Хотя церковные установления и конкретные правила, которыми руководствовались епархиальные консистории и выступавший апелляционной инстанцией Синод в рассмотрении прошений и исков о разводе, оставались по-прежнему нацелены на то, чтобы увековечить понятие о браке как таинстве и отбить всякую охоту домогаться его расторжения, в действительности у состоятельных супругов, желающих развестись, появились в то время новые возможности манипулировать процедурой развода⁴¹⁹. При помощи искусственного адвоката можно было составить юридически веское, но не перегруженное риторикой прошение и разработать непротиворечивую легенду о супружеской измене, нередко диаметрально противоположную подлинной истории. Именно так в 1863 году был устроен упомянутый в конце предыдущей главы развод В. А. Давыдова с Е. Д. Давыдовой, урожденной княжной Орбелиани, которая, выступив фиктивно невиновной стороной, сохранила право на новый брак и вскоре вышла замуж за фельдмаршала князя А. И. Барятинского. От точного исполнения супругами ролей истца

⁴¹⁶ Веремченко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2007. С. 320–377; Фриз Г. Мирские нарративы о Священном таинстве: Брак и развод в позднимперской России / Пер. с англ. М. Долбилова // Православие: Конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.): Сб. ст. / Ред. М. Д. Долбилов, П. Г. Рогозский. СПб., 2009. С. 122–175; Engel B. A. Breaking the Ties That Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia. Ithaca: Cornell UP, 2011. P. 214–218. См. также анализ толстовского романа и его рецепции как локуса пореформенной общественной дискуссии о проблематике семьи: Заламбани М. Институт брака в творчестве Л. Н. Толстого: «Семейное счастье». «Анна Каренина». «Крейцерова соната» / Пер. с итал. К. Ланда. М.: РГГУ, 2017. С. 53–134.

⁴¹⁷ См.: Веремченко В. А. Дворянская семья и государственная политика России. С. 378–382.

⁴¹⁸ Там же. С. 373.

⁴¹⁹ См. подробнее: Фриз Г. Мирские нарративы о Священном таинстве. С. 136–146.

и ответчика, уличающей и уличаемой стороны вердикт церковно-судебной инстанции зависел в очень большой мере. Самой трудной задачей было приискание требуемых законом двух свидетелей – очевидцев не просто флирта, но соития как такового. Нетрудно догадаться, как добывались свидетельства о самом акте прелюбодеяния, если они были отчаянно нужны для совершения развода обеим сторонам, сговорившимся между собой о распределении ролей на процессе. Траты на адвокатские услуги и взятки подставным свидетелям достигали сумм в несколько тысяч рублей⁴²⁰. А учитывая, что уличение дамы в супружеской измене, при участии двух очевидцев, будь то мнимых или действительных, выглядело, особенно в дворянской среде, чересчур неджентльменски, нетрудно понять, почему некоторым рогоносцам приходилось принимать вину на себя, даже если развод диктовался иной ближайшей причиной, чем стремление неверной жены к немедленному новому замужеству. Разумеется, успешно сработавший в суде самооговор в прелюбодеянии совсем не был безобидным в плане прямых последствий: за освобождение таким манером от брачных уз принявший на себя вину платил семилетней епитимьей и утратой права на новый брак. (Впрочем, при наличии хороших связей в верхах последний запрет можно было обойти.) Репутационный же ущерб для фиктивного прелюбодея – к примеру, слухи о полученных за «отпущенную» жену деньгах – мог оказаться еще болезненнее наложенных законом взысканий. Такие слухи ходили, например, о фигуранте еще одного бракоразводного дела, на шумевшего в высшем обществе в конце 1860-х и отозвавшегося, как отмечено С. А. Экштутом, в третьем томе «Войны и мира», – неприметном во всех других отношениях чиновнике В. Н. Акинфове. В его жену Надежду Сергеевну, вдохновлявшую на лирические стихи самого Тютчева, были одновременно влюблены министр иностранных дел князь А. М. Горчаков и родной племянник Александра II – и внук пасынка Наполеона I Эжена Богарне – герцог Николай Лейхтенбергский (который пожертвовал ради этой любви карьерой, фактически покинул Россию и в конце концов, после развода Акинфовой, сочетался с нею морганатическим браком)⁴²¹.

«Ранний» Каренин, однако, приходит к сценарию самооговора не вследствие сразу сделанного прагматического выбора, а более сложным маршрутом. В великолепной, сдобренной по-толстовски нежелчным сарказмом⁴²² сцене в *ОТ* романа дока-адвокат называет уже вошедшую тогда в употребление юридическую хитрость, к недоумению Алексея Александровича, «прелюбодеянием по взаимному соглашению» и рекомендует действовать именно так, заранее с понимающей улыбкой предупреждая о том, что заседающие в консисториях протопопы «в делах этого рода большие охотники до мельчайших подробностей» (347/4:5). В первоначальной же, 1873 года, версии этого диалога, происходящего не в Петербурге, а в Москве, та же опция фигурирует под более откровенным названием «обращение на себя мужем фиктивного прелюбодеяния», и адвокат как раз не советует Каренину идти этим путем, полагая, что у того есть шанс – и нет моральных противопоказаний – прибегнуть к «невольному уличению жены в прелюбодеянии» через «1) уличение хитростью, 2) подкупом свидетелей, 3) доказательство незаконной беременности». И хотя побелевший, уstraшенный презентацией этих юридических технологий Алексей Александрович высказывается сначала за «уличение невольное, подтвержденное свидетелями[,] и неподкупленными»⁴²³, роды и болезнь Анны меняют дело. Когда одновременно с выздоровлением Анны вопрос о разводе вновь встает перед Карениным, но теперь уже по инициативе Стивы – «[В]опрос, как сделать развод. Ты ли возьмешь

⁴²⁰ Веретенко В. А. Дворянская семья и государственная политика России. С. 356–357, 371–373.

⁴²¹ Экштут С. А. Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М.: Согласие, 2001. С. 41–52, 81–84, 100–101, 140–141.

⁴²² Я нахожу приложимыми к АК наблюдения Дж. Брукса над толстовским юмором на более раннем этапе творчества: Брукс Дж. Лев и медведь: Юмор в «Войне и мире» / Пер. с англ. Д. Хазанкина // Новое литературное обозрение. 2011. № 109. С. 151–171.

⁴²³ ПЗР. С. 748–749 (P65; см.: *OnP*. С. 212).

на себя?» – Алексей Александрович, заложник своей новой религии всепрощения, обреченно соглашается: «Да, да, я беру на себя позор <...>»⁴²⁴. (Эмоции, которые в Толстом вызывала эта юридическая уловка, прорывались и в его позднейших произведениях. Четверть века спустя после публикации АК дилемма мужа, искренне желающего освободить жену – правда, не прелюбодейку в данном случае – от брачных уз с собою, но не способного «лгать, играть гнусную комедию, давая взятки в консистории», стала основой интриги в пьесе «Живой труп», где мятущийся муж героини, Федя Протасов, инсценирует самоубийство, а позднее в самом деле сводит счеты с жизнью⁴²⁵.)

Словом, в ранней, еще 1873 года, персонажной инкарнации Каренин должен до конца доиграть – правда, не в фокусе нарратива – спектакль «обращения на себя фиктивного прелюбодеяния». То, что являлось для него не просто унижением (кого, интересно, нанял московский адвокат в подставные очевидцы «прелюбодеяния» – случайных ли людей или знакомых Каренина?⁴²⁶), но и нравственным самопожертвованием, профанацией таинства, для некоего числа его современников, товарищей по несчастью, могло быть куда менее драматическим опытом⁴²⁷. Небрежная краткость сообщения о совершающемся-таки разводе преподносит этот факт так, как мог бы отнестись к нему этически нейтральный, если не циничный наблюдатель нравов эпохи, – и эта перспектива значимо контрастирует с восприятием случившегося самим Карениным. «Это очень просто», – без обиняков формулирует то же воззрение еще в ранней редакции Стива Облонский⁴²⁸, и в ОТ вторит ему не кто иная, как княгиня Бетси Тверская, говорящая Вронскому: «Вы мне не сказали, когда развод. Положим, я забросила свой чепец через мельницу, но другие поднятые воротники будут вас бить холодом, пока вы не женитесь. И это так просто теперь» (446/5:28).

Но еще примечательнее, что произносить нечто похожее в сколько-то аналогичных жизненных обстоятельствах невымышленной действительности приходилось и самому Толстому. В 1864 году он – подобно брату героини в будущей АК – деятельно хлопотал об устройстве развода своей сестры Марии, чей брак с дальним родственником графом В. П. Толстым к тому времени фактически распался, а сама она, находясь за границей, родила дочь от любовника. Спросив предварительно у зятя, не может ли «начинание этого дела» «значительно повредить» ему «по службе и вообще в общественном мнении» (на что последовало заверение в готовности начать процедуру) Толстой спешил известить сестру: «Он на всё согласен <...> Прошение о разводе [от имени сестры. – М. Д.] я не подавал, хотя навел справки и убедился, что дело это очень легко может быть сделано и окончено в 6 месяцев срока <...>»⁴²⁹. О том, действительно ли легким и простым могло бы быть в этом конкретном случае дело развода для мужа, выступающего единственной виновной стороной, остается только гадать: смерть ответчика в

⁴²⁴ ПЗР. С. 768.

⁴²⁵ Юб. Т. 34. С. 72 («Живой труп», действие IV, картина 2, явл. V). Отметим типичную для Толстого ассоциативность: фамилия героя, который должен выиграть от этого развода, женившись на героине, – Каренин. Если вспомнить, что уже в «Войне и мире» ненавистная нарратору Элен Безухова, выбирающая между молодым иностранным принцем и старым вельможей (в этом-то эпизоде и отозвался скандал 1868 года вокруг Н. С. Акинфовой), убеждена, что Пьер готов все сделать для нее, даже дать развод (Юб. Т. 11. С. 288 [т. III, ч. 3, гл. VII]), то можно предположить, что положение мужа, вынуждаемого обстоятельствами на такой шаг, устойчиво, в течение многих лет ассоциировалось у Толстого с подлинной трагедией, рисовалось ему одним из воплощений ужаса брака.

⁴²⁶ О практике получения жесвидетельств о прелюбодеянии от сослуживцев ответчика (обычно они как по писаному рассказывали о случайно увиденном ими соитии ответчика с проституткой) см.: Фриз Г. Мирские нарративы о Священном таинстве. С. 142 примеч. 53, 54).

⁴²⁷ Ср.: Жданов В. А. Творческая история «Анны Карениной». С. 43.

⁴²⁸ ПЗР. С. 767 (Р68).

⁴²⁹ Юб. Т. 61. С. 38–39 (неотправленное письмо Толстого В. П. Толстому от 24 (?) февраля 1864 г.; как ясно из последующей переписки между братом и сестрой, если не идентичное, то похожего содержания письмо было все-таки послано в те же дни); Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями / Сост., подгот. текста, комм. Н. А. Калининой, В. В. Лозбяковой, Т. Г. Никифоровой. М.: Худож. лит., 1990. С. 280 (письмо Л. Н. Толстого М. Н. Толстой от 24 марта 1864 г.).

следующем же году сняла проблему. Еще восемь лет спустя, вкладывая реплику о чаемой простоте разводе в уста Облонского, Толстой позаботился о том, чтобы читатель расслышал ее легкомысленное звучание.

Обыденность семейных драм и неурядиц в родственном и дружеском кругах Толстого, которую для сегодняшнего исследователя отчасти скрадывает его собственное заслуженное реноме если не слишком счастливого, то уж точно примерного семьянина, удачно акцентирована автором одной из недавних биографий классика Р. Бартлетт, причем как раз в связи с анализом замысла *АК*⁴³⁰. Совсем рядом с Толстым в его как молодые, так и зрелые годы происходили адюльтеры, рушились семьи, длились внебрачные сожителства, заключались браки с участием разведенного или разведенной. Здесь будет уместно упомянуть не слишком известный случай такого рода, приключившийся в 1840-х годах с представителем старшего поколения его родни по отцу – заметным в свое время военачальником князем Андреем Ивановичем Горчаковым, в чьем доме в Москве Толстой бывал и в детстве, и позднее и в чьей благосклонности к себе был заинтересован. Так, на высокую протекцию Горчакова он надеялся, когда после нескольких лет службы на Кавказе добивался производства в первый офицерский чин⁴³¹.

Уже пожилым человеком Горчаков женился на овдовевшей даме много моложе его, имевшей детей от первого брака. Она приходилась внучкой не кому-нибудь, а покойному генералиссимусу А. В. Суворову, в силу чего пользовалась покровительством самого Николая I. Несмотря на обязательство мужа выдавать жене с ее потомством значительное содержание, союз оказался непрочным, так что старый генерал, узнав (если верить ему) об исключительно оскорбительной для него неверности жены, обратился буквально с мольбой к императору – «защитить меня от врага моего», т. е. расторгнуть брак высочайшим повелением. Почтенный проситель особо отмечал, что располагает письмами жены ее молодому любовнику, содержащими «самые развратные выражения». Переданный через министра двора князя П. М. Волконского ответ императора ставил условием дальнейших действий предъявление Горчаковым «письменных доказательств неверности» его супруги: «...Вам следовало бы присоединить их подлинником к Вашим объяснениям <...>»⁴³². Свидетельств того, что юный Толстой слышал о жалобном до нелепости прошении своего троюродного деда, не имеется, но предположить это можно. Казус Горчакова словно предугадывает колоритные моменты в развитии темы развода в толстовском романе; в авантексте последнего недостает только пробы изобразить Каренина мечтающим об обращении к государю как выходе из унижительного положения сановного рогоносца, вынужденного разводиться с неверной женой на общих основаниях закона.

К сюжетным перипетиям *АК* и вернемся. В воображаемой реальности, сводящей воедино все версии романа, граф Вронский в своей предшествующей ипостаси князя Удашева, сочетающегося законным браком с законно разведенной Анной, мог бы спросить Бетси, почему же поднятые воротники сурово били их холодом именно *после* женитьбы, невзирая на развод. Хороший вопрос! В самом деле, Удашеву и Анне приходится совсем непросто после узаконения их отношений, достигнутого, казалось бы, так бесхлопотно. Недлиная череда рукописей, датированных весной 1873 года⁴³³, – это единственное звено авантекста, где фабула с состоявшимся разводом в сколько-нибудь развернутом виде, хотя прерывисто и местами совсем эскизно, доведена до самоубийства героини. Здесь – правда, в иной последовательности – уже есть наброски будущих знаменитых сцен романа. Мы так и не увидим венчания Анны и Удашева в некоем никогда ни до, ни после того в черновиках не упоминаемом имении Анны – взамен предлага-

⁴³⁰ Bartlett R. Tolstoy: A Russian Life. London: Profile Books, 2010. P. 241–244.

⁴³¹ См. письма Толстого С. Н. Толстому от 15 декабря 1850 и 17 апреля 1853 г. и письмо С. Н. Толстого Толстому от 16 мая 1853 г.: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 65, 140, 143.

⁴³² РГИА. Ф. 472. Оп. 39. Д. 38. Л. 1–2 об. (письмо Горчакова П. М. Волконскому от 28 сентября 1847 г.), 4–4 об. (письмо Волконского Горчакову от 26 октября 1847 г.).

⁴³³ *OnP*. С. 222, 214–215 (о рукописях 95, 96, 73).

ется лишь ретроспективный эпизод внутри рассказа Кити старой княгине Щербацкой и Долли о том, как Ордынцев (будущий Левин) сделал ей признание в любви в подмосковном имении родственника Щербацких. На пути оттуда только что объяснившиеся, счастливые Ордынцев и Кити, едва заговорив о ее прежнем увлечении, вдруг замечают спускающуюся с горы навстречу им пролетку, а в ней – *lupus in fabula* – самого Удашева: «Потом я узнала, что он жил в городе с Анной и отыскивал священника за городом и ехал к этому священнику, чтобы условиться, как венчать его»⁴³⁴. Хотя по этому варианту Анне и Удашеву не надо удаляться для скромного венчания на целых двести верст от Москвы, их бракосочетание все равно устраивается так, как если бы жених был двоеженцем или невеста шла замуж против воли родителей – в сельской церкви, со священником, готовым «условиться» о порядке и обстановке венчания.

Как вскоре становится ясно, одна из причин этой утайки заключалась именно в отсутствии родительского благословения, но не у невесты, а у жениха. Пикировка между старой княгиней и ее зятем Степаном Аркадьичем в доме Ордынцева (это самая ранняя редакция летних сцен в левинском Покровском Части 6 *ОТ*) обнаруживает под собой два различных представления о еще сохранявшейся мере родительской власти в матримониальных делах. Старая княгиня упрекает зятя за предложение Ордынцевым и Долли навестить Анну, живущую с Удашевым в его имении:

– [О]на поставила себя в такое положение, в котором избегают знакомства. И это выдумала не я, а свет. Ее никто не видит, и не принимает, и мы...

– Да отчего ж никто? Вот вы все так, маменька. Ну что тут, какие хитрости и тонкости. Ее принимали везде как Каренину, а теперь она Удашева, и все будут принимать.

– Ну, это мы еще увидим.

– Да, вот увидите. Когда же им было быть в свете. А посмотрите, Удашевы поедут в Петербург, и все к ним поедут и будут принимать.

– Не думаю. Старуха Удашева видеть не хочет сына, и уж одно это, что она поставила сына против матери.

– Совсем не думала восстанавливать. А кто же угодит московской грибоедовской старухе?⁴³⁵

Сцены той же редакции с Удашевым и Анной, наконец приехавшими из деревни в Петербург, подтверждают прозорливость княгини Щербацкой. Однако в подоплеке постигающего их великосветского остракизма – едва ли только долетевшее из Москвы проклятие «грибоедовской старухи» Удашевой. Консенсус света в осуждении этого брака сразу передается неодобрительной интонацией фразы, с которой начинается рассказ о петербургских злоключениях героев: «Молодые, *если можно их назвать так*, Анна и Удашев, уж второй месяц жили в Петербурге и, не признаваясь в том друг другу, находились в тяжелом положении»⁴³⁶. Последующее, а отчасти и непосредственно предшествующее этому месту повествование, хотя и беглое, сосредоточено на самой механике остракизма. Она прочитывается уже в увиденной гла-

⁴³⁴ ПЗР. С. 776–777 (P95; подробнее о ранней редакции сцен летней жизни Левина и Кити, заключенной в этой рукописи, см. далее в этой главе). Здесь несомненно переключки с семейным преданием, несколько романтизировавшим действительность. Согласно ему, в 1867 году свояченица Толстого Татьяна Берс и ее жених Александр Кузминский, ехавшие в маленькую сельскую церковь договариваться со священником о своем венчании (в их случае венчание не афишировалось по причине родства брачующихся), случайно повстречались с недавней любовью Тани – братом Толстого Сергеем, который тоже ехал венчаться – со своей гражданской женой М. М. Шишкиной (см.: *Опульская Л. Д.* Переписка с сестрой и братьями // *Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями*. С. 10; *Толстая С. А.* Моя жизнь / Научн. ред. Л. В. Гладкова. Т. I: 1844–1886. М.: Кучково поле, 2011. С. 162).

⁴³⁵ ПЗР. С. 780.

⁴³⁶ Там же. С. 795 (курсив – добавленная мною эмфаза).

зами Долли (все-таки поехавшей, как и в *ОТ*, навестить Анну) гнетуще богатой обстановке имения Удашева:

[В]сё, всё новое, всё говорило о той некрасивой новой роскоши, свойственной одинаково быстро из ничего разбогатевшим людям, откупщикам, жидам, железнодорожникам и людям развратным, вышедшим из условий честной жизни, так как источник этой некрасивой роскоши один: желание наполнить пустоту жизни, пустоту, образовавшуюся или от неимения общественной среды, или от потери среды бывшего общества⁴³⁷.

Роскошь деревенской усадьбы оказывается, таким образом, компенсацией словно бы предугадываемого самими новобрачными неизбежного отчуждения их (как пары) от столь привычной обоим светской среды. Петербург оправдывает худшие предчувствия. В описании изощренной дискриминации со стороны света, который – в особенности его женская часть – принимает Удашева в качестве холостого и если признает существование Анны, то лишь в качестве жены Каренина, ранняя редакция подступает довольно близко к окончательной, но уязвимость четы для такого третирования предстает не столько этическим, сколько социальным феноменом.

В одной из конспективных помет автора, относящихся к этим фрагментам *ПЗР*, содержится выразительная омонимическая метафора, призванная передать ощущение почти физической скованности бременем светских неписаных законов: «Стальные стали формы жизни»⁴³⁸. В плане денотации слово «сталь (сталль)» употреблено здесь, по всей вероятности, как театральный термин, происходящий от французского «stalle» – скамья, сиденье со спинкой⁴³⁹. Так в обиходной речи середины и второй половины XIX века именовалось пространство позади кресел партера, где в театрах и Франции, и России публика обычно сидела на тесно придвинутых друг к другу и гораздо менее удобных, чем кресла, длинных жестких скамьях⁴⁴⁰. В лексикон самого Толстого это слово, несомненно, входило; главное же, оно встречается в авантексте *АК* не только в составе маргиналий. Один из позднейших черновиков обсуждаемых глав романа обыгрывает представление о «стальных» как секторе зрительного зала, где приличное общество соприкасалось и смешивалось с неприличным. Так, присутствие там женщин полусвета и вовсе «отверженных» бросалось в глаза тем более, что в ту пору дамы, с их пышными куафюрами и платьями, не занимали кресел партера⁴⁴¹. Хотя и не связанный с *АК*, здесь просится лыком в строку мемуарный рассказ жены Толстого о том, как ее мать возмущалась против того, чтобы юная барышня слушала оперу, находясь «в стальных» («как их звали», уточняет Софья Андреевна) даже в сопровождении отца: «И какой-то будет сосед у Сони, и

⁴³⁷ *ПЗР*. С. 787.

⁴³⁸ *ЧРВ*. С. 371 (*Р73*); *ПЗР*. С. 792. Эта помета и две следующие за нею были приписаны на полях рядом с абзацем, где речь идет о переживающем свое несчастье одином Каренине, но намечали они план работы, в той же рукописи, над образом Анны в последние месяцы ее жизни. Одна из них: «Свеча потухает, читая книгу» – была непосредственно реализована в дальнейшем основном тексте рукописи: знаменитая аллегория книги и свечи в сцене самоубийства возникает именно там (*ПЗР*. С. 799).

⁴³⁹ См. статьи «Orchestre», «Parterre» и «Stalle» в авторитетном справочнике: *Pierron A. Dictionnaire de la langue du théâtre*. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2002. P. 366, 383–385, 524. Благодарю О. Н. Купцову, М. С. Неклюдову и Е. Н. Пенскую за консультации о заимствовании французской театральной терминологии в России.

⁴⁴⁰ См. примеры журналистского употребления слова «сталль» (здесь в таком написании) в форме как единственного, так и множественного числа для обозначения сектора зрительного зала: *Победоносцев С.* Путевые записки русского по Европе в 1847-м году // *Отечественные записки*. 1848. Т. 58. № 5. Отд. 1. С. 54; *Иностранные известия* // *Современник*. 1854. Т. 48. № 1. С. 96 (раздельная пагинация).

⁴⁴¹ В этой редакции, датируемой концом 1876 года, Вронский смотрит на публику в театре взором более препарирующим и брезгливым, чем в *ОТ*: «Оглядывая партер, он видел тех же знакомых ему стариков и молодых в первом ряду <...> Те же были разбросанные по разным рядам [кресел партера. – М. Д.] и в стальных знакомые настоящие люди между толпою Бог знает кого, с бородами или совсем без перчаток или в Бог знает каких перчатках, людей, на которых всегда бывало досадно Вронскому за то, что они тоже позволяли себе как-то по-своему любить оперу и певицу и тоже рассуждать об этом. В стальных были известные дамы из магазинов, вероятно, и разные несчастные, которые тоже воображали, что они дамы» (*ЧРВ*. С. 451 [*Р80*]).

не порядочно, и унизительно, и простудится...»⁴⁴² Таким образом, фраза «стальные стали» могла подразумевать вытеснение Анны под неумолимым давлением кода благопристойности в маргинальную социальную среду, с чем созвучно и другое значение «stalle» – стойло, загон. Фигурально ее место теперь – в «сталях», на полпути из ложи в раек.

Лишенная привычных светских занятий и запертая в клетке унизительной праздности, Анна страдает как своего рода профессионал, отлученный от профессии:

О расстройстве дел, здоровья, о недостатках, пороках детей, родных – обо всем можно говорить, сознать, определить; но расстройство общественного положения нельзя превуаровать [*фр.* *prévoir* – предвидеть; избыточным, казалось бы, галлицизмом оттеняется дискурс бомонда. – М. Д.]. Легко сказать, что все это пустяки, но без этих пустяков жить нельзя; жить любовью к детям, к мужу нельзя, надо жить занятиями, а их не было, не могло быть в Петербурге, да и не могло быть для нее <...>⁴⁴³.

В пока еще схематичной, но уже расцвеченной яркими деталями сцене скандала вокруг Анны в театре (эхом ее обдумывания и была маргиналия о «стальных сталях» в той же рукописи) остракизм, которому подвергается героиня – пусть даже в реальном пространстве театра оказывается она все-таки не на задах партера, среди плебеев и парвеню, а в ложе бенуара, – персонифицирован в лице супругов Карловичей. Это присяжные выразители общественного мнения – и эмоционального настроя – аристократии:

Анна с своим тактом кивнула головой и, заметив, что вытянул дурно лицо Карлович, заговорила с Грабе, шедшим подле. Муж и жена, вытянув лица, не кланялись. Кровь вступила в лицо Удашева. <...> Карлович была жируета [*фр.* *girouette* – флюгер. – М. Д.] светская, он был термометр света, показывая его настроение.

Настроение это было близко к точке замерзания: Анна удостоивается скупого приветствия себе как «Madame Каренин». Лишь реагируя на возмущение Удашева, Карлович «затопился, покраснел и побежал к Анне. / – Как давно не имел удовольствия видеть, княгиня, – сказал он и, краснея под взглядом Удашева, отошел назад»⁴⁴⁴. Обращение к Анне по княжескому титулу Удашева, то есть как к его законной жене, далось «термометру света» нелегко.

Последней, отчаянной, попыткой Анны спасти свое доброе имя и положение в свете становится в ПЗР ее визит к матери Удашева. Анна убеждена, что остракизм света морально уничтожает ее гордого и честолюбивого мужа, но что та же гордость никогда не позволит ему расторгнуть их злосчастный союз. Мольба, которую она, опустившись на колени, обращает к номинальной свекрови, предполагает возможность отвратить близящуюся трагедию хотя бы видимостью примирения матери с сыном – достаточно лишь повлиять на глашатаев общественного мнения: «[О]бщество отринуло нас, и это делает мое несчастье. То, что он разорвал с вами, мое мученье. <...> Вы можете, приняв, признав его, сделать его счастье (о себе не говорю), счастье детей, внучат. Через вас нас признают. Иначе он погибнет». Удашева не снисходит к мольбе и напоминает Анне о необратимом разрушении ее репутации: «Вы умели бросить первого. Вы сделали несчастье человека и убьете его до конца»⁴⁴⁵. Направив это пророчество на себя, Анна в тот же день исполняет его.

Обостренное внимание повествования к самой практике остракизма, запечатленной в культе приличия и тонкостях коммуникации, что-то да значит. Все выглядит так, будто Анна

⁴⁴² Толстая С. А. Моя жизнь. С. 36.

⁴⁴³ ПЗР. С. 796.

⁴⁴⁴ Там же. С. 796–797.

⁴⁴⁵ Там же. С. 798, 799.

и Удашев, сочетавшись браком, нарушили некое неписаное правило своей среды, допустили промах еще непростительнее в глазах света, чем пренебрежение материнским несогласием на брак. К догадке на этот счет подводит уже цитированный выше текст, любопытным образом перекликающийся с АК, – воспоминания графини А. А. Толстой о длившейся с 1866 года любовной связи и последовавшем в 1880 году морганатическом браке императора Александра II с княжной Е. М. Долгоруковой (в замужестве – светлейшей княгиней Юрьевской). Для Толстой, писавшей свои воспоминания много позже, в конце 1890-х, роман императора, приведший к созданию второй семьи при еще живой императрице, был равнозначен бедствию для монархии и всей России⁴⁴⁶. Если непосредственными виновниками падения нравов в правящем доме она считает братьев императора Константина и Николая, подавших плохой пример своими внебрачными связями, то коренной причиной, в ее ригористической трактовке, была воцарившаяся в 1870-е годы в светском обществе атмосфера вседозволенности и распутства:

Увеличивалось число разводов, внебрачные дети становились законными, почти беспрепятственно можно было жениться на жене соседа, купив за взятку решение Консistorии. В кругах, самых близких к трону, часто возникали шумные скандалы.

С гордостью Толстая цитирует саму себя в беседе с императрицей, где она сумела деликатно, но недвусмысленно упрекнуть императора, а с ним фактически и августейшую собеседницу за невольное умножение числа, по ее сардоническому выражению, «восстановленных (*reparées*; буквально: починенных, реставрированных) женщин» – после развода взятых замуж своими великосветскими любовниками и затем принимаемых как ни в чем не бывало при дворе:

Вы говорите, что Государь не вмешивается в действия Синода [при совершении развода. – М. Д.], но есть другой способ, еще более успешный, для того, чтобы положить конец подобным нарушениям. Вы не можете помешать послу жениться на супруге его секретаря или [как сделал А. И. Барятинский. – М. Д.] генералу на жене своего адъютанта, но вам отнюдь не возбраняется сместить посла и генерала с их должности и объявить, чтобы ни они, ни их жены не появлялись вам на глаза. Я знаю свет <...> и уверяю вас, что это самое верное средство и оно заставит каждого дважды подумать, прежде чем броситься в авантюру незаконной связи⁴⁴⁷.

Как ясно из современных событиям дневника Толстой, эта или ей подобная беседа состоялась в декабре 1878 года (в том году, заметим, АК вышла отдельной книгой) и упрек адресовался в полной мере и самой императрице, несмотря на безмерное сочувствие Толстой к ее стоицизму, к «героическому молчанию»⁴⁴⁸ в ответ на очевидность наличия у мужа второй семьи: «Вечером у Императрицы с Дарьей Тютчевой <...> Был поднят вопрос о незаконных браках. Я горячо высказала свое мнение насчет излишней слабости Их Величеств в этом вопросе <...>»⁴⁴⁹.

⁴⁴⁶ Еще до написания мемуаров Толстая анонимно вступила в печатную полемику с написанным самой Юрьевской под псевдонимом или инспирированным ею публицистическим очерком о последних годах царствования Александра II. См.: Сафронова Ю. Екатерина Юрьевская: Роман в письмах. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. С. 315–319.

⁴⁴⁷ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996. С. 66–67, 67–68. Оригинальное французское причастие, употребленное Толстой для характеристики пресловутых дам, цитируется по автографу мемуаров: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3078а. Л. 36.

⁴⁴⁸ Толстая А. А. Записки фрейлины. С. 82.

⁴⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 43. Л. 141 (запись от 28 декабря 1878 г.; машинописная копия дневника в переводе на русский).

В сущности, фрейлина императрицы ратовала за высочайше санкционированный остракизм пар с дурной репутацией, очень схожий с тем, которому в ранней редакции толстовского романа подвергаются законно женатые Анна и Удашев (а в последующих – незаконно сожительствующие Анна и Вронский)⁴⁵⁰. Иными словами, в мире романа современное ему светское общество, осуждаемое А. А. Толстой – да и самим автором, хотя не с идентичной позиции, – за либертинизм, прилагает к Анне и ее любовнику вполне пуританскую мерку⁴⁵¹. Фарисейство, двойной стандарт? Но почему именно в отношении Анны и Удашева? Анна в этой редакции (как и Татьяна Ставровиц в первом конспективном наброске романа) обнаруживает еще немного свойств назаурядной натуры, могущих раздражать чопорный бомонд; Удашев сочетается с нею законным браком, как, вспомним еще раз, и советует сделать выразитель и толкователь мнения света в *ОТ* – княгиня Бетси Тверская. Вчитываясь в процитированный выше пассаж из мемуаров Толстой, можно предположить, что еще не достигший высоких чинов гвардейский офицер Удашев, уводя жену у высокопоставленного бюрократа Каренина, нарушал негласное иерархическое правило, позволявшее безнаказанно совершать такие действия не менее чем генералам или послам – преимущественно в отношении своих подчиненных. Против этого допущения напрашивается возражение: знатность, богатство и связи князя Удашева (а затем и гвардейского ротмистра и флигель-адъютанта графа Вронского), а также его полная независимость в служебном отношении от Каренина стоят разницы между ними в чинах, должностях и почестях. И все-таки, думается, релевантное и историческому контексту, и внутренней логике сюжета объяснение остракизма героини и героя, сочетавшихся браком, надо искать в некоем значимом для света различии в статусе и реноме между двумя мужчинами Анны. А оно, в свою очередь, помогло бы разобраться в нюансах смысла, которым Толстой наделил сформировавшийся в конце концов сюжет без развода, где Анна и Вронский встречаются в свете такое же упорное непризнание. Для этого обратимся к перипетиям генезиса романа непосредственно после первой, предпринятой весной 1873 года, попытки стремительного возведения здания.

⁴⁵⁰ Вспомним, что в окончательном тексте АК Вронский накануне отъезда с Анной за границу – и еще надеясь на бракосочетание с нею – выходит в отставку. Не отразился ли этот литературный пример на передаче в мемуарах Толстой ее столь смелого совета – смещать с должностей прелюбодеев, старающихся узаконить свои отношения с любовницами?

⁴⁵¹ В одном из, как уже отмечено выше, интересных для историка своими нраво- и бытописательными аспектами произведений Б. М. Маркевича отыскивается параллель той благочестивой кампании игнорирования одиозных пар, которую предлагала Толстая. В кульминационных главах романа «Перелом» (1880–1881) пожилой сановник граф Наташанцев рассчитывает развести любимую женщину с ее послушным мужем (посредством все той же уловки фиктивной вины) за несколько месяцев, но безо всякой надежды на последующее признание двором своего брака с нею, ибо в рьяном противодействии тому его собственная дочь, влиятельная светская дама, «подняла на ноги всех наших святош (tout le clan de nos evotes)» (Маркевич Б. М. Перелом // Он же. Полн. собр. соч. Т. 6. СПб., 1885. С. 454, 462).

2. «Круг почти сведен... Всего будет листов 40»: Дожурнальная цельная редакция романа

Сейчас кажется странным и даже нелепым, что в начале 1874 года Толстой мог рассчитывать на окончание работы над *АК* в том же году: мы знаем, что сериализация романа только лишь начнется не раньше чем год спустя, что сюжет и концепция по ходу печатания будут расширяться и что выпуск последней, восьмой, части отдельной книжкой придется уже на горячую пору войны с Турцией 1877 года. Надежды 1874-го, однако, не были совершенно беспочвенными.

Уже за пару месяцев до наступления первой годовщины того мартовского дня, когда из-под толстовского пера начал рождаться мир *АК*, объем сделанного и переделанного оценивался автором столь оптимистично, что он задумал издать роман сразу целой книгой (а не журнальными выпусками) в типографии М. Н. Каткова. Качеством своего произведения Толстой был доволен гораздо меньше, но на тот момент мнившаяся близкой перспектива развязаться с опусом, замысел которого утратил первое очарование, пересиливала перфекционизм. Для достижения цели были сделаны практические шаги. В феврале 1874 года бывшая на предпоследнем месяце беременности С. А. Толстая подготовила при участии переписчика Д. И. Троицкого наборную копию значительной доли Части 1 в ее тогдашней редакции (**рукопись 19** в современной систематике рукописного фонда романа). В сущности, ни редакция эта не была прочно установившейся, ни копия – по-настоящему чистовой: Толстой по ходу перебеливания предыдущих правленных копий и новых автографов продолжал вносить в манускрипт, с которым предстояло работать наборщикам, не только изменения, но и изменения этих изменений, а также оставлял на полях наброски возможных вариантов (см. ил. 1). И все-таки в начале марта промежуточная точка была поставлена. Автор лично отвез в Москву стопку в сто два писчих листа, и типография вскоре приступила к набору⁴⁵².

От тех недель остался ряд важных эпистолярных свидетельств о ближайших планах и наметках автора. В середине февраля он обрадовал Н. Н. Страхова рассказом о своем прогрессе в писании нового романа:

[Я] очень занят и много работаю. <...> Я не могу иначе нарисовать круга, как сведу его и потом поправляя неправильности при начале. И теперь я только что свожу круг и поправляю, поправляю... Никогда еще со мною не бывало, чтобы я написал так много, никому ничего не читая, и даже не рассказывая, и ужасно хочется прочесть. <...> Не знаю, будет ли хорошо. Редко вижу в таком свете, чтобы всё мне нравилось; но написано уж так много и отделано, и круг почти сведен, и так уж устал переделывать, что в 20 числах хочу ехать в Москву и сдать в катковскую типографию⁴⁵³.

В двух письмах брату Сергею во второй половине февраля Толстой сначала сообщал: «А я кончаю поправлять первую часть и думаю на будущей неделе ехать в Москву печатать», – а вскоре после того делился приятным чувством близости завершения большого дела: «Я теперь доканчиваю всю свою работу, и ты не можешь себе представить, как я этого жду и надеюсь,

⁴⁵² *Летопись*. С. 418–419. Фрагмент, сданный в набор в начале марта 1874 года, в целом соответствует главам 1–23 Части 1 *ОТ* (*P19*: 1–102 об.). О дальнейшей подготовке весной 1874 года наборной рукописи Части 1, окончание которой отложилось в иной, чем ее массив, архивной единице хранения (*P18*: 28–33 об.; это дополняет текстологическую характеристику источников дожурнального набора, данную в: *ОнР*. С. 197; *Гудзий Н. К.* Описание рукописей и корректур, относящихся к «Анне Карениной» // *Юб*. Т. 20. С. 664–665, 670 [под номерами 103 и 114]), см. ниже с. 240–241.

⁴⁵³ *Толстой–Страхов*. С. 151 (письмо от 13 февраля 1874 г.). Восторженный отклик Страхова см.: Там же. С. 153 (письмо Страхова от 22 февраля 1874 г.).

что это будет вместе с хорошей погодой и я поеду к тебе»⁴⁵⁴. Учитывая объединявшую братьев страсть к охоте, чаяние «хорошей погоды» для поездки в имение С. Н. Толстого Пирогово следует отнести не к ближайшим мартовским неделям, а к середине весны, сезону любимой обоими тяги вальдшнепов – следовательно, Толстой отводил себе еще месяц-полтора интенсивного творчества. Эта оговорка, а также выражение «доканчиваю всю свою работу» подразумевают представление о значительно большем отрезке романа, нежели лишь одна, пусть и пространная, начальная часть его.

По возвращении из Москвы в начале марта Толстой с удвоенной определенностью, не опуская практических подробностей, писал Страхову о своем намерении издать роман еще до лета:

Я <...> отдал в типографию часть рукописи, листов на 7. Всего будет листов 40. Надеюсь всё напечатать до мая. В Москве же я в первый раз прочел несколько глав дочери Тютчева и Ю. Самарину. Я выбрал их обоих, как людей очень холодных, умных и тонких, и мне показалось, что впечатления произвело мало; но я от этого не только не разлюбил, но еще с большим рвением принялся доделывать и переделывать. Я думаю, что будет хорошо, но не понравится и успеха не будет иметь, п[отому] ч[то] очень просто⁴⁵⁵.

Чтобы успеть к маю, доделывание и переделывание остающегося массива текста на тридцать три печатных листа требовало и вправду немалого рвения.

Наконец, письмо С. А. Толстой сестре Т. А. Кузминской, написанное в дни пребывания мужа в Москве, отразило ход дальнейшей подготовки чистовиков для типографии: «В числе разных дел, Лёвочка повез отдавать в печать свой новый роман, первую часть, а мне оставил переписывать уже вторую, которой много написано»⁴⁵⁶. Как мы увидим ниже, Софья Андреевна еще до того успела перебелить стопку датируемых концом 1873 – началом 1874 года автографов – прообразов ключевых глав из середины и даже финала АК. В согласии с образом – из февральского письма Страхову – начерно сведенного и затем подравниваемого круга, роман создавался в иной последовательности частей и глав, чем та, в которой они были уже выстроены в плане сюжета; а в проекции на *ОТ* траектория писания может выглядеть даже зигзагообразно.

В апреле – июне Толстого несколько отвлекла от романа возобновившаяся официальная дискуссия о его проекте народных школ и обучения грамоте, а одновременно одолевали семейные заботы: 22 апреля родился сын Николай, в июне умерла тетюшка Т. А. Ергольская⁴⁵⁷.

⁴⁵⁴ Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 329–330 (письма С. Н. Толстому от 15...23? февраля и от конца февраля 1874 г.).

⁴⁵⁵ *Толстой–Страхов*. С. 157 (письмо от 6 марта 1874 г.). Чтение, о котором пишет Толстой, происходило в доме сестры Ф. И. Тютчева Д. И. Сушковой, у которой и жила Екатерина Федоровна Тютчева, давняя приятельница автора, его не вполне состоявшаяся сердечная привязанность в начале 1860-х. Выбор Толстым первых слушателей романа тем примечательнее, что Тютчева, как было хорошо известно в ее кругу, любила Юрия Федоровича Самарина, закоренелого холостяка (похожего этим, да и не только этим, на толстовского Кознышева). В письмах Тютчевой одной из самых постоянных и доверенных ее корреспонденток, сестре Дарье, за март – апрель 1874 года нет упоминаний о чтении Толстым нового романа (Мемориальный архив Музея «Усадьба Мураново». Ф. 1. Оп. 1. Д. 702. Л. 11–22). Проверить на тот же предмет письма Самарина ко времени сдачи в печать настоящей книги мне не удалось. Сообщение в том же письме Толстого о том, что Самарин «взялся держать корректуру», несколько озадачивает (даже при том, что следом идет уточнение: «[Н]о я и сам буду держать»): Самарин не был столь близким знакомым Толстого и знатоком его творчества, как тот же Страхов, а главное – у него, увлеченного современной политикой публициста и полемиста, должно было хватать своих занятий, относящихся к иной сфере, чем беллетристика. Условным аналогом Самарина, держащего корректуру АК, мог бы выступить Кознышев, вычитывающий гранки аграрно-хозяйственной книги Левина (будь та завершена). В любом случае переписка Толстого не содержит никаких позднейших сведений о причастности Самарина к работе над АК в 1874 году.

⁴⁵⁶ ОР ГМТ. Ф. 25. № 3172. Л. 2 об. (письмо от 27 февраля – 2 марта 1874 г.; цитированные строки – от 2 марта). Беловая копия Части 2, над которой трудилась в те дни С. А. Толстая, не сохранилась в целостном виде; значительные ее блоки входят в состав нижнего слоя нынешних рукописей 26 и 27, которые будут охарактеризованы ниже.

⁴⁵⁷ *Толстой–Страхов*. С. 159, 164, 167 (письма от 18...19 апреля, 10 мая, 25 мая ... начала июня 1874 г.); *Юб*. Т. 62. С. 84 (письмо Т. А. Кузминской от 23 апреля 1874 г.).

Тем не менее вычитка и правка корректур Части 1, набравшихся в Москве, и расширение – в новых автографах – рукописной редакции Части 2 (о чем еще будет сказано далее) шли исправно. Письмо брату от начала апреля, где Толстой высказывает тревогу об ожидавшихся со дня на день родах жены и сообщает, что невзирая на то должен ехать в Москву на экзамен учеников, обучавшихся грамоте по его особому методу, оканчивается все-таки упоминанием об АК: «Кроме моей школы, у меня и печатание идет в Москве»⁴⁵⁸. О выходе книги в мае, однако, речи уже не велось, а еще через месяц автор, расхоложенный отчасти типографскими заминками, и сам уже не жаждал скорой публикации. 10 мая он писал Страхову:

Роман мой лежит. Типограф[ия] Каткова медлит – по месяцу один лист; а я и рад. Очень интересно мне будет прочесть из него вам что-нибудь и узнать ваше мнение. Откровенно скажу, мне он теперь совсем не нравится⁴⁵⁹.

В начале июля – именно тогда Толстой, вникая в новые порции корректур, стал уже нешуточно сомневаться в том, в самом ли деле он сомкнул круг и остается лишь подправить его, – случилось событие, хотя и внешнее по отношению к собственно генезису текста, но примечательное в истории создания АК: горячий поклонник еще не заверченного романа, готовый любить его загодя, не прочитав еще ни строчки, наконец свел знакомство с предметом поклонения. Посетивший Ясную Поляну Страхов прослушал (а возможно, частично прочитал самостоятельно, с листа) серию больших отрывков из корректур и рукописей и сделал все от него зависящее, чтобы не позволить приунывшему автору потерять вкус к своему сочинению. Несколько недель спустя он письменно поделился с Толстым обдуманно на досуге впечатлениями, в которых четко просматриваются особенности интересующей нас редакции.

«Развитие страсти Карениной – диво дивное», – восхищался он, но добавлял: «Не так полно, мне кажется, у Вас изображено (да многие части и не написаны) отношение света к этому событию». (О том, как Страхов воспринял тогда трактовку самой темы высшего общества, говорится выше в гл. 1.) Незавершенность, а то и отсутствие «многих» связующих блоков текста должны были быть комментатору тем очевиднее, что «развитие страсти» героини предстало перед ним, как можно догадываться, несплошной чередой наиболее драматических картин. Во всяком случае, и это нам надо особо отметить для дальнейшего анализа, в состав прочитанного вошла достаточно развернутая версия сцен развязки: «Анна убивает себя с эгоистической мыслью, служа все той же своей страсти; это неизбежный исход, логический вывод из того направления, которое взято с самого начала. Ах, как это сильно, как неотразимо ясно!»⁴⁶⁰ Весьма живо вспоминал Страхов содержание этих черновых глав будущей Части 7 и три года спустя, прочитав журнальную редакцию⁴⁶¹.

Это эпистолярное свидетельство дает кое-что и для рассмотрения редакции 1874 года в текстологическом аспекте. Для того чтобы зачитать вслух серию пространных фрагментов из романа (а уж тем более пригласить даже такого энтузиаста, как Страхов, прочитать какие-то из них самостоятельно), надо было иметь сколько-нибудь разборчиво написанный, компактно организованный манускрипт – подобный рукописи 19, по которой в ее тогдашнем виде автор читал начальные главы Тютчевой и Самарину четыремя месяцами раньше. Не осталось ли в сохранившемся рукописном фонде АК каких-либо следов и знаков компоновки такого рода манускрипта?

В текстологических штудиях о генезисе АК в 1874 году главное внимание уделяется проекту публикации романа отдельной книгой и, соответственно, созданию редакции Части 1 (точнее, ее глав – в ОТ – с 1-й по 31-ю), которая успела уйти в типографию до перемены в страте-

⁴⁵⁸ Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 331 (письмо от 3 апреля 1874 г.).

⁴⁵⁹ Толстой–Страхов. С. 164 (письмо от 10 мая 1874 г.).

⁴⁶⁰ Там же. С. 171 (письмо от 23 июля 1874 г.).

⁴⁶¹ Там же. С. 333 (письмо от 7 мая 1877 г.).

гии печатания. Для произведенных в результате этого начинания корректур (сохранившихся лишь фрагментарно) принят специальный термин – «дожурнальный набор»⁴⁶². Но вот вопрос о том, что же именно, *сверх* рукописи 19, Толстой имел в виду, говоря о почти готовых сорока листах текста, и с чем конкретно ознакомился Страхов в июле 1874 года, не заключал в себе, как кажется, интриги для толстоведов-текстологов.

Обосновываемая далее реконструкция редакции 1874 года охватывает материал не только начальной части, но и тех последующих частей и глав, которые, не достигнув тогда стадии чистовой наборной копии, были тем не менее к ней весьма близки. Во избежание повторов описательных формулировок я называю эту редакцию Дожурнальной цельной (*ДЖЦР*). Здесь уместно сравнение с датируемой весной 1873 года Первой законченной редакцией, воссозданной В. А. Ждановым и Э. Е. Зайденшнур как первообраз *ОТ*. Ретроактивная проекция структуры *ОТ* на ранние рукописи дала своеобразный результат – коллаж фрагментов, вычлененных из черновых автографов по довольно абстрактному критерию завершенности письма в первом приближении и выстроенных в последовательности не тогдашней, а финальной версии сюжета. На этом фоне *ДЖЦР* представляется если и не такой захватывающе отдаленной и вместе с тем похожей на канон, то более «вещественной» и строже соотносимой и с логикой генезиса, и с тем, как виделся известный этап работы самому автору. В отличие от 1874 года, в первые месяцы работы Толстой не планировал скорого издания романа, то есть, в сущности, лишь очень немногие из черновиков весны 1873 года расценивались автором как уже сложившиеся компоненты единого целого. Редакцию же 1874 года содержат в себе не только автографические рукописи, но и копии, которые снимались с этих черновиков, зачастую после их добавочной правки, специально для того, чтобы большой объем связного текста был доступен в удобочитаемой форме. При наличии таких копий, соединенных между собою, у Толстого могло быть лишнее основание утверждать, что «круг почти сведен» и доделки остается немного, а также указывать листаж. Попросту говоря, на определенном, пусть и недолгом, участке работы над романом *ДЖЦР* существовала в материальном виде увесистого манускрипта.

Наименование этой редакции Дожурнальной цельной, а не, например, «второй законченной», ставит акцент не столько на некую степень завершенности, сколько на динамику генезиса (*ДЖЦР* как своего рода репетиция начала сериализации) и на тот факт, что одновременно со сдачей в набор в марте 1874 года Части 1 автор гораздо прочнее, чем в предшествующей редакции, связал начало романа с остальным массивом текста, включая развязку. Более того, как я постараюсь показать ниже, важным свойством *ДЖЦР* была именно транзитность, текучесть: наброски, эскизы соседствуют в ней с отделанными блоками текста, а среди последних могут найтись такие, которые реализуют – в разных точках повествования – еще конкурировавшие между собою в авторском замысле версии развития сюжета.

Наконец, дисклеймер: моя реконструкция не приписывает Толстому *намерения* сотворить именно такую редакцию. Нетрудно вообразить, что даже если бы начатый в марте 1874 года проект издания *АК* книгой не трансформировался менее года спустя в журнальную сериализацию, которая в конечном весьма способствовала и углублению, и расширению авторского замысла, то все равно Толстой, готовя роман к изданию сразу в книжном формате, внес бы множество изменений и добавлений в копии, снятые на тот момент с его черновиков (как, собственно, он и начал делать тотчас по получении корректур Части 1). Иными словами, *ДЖЦР* была не конечной целью, но промежуточным звеном в генезисе текста; и формулировки вроде «автор готовил *ДЖЦР*», разумеется, условны: это прежде всего уступка удобству изложения. Тем не менее редакция 1874 года была тем четко идентифицируемым этапом создания *АК*, на котором текст испытал воздействие «преждевременной» уверенности автора в близости финиша, а реконструировать ее позволяет целый комплекс эмпирических свидетельств.

⁴⁶² *OnP.* С. 197, 227–229.

Итак, из чего еще, кроме наборной рукописи Части 1, состояла *ДЖЦР*? Продолжение текста этой редакции отыскивается в цепочке рукописей, соответствующих Частям 2, 3, 4, 6 и далеко отстоящих друг от друга в сегодняшней, восходящей к 1950-м годам систематике рукописного фонда АК. Изначально – до последовавшей позже существенной правки автора и вложений новых листов – это были беловые копии, оперативно снятые в основном С. А. Толстой и частично Д. И. Троицким с более чем дюжины автографов. В своем нижнем слое (то есть именно в слое копии)⁴⁶³ эти рукописи содержат более или менее пространные сплошные сегменты с непрерывным по преимуществу текстом (лишь кое-где недостает отдельных листов) и сквозной – переходящей по таким сегментам из рукописи в рукопись – пагинацией. Эта пагинация на трех своих последовательных участках – до номера 28; с номера 27 bis до 72; с номера 73 до 214 – проставлена карандашом, соответственно, тремя почерками⁴⁶⁴, из которых два последних, возможно, являются двумя разными регистрами или стилями одной и той же руки – С. А. Толстой. Твердое заключение на этот счет невозможно без специальной графологической экспертизы. В ряде мест эта пагинация отменяет предшествующие, включая авторскую. Примечательным образом каждая смена почерка урупняет цифры, обозначающие номер листа, а третий почерк⁴⁶⁵ по вступлении в трехзначные величины усваивает себе особый размах и нажим, как пристало бы пагинации заведомо беловой копии окончательной редакции⁴⁶⁶. (См. ил. 3–6.) В моем дальнейшем изложении эта сквозная пагинация, начинающаяся в сохранившемся материале номером 13-м, а кончающаяся 214-м, сокращенно обозначается *П/74* (пагинация 1874 года).

Представлю сразу рукописи с *П/74* в порядке, отвечающем последовательности скопированного текста, указывая крайние листы уцелевших сегментов с пагинацией для каждой рукописи (см. **Таблицу 1** далее):

- 1) рукопись 18, листы, согласно нынешней архивной пагинации, с 28-го по 33-й (номера *П/74*: 13–18⁴⁶⁷);
- 2) рукопись 28, листы 1–4, 7–9, 15 (*П/74*: 19–22, 25–28);
- 3) рукопись 31, листы 1, 4–8 (*П/74*: 27 bis⁴⁶⁸–32);
- 4) вновь рукопись 28, листы 16–25 (*П/74*: 34–43);
- 5) рукопись 27, листы 6–47 (*П/74*: 57–104⁴⁶⁹);

⁴⁶³ Верхний слой составляет существенная правка, последовавшая для одних из таких сегментов (материал Части 2) вскоре или через год, для других (Части 3 и 4) – через два года, а для некоторых (Часть 6) – через два с половиной, о чем речь еще впереди.

⁴⁶⁴ В текстологическом описании одной из рукописей, 38-й, эта пагинация указана как сделанная «рукой неизвестного» (*ОпР*. С. 204).

⁴⁶⁵ Первый из выведенных третьим почерком номеров – 73-й – приходится на начало серии глав Части 2 о дне скачек. См.: *Р27*: 22.

⁴⁶⁶ При этом нет оснований для предположения, будто эта пагинация была проставлена много позднее хранителями или исследователями в рабочем порядке при разборе и систематизации рукописного фонда романа. Она отмечает собою сборный состав рукописных фрагментов, который мог быть актуален только для первой половины 1874 года, для тогдашнего представления автора о сюжете, характерологии и других параметрах романа. Уже вскоре эти фрагменты, соответствующие разным частям романа, приросли вложениями и добавлениями, листы которых нумеровались автором или копиистами по-новому. Например, во фрагменте, не подвергшемся слишком густой правке автора и потому в конце концов оказавшемся – уже в начале 1876 года – в наборной (как обычно, лишь условно беловой) рукописи Части 4, сам Толстой зачеркнул пером крупно выведенные карандашом номера карандашной пагинации и вместо них пером же вписал новые, согласованные с нумерацией предыдущих листов этой рукописи (см.: *Р72*: 18–22). Кроме того, обрыв интересующей нас пагинации на номере 214-м посреди текста будущей Части 6 неоспоримо соотносится с ходом правки Толстым отправного автографа и перебеливания правленного текста С. А. Толстой (см. об этом ниже в тексте наст. гл.).

⁴⁶⁷ Об отсутствующих в сохранившемся материале листах с номерами 1–12 см. примеч. 3 на с. 240–241.

⁴⁶⁸ Номера 27 и 28 в *П/74* продублированы – вероятно, вследствие смены пагинирующего копииста (первый из листов с номерами, проставленными вторым почерком: *Р31*: 1) и неполной ясности авторских помет насчет вставок и изъятий – при переходе пагинации на листы копии с добавленной главой об эротической эскапде сослуживцев Вронского (в *ОТ* – [2:5]).

⁴⁶⁹ Несколько листов копии с *П/74* между 57-м и 104-м отсутствуют в рукописи 27.

6) рукопись 38, листы 1–21, 26–27, 29–39, 41–54 (*П/74*: 105–112, 115–116, 119–122, 125–127, 131–147, 151–155, 157–158, 177–183⁴⁷⁰);

7) рукопись 72, листы 17–22 (*П/74*: 184–189; это позднейшая наборная рукопись порции глав Части 4, куда эти листы были переложены из тогдашнего состава рукописи 38);

8) вновь рукопись 38, листы 62–69, 72–77 (*П/74*: 190–203);

9) рукопись 99, листы 5–13 (*П/74*: 206–214⁴⁷¹).

(К перечисленным рукописям также примыкает, по моей реконструкции, вторая половина нынешней рукописи 103 – копия автографа с исходной развернутой версией глав об Анне накануне самоубийства; у 103-й нет общей пагинации с указанными выше, и до ее рассмотрения очередь дойдет ниже на этих страницах.)

Таблица 1. Состав Дожурнальной цельной редакции (1874 год) ^а

Наборный манускрипт Части 1; белые копии последующих частей (нижний слой рукописей в их нынешнем составе)	Антиграфы копий (автографы или предшествующая копия с авторской правкой)	Соответствующий сегмент <i>ОТ</i> (насколько соотношение возможно)
<i>P19</i> ; <i>P18</i> : 28–33 об. (в совокупности — наборная рукопись)	<i>P15</i> ; <i>P16</i> ; <i>P17</i> ; <i>P18</i> : 1–27 об.	1: 1–31
<i>P28</i> : 1–4 об.	<i>P18</i> : 33 об.–36	1: 32–33
<i>P29</i> : 1–3 об., 4	<i>P28</i> : 4 об.–6 (автограф-вставка)	1: 34
<i>P27</i> : 1–2 об., 6–47	<i>P20</i> ; <i>P21</i> ; <i>P22</i> ; <i>P23</i>	2: 1–3, 12–29
<i>P28</i> : 4 об., 7–9, 15–25; <i>P31</i> : 1, 4–8	<i>P25</i> ; <i>P26</i> ; <i>P28</i> : 10–14 (автограф-вставка)	2: 4–11
<i>P38</i> : 1–21	<i>P37</i>	3: 1–10
<i>P38</i> : 26–27, 29–39, 41–54, 62–69, 72–77	<i>P49</i> ; <i>P65</i> ; <i>P68</i> ; <i>P69</i> ; <i>P70</i>	3: 13–14 (условное соответствие), 23 (условное соответствие); 4: 2–7, 12–13, 19–23 ^б
<i>P72</i> : 17–22	<i>P67</i>	4: 17
<i>P99</i> : 5–13	<i>P95</i> ; <i>P96</i>	6 (без ряда глав)
—	<i>P73</i> (нижний слой)	5: 21–32 (не целиком; условное соответствие) ^с
<i>P103</i> : 15–36 об.	<i>P102</i> : 39–57	7: 23–31

Примечания к таблице:

^а Настоящая реконструкция не претендует на ланцетную текстологическую точность и исходит из представления о *ДЖЦР* как редакции всего романа, внутри которой отдельные блоки не были до конца согласованы друг с другом. Поэтому в ряде случаев она включает в себя смежные фрагменты авантекста, которые в *Описании* отнесены к разным редакциям определенной части романа. В первом столбце полужирным шрифтом выделены крайние номера листов, составляющих сегменты с пагинацией 1874 года; номера листов согласно самой этой пагинации даны выше в характеристике рукописей.

^б Материал, соответствующий главам 8–11 Части 4, в первоначальном составе рукописи 38 имелся (на него приходится пропуск листов с номерами *П/74* с 159-го по 176-й – между л. 47 и 48 по нынешней архивной пагинации).

^с Будущая Часть 6 (две четы летом в деревне), изначально задуманная как целый блок в композиции романа, представлена в Первой законченной редакции (1873 год) двумя рукописями – 95-й и 96-й (*ПЗР*. С. 769–790); в 1874 году Толстой успел сделать некоторые исправле-

⁴⁷⁰ Листов 159–176, которые в *ДЖЦР* содержали текст глав, соответствующих главам 8–11 Части 4 *ОТ*, не числится ни в рукописи 38 (пропуск текста в нынешнем составе рукописи: *P38*: 47 об., 48), ни в ее апографе – рукописи 39. Листы 184–189 (глава 17 Части 4) сохранились в составе наборной рукописи первой половины Части 4 – рукописи 72 (*P72*: 17–22), куда, благодаря незначительности позднейшей правки, они были переложены для ускорения сдачи этих глав в типографию. Вероятно, листы 159–176 были переложены таким же образом, но после набора или еще позднее затерялись.

⁴⁷¹ Отсутствующие ныне листы 204–205 (зачин будущей Части 6) входили в первоначальный состав рукописи 99, но были заменены новой копией и автографом-вставкой (*P99*: 1–4) в процессе правки, когда автор существенно изменил композицию первых глав этой части (подробнее об этом, как и об обрыве *П/74* на номере 214, см. ниже).

ния только в первой половине 95-й (P95: 2–9; ЧРВ. С. 454–464), которая с учетом этой правки была перебелена С. А. Толстой (подробнее см. ниже в данной гл.).

Будущая же Часть 5 в 1874 году еще не проектировалась как структурный раздел романа; многие ее главы не были даже набросаны, а некоторые, по-видимому, не фигурировали и в замысле. В состав ПЗР входят эскизы лишь нескольких сцен, соотносимых с Частью 5: Каренин ищет утешения в бюрократических занятиях; его восьмилетний сын мечтает о свидании с матерью накануне своего дня рождения; Анна и Удашев/Вронский возвращаются в Петербург; отвергнутая светом Анна появляется в театре, – причем и в сюжете, и в фабуле все это не предшествует будущей Части 6, а следует за нею, являясь преддверием трагической развязки (ПЗР. С. 790–797 [P73]). В 1874 году Толстой не занимался переработкой этого материала.

Таким образом, для отрезка романа, соответствующего Частям 6 и 5 *ОТ*, редакция 1874 года вбирает в себя ПЗР, за исключением нижнего слоя названного сегмента рукописи 95-й. Работа над всем этим материалом возобновилась только в 1876 году, и тогда-то, в частности, вокруг серии ранних набросков, оказавшихся теперь в генезисе текста следующими непосредственно за кульминацией, а не предваряющими развязку, выстроилась целая новая часть, 5-я.

Сквозная пагинация яснее всего свидетельствует о том, что на известный момент работы Толстого над АК названные сегменты беловика, позднее разнесенные по разным рукописям и сцепленные с новыми звеньями текста, входили в состав единого целого⁴⁷². Попробуем вообразить их лежащими толстой стопкой на письменном столе в кабинете яснополянского дома летним днем 1874 года, а рядом – Страхова, который с нетерпением ожидает начала чтения. И это подводит нас к содержанию и датировке ДЖЦР.

Вопросы это взаимосвязанные, так как, в сочетании с уже изложенными и излагаемыми ниже эпистолярными свидетельствами, современной работе над АК, сам текст в его динамических характеристиках выполняет датирующую функцию. Время завершения последних – в порядке писания, а не хронологии действия в романе – черновых автографов, копии с которых были сняты вскоре после сдачи в набор основного массива Части 1 («[К]руг почти сведен <...>»), я определяю первой половиной весны 1874 года. Именно тогда, при еще актуальном расчете завершить вскоре работу, должна была в какой-то момент возникнуть надобность в более точной оценке объема рукописного материала, сочтенного более или менее готовым, – отсюда пагинация, чей уверенный разбег сквозь несколько рукописей в глубь содержания романа может показаться слишком поспешным при сравнении их текста с финальным. Начавшаяся же в конце марта – апреле правка корректур Части 1 относится уже к ревизии ДЖЦР, когда автор сосредоточился на доделке романа поступательно, часть за частью, – режим, в котором с той поры писание АК пребудет вплоть до 1877 года.

Весь процесс авторской работы (как правки ранних рукописей, так и создания больших блоков текста наново), ведшейся с конкретной целью *быстро* подготовить преднаборную редакцию *всей книги*, датируется периодом с конца 1873 по середину весны 1874 года. Очерчу главные особенности крупных звеньев ДЖЦР, бережно ссылая подробности датировки в примечания, к которым и адресую энтузиастов текстологии романа.

Начнем со второй полусотни номеров оригинальной пагинации, а именно с **рукописи 27**, ибо сохранившийся в ее нынешнем составе сегмент с П/74 – один из тех, причем дошедший до нас почти целиком, что были первыми подготовлены (и позднее, но в те же недели весны 1874 года пагинированы вместе с остальными) в качестве компонентов белового манускрипта, призванного тогда охватить сразу несколько частей романа. Сегмент с П/74 в руко-

⁴⁷² Эти копии, входящие в нынешний состав рукописей 27, 38, 72 и 99, выполнены от начала до конца С. А. Толстой на сложенных пополам полулистах писчей бумаги фабрики Говарда единообразным почерком, то есть едва ли снимались в существенно разные промежутки времени.

писи 27 соответствует в *ОТ* главам Части 2 о Левине весной в деревне (2:12–17) и о треугольнике петербургских героев в те летние дни, когда страсть Анны и Вронского, уже достигшая апогея, заставляет героиню открыться мужу после происшествия на скачках (2:18–26, 28, 29). Сплотки листов в этой же рукописи, на которых отсутствуют номера отмеченного выше начертания, разнятся от сегмента *П/74* и по содержанию: это главы или только скетчи глав о Кити в ее унижении и горе через несколько недель после отъезда Вронского (2:1–3) и о ней же на водах в Содене (2:30–35)⁴⁷³. Вообще, этот последний сегмент можно с немалой долей уверенности отнести к более поздней стадии работы, нежели та, когда оформилась и покуда оставалась актуальной сквозная пагинация⁴⁷⁴.

Текст сегмента рукописи 27 с *П/74* содержит не один «уликовый» момент, помещающий эту редакцию в срединную, промежуточную точку между редакциями ранними, 1873 года, и теми, что непосредственно предшествовали журнальной публикации в 1875 году. Так, в доме Левина живет «любящая его старушка тетушка»; она же и трогательно хлопчет об обеде для заехавшего к нему весенним днем Облонского⁴⁷⁵. Этот персонаж в своей вспомогательной функции живого атрибута домашней обстановки будет в следующей редакции весенних деревенских глав, заключенной в верхнем слое рукописи, заменен экономкой, бывшей няней Агафьей Михайловной⁴⁷⁶. Пример из другой серии глав: друг Вронского, верзила, игрок

⁴⁷³ *P27*: 1–6 и *P27*: 49–63, соответственно.

⁴⁷⁴ По всей вероятности, главы Части 2 о Кити на водах, чьи последовательные редакции заключены в рукописях 24, 27, 30, 34, 35 и 36, создавались уже после начала сериализации романа, то есть сравнительно незадолго до их выхода в апрельском номере 1875 г. (*ПВ*. 1875. № 4. С. 572–597). Их первая редакция датируется временем никак не ранее марта – апреля 1874 года, так как уже в ней Кити встречает больного брата Левина – Николая (*ЧРВ*. С. 227–229, 231 [*P24*]): этот последний персонаж появился в авантексте при доработке Толстым дожурнальной наборной рукописи Части 1 в начале марта того же года (см. об этом ниже в данной гл.). Поднимая *terminus post quem*, берусь утверждать, что первая редакция этих глав Части 2 создавалась не ранее конца 1874 года, когда в ходе правки корректур Части 1 Толстой добрался до главы, где Левин навещает брата Николая, и изменил внешность последнего: если в автографе и наборной рукописи он описан нескладным, но маленького роста (*P18*: 16; *ЧРВ*. С. 169 [*P19*]), то в следующей редакции, заключенной в правленных гранках, подчеркивается нескладность при большом росте (что перейдет в *ОТ*) и вводится такая деталь, как «большие, наивные и дикие глаза, которые могли смотреть так соблазнительно нежно и так страшно жестоко» (*K114*: 5; опубл. верхний слой текста без отображения процесса правки: *ЧРВ*. С. 176). И ту же акцентировку находим уже в исходном автографе глав о Кити на водах: «[О]чень высокий сутуловатый господин с огромными руками <...> с черными наивными и вместе странными [так в подл.; не «страшными». – М. Д.] глазами» (*P24*: 1; опубл.: *ЧРВ*. С. 227). Есть основание и для еще более поздней датировки этого автографа: если в упомянутой корректуре Части 1, где изменена внешность Николая Левина, его «взятая» из публичного дома сожительница продолжает фигурировать, как и в наборной рукописи, только как просто «Маша» (Там же. С. 178 [*K114*]), то в следующей редакции, сохранившейся в правленной рукописной копии правленной корректуры, она трижды названа по имени-отчеству: «Марья Станиславна [*sic!*]» (*K117*: 1, 2). Можно с достаточной уверенностью предположить, что замена отчества (к слову, имевшего тогда отчетливо польское звучание) тем, которое в *ОТ* вводится в сердитой тираде Николая брату: «А эта женщина <...> моя подруга жизни, Марья Николаевна» (89/1:24), какового именования нарратор затем уважительно держится, – замена состоялась лишь незадолго до выхода порции АК с этими главами в феврале 1875 года (*ПВ*. 1875. № 2. С. 747). И уже с отчеством Николаевна, а не Станиславовна, героиня возникает рядом с Николаем Левиным в исходном автографе глав Части 2 о Кити на водах (*ЧРВ*. С. 228; ср. *ОТ* – [207/2:30]).

⁴⁷⁵ *P27*: 6 об., 12 (нижний слой); исходный автограф: *P23*: 1–8 (сам замысел включить в повествование старую родственницу Левина, придающую видимость семейственности его холостому быту, зафиксирован в еще более ранней рукописи, содержащей две последовательные редакции сцены возвращения Левина из Москвы в деревню после неудачи сватовства к Кити, – а именно в конспективной помете «Старая тетка / ей confidences [посвящение в сокровенное, разговоры по душам. – *фр.*]» [*P9*: 12 об.; выведено крупными буквами перпендикулярно строкам копии и ее авторской правки]). О том, что автограф весенних деревенских глав – рукопись 23 датируется январем – февралем 1874 года, свидетельствует несколько сделанных на полях помет для памяти, относящихся к редакции Части 1, которую автор завершал одновременно с этим: «Тютки / Перепела / Корсунские, чета» (*P23*: 1). В *ОТ* Корсунский – дирижер московского бала, произносящий: «Мы с женой как белые волки, нас все знают» (82/1:22); «тютками» старый князь Щербатский в перебранке с женой называет заурядных московских юнцов, а «перепелом» – Вронского (60–61/1:15). Корсунский и его жена как занятная светская чета, о которой судачат, танцующая Анна и ее будущий любовник, появляются не раньше чем в поправках к наборной рукописи Части 1, сделанных накануне отвоза ее в типографию в начале марта (*P19*: 98 об.), тогда как в предыдущей редакции фамилия больного дирижера – Кипарисов (*ЧРВ*. С. 165 [*P16*]). На тех же страницах наборной рукописи повторяется конспективная помета: «Тютки и перепела» (*P19*: 100; весь эпизод, где отец Кити пускает в ход эти прозвища, появился в генезисе текста позднее – при правке дожурнальных корректур Части 1 [*K112*: 4–5]).

⁴⁷⁶ *P27*: 6 об., 12 (верхний слой). Тот факт, что авторская правка беловой копии заменяет тетушку Агафьей Михайловной, служит основанием для датировки верхнего слоя этого сегмента рукописи 27 временем относительно незадолго до журналь-

и кутила, который в генезисе АК возникает в первом же конспективном наброске романа под именем Грабе⁴⁷⁷, фигурирует в нижнем слое рукописи 27, в эпизодах накануне скачек, как князь Яшвин⁴⁷⁸; фамилия с того момента закрепляется за героем прочно, а титул – не столь⁴⁷⁹.

В свою очередь, в главах этой редакции о двух встречах Каренина и Анны в день скачек, когда муж избавляется от последних сомнений в измене жены⁴⁸⁰, участвует уже знакомый нам по предыдущей главе персонаж – чопорно праведная сестра Каренина Мари (в другом написании – Мери), в самой ранней редакции зовущаяся Катериной Александровной или Кити. Каренин, хотя и окончательно прозревший, не решается прямо спросить Анну о ее отношениях с Вронским, так что та за чаем с мужем и золовкой продолжает с «дьявольским блеском в глазах» скрывать чувства под напускным оживлением и шутливостью. В сестре же Каренин вместо сострадания находит уклончивую выпренность: «Если я могу свою жизнь отдать для тебя, ты знаешь, что я это сделаю, но не спрашивай меня ни о чем»⁴⁸¹.

Между тем в генезисе текста дни этой конкретной героини, Мари, – но не характерологического типа как такового – были уже сочтены, и процесс ее «растворения» в другом персонаже не только хорошо документирован сохранившимися черновиками, но и побуждает исследователя глубже вникнуть в общую динамику работы Толстого над романом в 1874 году. Дело в том, что весенние деревенские и летние петербургские главы (условимся об этом упрощенном наименовании по времени и месту действия) Части 2 были написаны начерно и, судя по всему, даже перебелены еще до того, как оформились содержание и структура предшествующего блока.

Если быть точным, рукопись, которую в начале марта 1874 года Толстой в надежде на скорую публикацию всей книги отвез в типографию Каткова, включала в себя не весь текст

ной публикации соответствующих глав Части 2 в 1875 году (ПВ. 1875. № 3. С. 246–271). Дело в том, что в ходе подготовки дожурнальной наборной рукописи окончания Части 1 в марте 1874 года (что происходило одновременно с тем, как С. А. Толстая перебеливала автографы глав Части 2) Толстой в главах о возвращении Левина из Москвы в деревню поставил на место тетюшки альтернативный персонаж – мачеху братьев Левиных. Это лицо оставалось в генезисе романа вплоть до датируемой августом 1874 года дожурнальной верстки Части 1 и было удалено уже при финальной доработке текста накануне публикации в январе 1875 года (см. подробнее с. 250–252 наст. изд.; правка, заменяющая мачеху Агафьей Михайловной в сценах Части 1 с Левиным, вернувшимся из несчастливой поездки в Москву, делалась в гранках дожурнального набора: К114: 11–13). Таким образом, если бы ревизия весенних деревенских глав Части 2 в нижнем слое рукописи 27 производилась вскоре после изготовления белой копии в 1874 году, то тетюшку должна была бы заменить мачеха, а не экономка.

⁴⁷⁷ ПЗР. С. 729, 734 и др.

⁴⁷⁸ P27: 23 об.–24. В чуть более раннем автографе одной из петербургских глав, где предполагалось ввести этого героя в повествование, окончательный вариант его наименования уже нащупывается: «гр[аф] Пашв[и]н, известный игрок, развратник и пьяница, но железный физически и нравственно человек, с которым Вронский всегда был дружен <...>» (P23: 9 об.; первоначально в этой рукописи: «гр[аф] Пашин»).

⁴⁷⁹ Журнальная серия глав, где Яшвин появляется впервые, вышла в марте 1875 года (ПВ. 1875. № 3. С. 274–278; в ОТ – [2:19–20]). С добавлением титула он упоминается в ОТ лишь единожды – в реплике Анны: «Как князь Яшвин <...> который находит, что Патти поет слишком громко» (462/5:33).

⁴⁸⁰ Аналог этих глав в ОТ – главы 26–29 Части 2.

⁴⁸¹ P27: 41, 45 об.–47 об.; цитаты – 45 об.–46. Такова версия нижнего слоя данной рукописи. Правка же текста на этих страницах вводит драматический диалог в карете (P27: 45 об.–46 об.). Этот верхний слой следует датировать, видимо, временем вскоре после изготовления копии, так как правка сохраняет Мери в сцене и дает ей новую пародийно благочестивую реплику, произносимую в ответ на горестное сообщение Каренина об открывшейся правде: «Я не могу и не смею понимать тебя» (P27: 46; спустя год, накануне публикации (ПВ. 1875. № 3. С. 315–317), такая правка едва ли была бы возможна, ибо к тому моменту вышло уже два выпуска романа без какого-либо намека на наличие у Каренина сестры). Учитывая датировку правки, эти сцены с Карениным в день скачек, может быть, надо включать в ДЖЦР в редакции не нижнего, а верхнего слоя рукописи 27. Очередной раунд правки последовал (вероятно, лишь чуть позднее, то есть еще весной 1874 года) в следующей копии – рукописи 30, и только здесь персонаж Мери удаляется из текста, так что риторический вопрос: «Неужели это правда?» – Каренин с ужасом задает не сестре, а шепотом самому себе (P30: 8 об.–9 (верхний слой); см. также правку в той же рукописи, заменяющую Мери в главе о Каренине накануне скачек графиней Лидией Ивановной (в промежуточном слое мелькает эпизодический персонаж – кузина Каренина): P30: 1 об., 4, 5 об. [верхний слой]). Ср. наиболее раннюю (с иными именами у всех трех персонажей) редакцию сцены, где подозрения героя насчет неверности жены подтверждаются его набожной сестрой, специально посылающей ему записку об этом: ПЗР. С. 737–738.

Части 1: к немедленному набору был подготовлен начально-срединный сегмент⁴⁸², соответствующий главам 1–23 *ОТ*. Дальнейшие главы – встреча Левина с братом Николаем в Москве, его возвращение к себе в деревню, бессонная ночь Анны в поезде⁴⁸³ – составили вторую, меньшую, порцию наборной копии, которая была дослана или отвезена в типографию несколько позднее и, возможно, в два приема (одна из этих доставок могла состояться в начале апреля, когда Толстой вновь был в Москве)⁴⁸⁴. Но даже в этой порции не было тех глав, что станут в *ОТ* заключительными в Части 1, – о первых петербургских встречах и впечатлениях Анны и таковых же, в его среде, Вронского по их возвращении одним поездом из Москвы (1: 32–34)⁴⁸⁵.

Покуда наборщики Каткова трудились, глава за главой, над мало похожим на идеальный беловик, полным авторских поправок и приписок манускриптом, будущая концовка Части 1 и зачин Части 2 разрабатывались и дорабатывались автором бок о бок, образуя вместе своего рода фронтир на стыке двух еще не разграниченных четко материков текста⁴⁸⁶. Этот фронтир охватывал собою и петербургские зимние главы о сближении Анны и Вронского (2:4–11), чей путь от самой ранней, 1873 года, редакции к *ДЖЦР* был особенно протяженным. На рассматриваемом этапе писания, в конце зимы – начале весны 1874 года, исходное ядро этого материала – череда сцен на чаепитии в светской гостиной, где героиня и герой уже не могут на публике скрывать свою взаимную страсть, – приросло и обзорной характеристикой петербургского большого света (2:4), и очерком типичного дня Анны как хозяйки дома и светской дамы (1:32–33), и вставной фоновой историей о скабрезной эскападе двух молодых гвардейцев (2:5), и сбивчивым диалогом любовников в минуты после их первого соития (2:11)⁴⁸⁷.

⁴⁸² *P19*: 1–102. Сегмент оканчивается сценами на балу с Анной, Вронским и Кити.

⁴⁸³ Анализ генезиса глав о возвращении Анны в Петербург, включая сцену с нею, Карениным и Вронским на перроне, см.: Романова Н. И. Сцена возвращения Анны Карениной в Петербург: К истории текста романа // От истории текста к истории литературы. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 440–458.

⁴⁸⁴ Названная порция наборной рукописи Части 1 (соответствующая главам 24–31 *ОТ*) была изготовлена Д. И. Троицким, тогда как непосредственно предшествующие ей главы о бале перебеливались для набора С. А. Толстой. Состоит она из двух рукописных фрагментов, разобщенных между собою, но вместе содержащих непрерывающийся текст. Первый фрагмент отложился в нынешнем составе рукописи 19 (*P19*: 103–123 об.), второй – рукописи 18 (*P18*: 28–33 об.). Оба, в отличие от всего предшествующего блока рукописи 19 (*P19*: 1–102), не имеют на своих листах типографской пагинации красным карандашом, но то, что именно с этих листов набирались гранки соответствующих глав, не подлежит сомнению (отпечатки испачканных краской пальцев наборщика есть и здесь). Вместо типографской пагинации двадцать один лист первого фрагмента помечен пагинацией отдельной, проставленной самим Толстым, начиная с номера 1-го и кончая 21-м. Эти признаки – смена копииста, особенности пагинации – говорят о том, что набор Части 1 производился поэтапно, по мере завершения работы над новыми главами. Шесть листов второго фрагмента, текст в котором открывается сценой разговора Анны с Удашевым (Вронским) ночью на перроне в Бологом, являются начальными среди сохранившихся листов с той самой карандашной пагинацией (*P17/4*), что, как уже сказано, пронизывает целую вереницу рукописей, выходя далеко за пределы Части 1 и маркируя собою состав *ДЖЦР*. В рукописи 18 содержится отрезок этой пагинации с 13-го до 18-го номера: по моему предположению, листы нумеровались уже тогда, когда имелись гранки описанного выше первого фрагмента, и на эти-то печатные листы (впоследствии не уцелевшие), возможно, пришлись номера 1–12.

⁴⁸⁵ См.: *K119*, см. также: *OnP*. С. 229. В этом – самом объемистом из сохранившихся – фрагменте первой корректуры дожурнального набора текст оканчивается (*K119*: 32–33) главой, соответствующей главе 31 Части 1 *ОТ*.

⁴⁸⁶ Глава, которой Толстой некоторое время планировал дать особый заголовок «Дьявол», передающий представление о губительности сексуального влечения, первоначально писалась как глава 12 (деление на главы и в черновиках, и затем в журнальной публикации было менее дробным, чем в *ОТ*) Части 1, а затем конвертировалась в главу 1 Части 2, соответствующую нынешним главам 7–9 (см.: *OnP*. С. 198–199 [о рукописях 22, 25]; *P28*: 4 об. [копия автографа с началом главы «Дьявол», снятая переписчиком Д. И. Троицким]).

⁴⁸⁷ В первоначальном составе рукопись 27 включала в себя не только копию глав Части 2 о Левине весной и о дне скачек летом под Петербургом, но и копию, тоже рукой С. А. Толстой, предшествующих зимних глав, соответствующих нынешним главам 4–11. В сегодняшней организации рукописного фонда *АК* этот блок когда-то единого манускрипта – «исходной», условно говоря, 27-й – составляет рукопись 26 (см.: Описание. С. 200 [о рукописях 26, 27]). Так получилось потому, что этот блок был изъят из уже готовой беловой копии и подвергся значительной правке, с добавлением главы об Анне и Вронском в минуты после их первого соития (*P26*: 16–16 об.). Затем правленный текст рукописи 26 вместе с таковым же конца рукописи 18 (первый день Анны по возвращении в Петербург: *P18*: 33 об.–36) и с наново написанной главой «Дьявол» (*P25*) был перебелен Д. И. Троицким. Получившаяся копия (*P28*; копия сохранилась фрагментарно) тут же или вскоре приросла двумя автографами-вставками. Первая из этих вставок ввела уже разобранный выше в главе 1 рассказ приятеля Удашева (Вронского) о светских и полковых новостях (в *ОТ* – [1:4]), а другая – рассказ самого Удашева кузине о скабрезной эскападе двух его сослу-

Копии черновиков с этой прибылью текста сохранились – не полностью – в нынешнем составе **рукописей 18, 28 и 31**⁴⁸⁸. Хотя их уцелевшие листы с номерами *П/74* не смыкают пагинацию вплотную с нанесенным тем же почерком номером 57 на первом листе дальнейшей серии глав в рукописи 27 (в «пазле» остается пробел после листа с номером 43), последовательность и пагинации, и самого текста обнаруживает себя вполне четко. Из близкого знакомства с текстом становится вполне очевидно, что заключенные в рукописях 28 и 31 зимние петербургские главы – самый нерв завязки романа – были в рамках этой редакции созданы несколько позже следующих за ними и содержащихся в рукописи 27 весенних деревенских и летних петербургских глав. И так как перемены в персонажах, сделанные автором после возобновления работы над зимними главами, не успели перейти в другие сегменты *ДЖЦР* до соединения их общей пагинацией, то в действии Части 2 в этой редакции «младшие» в гене-зисе варианты характеристик или имен персонажей предшествуют «старшим».

Так и было с героиней – сестрой Каренина. В исходном автографе уже не раз упомянутых глав о Левине в деревне весной, на первой странице, имеется несколько конспективных помет, объединенных рубрикой «Добав[ить]», насчет содержания смежных глав других сюжетных линий. Одна из них гласит: «Мари отсекулась»⁴⁸⁹. Просторечный или окказиональный глагол, который Толстой не раз употреблял в рукописях *АК* (так не доведя его, однако, до печати) для брезгливого уподобления особого рода моральной и физической ущербности – сыворотке, отсекающейся от простокваши, уже привлекал наше внимание в предыдущей главе. Цитированная помета подразумевала развитие определенной черты в персонаже, и черта – безжизненная религиозность «души в турнюре» – получает развитие в надлежащем месте авантекста, но так, в некотором смысле, исчерпывающе, что это провоцирует дальнейшую ревизию.

Исчезать персонаж начинает одновременно с тем, как в фабулу вводятся новые главы – будущая концовка Части 1, где резко сгущается специфически петербургская тематика романа. Для нового участка используется, подобно строительной заготовке, отрывок из другой сцены, оказавшийся там лишним, – характеристика Мери посреди рассказа о первой попытке Каренина объясниться с Анной⁴⁹⁰. При отладке, необходимой для переноса персонажа в новую главу (об Анне в ее собственной гостиной сразу по возвращении из Москвы), Мари сначала заменяется двойко, как бы на пробу и на выбор, соименной соратницей, но не родственницей Каренина («[Мери] была старая, знаменитая дама, главный друг Алексея Александровича») и графиней N., тоже появляющейся в действии впервые («Алексей Александрович был один из верных ее сотрудников, и Анну графиня N. причисляла к своим <...>»)⁴⁹¹. А в следующей редакции отводившееся сестре Каренина персонажное задание – экземплификация великосветского святошества – окончательно перенимается памятной многим читателям графиней Лидией Ивановной, которой прозвище «самовар» подходит куда больше, чем «душа в турнюре»⁴⁹². Фраза «Мари отсекулась» обретает почти каламбурное звучание. Тот факт, что в вер-

живцев (в *ОТ* – [2:5]) (см.: *P28*: 4 об.–6, 10–14). Прототип последней истории автор, как уже отмечалось, услышал незадолго до того от шурина Александра Берса, и его письмо от конца марта 1874 года свояченице Т. А. Кузминской с просьбой узнать у Берса, можно ли включить этот анекдот в роман, уточняет датировку интересующего нас этапа работы. Прежде чем работа над Частью 2 вышла на новый виток, рукопись 28 и копии названных вставок (*P29*: 1–3 об., 4 [между нынешними листами 3 и 4 был несохранившийся лист]; *P31*: 1, 4–8) были соединены в составе *ДЖЦР* с «дождавшейся» их рукописью 27, содержащей в себе – в пока еще безловом обличье – дальнейшие главы Части 2, что и подтверждает проходящая сквозь все эти рукописи (за вычетом 29-й, пропущенной, видимо, по недосмотру копииста) пагинация. Стоит, разумеется, помнить, что в нынешнем виде эти рукописи заключают в себе и позднейшую правку.

⁴⁸⁸ См. Табл. 1 на с. 233–234 и примеч. 3 на с. 240–241.

⁴⁸⁹ *P23*: 1.

⁴⁹⁰ См. с. 53–55 наст. изд.

⁴⁹¹ *P18*: 33 об. (нижний слой – копия рукой Троицкого), 34 об.–35 (правка в копии, снятой С. А. Толстой).

⁴⁹² *P18*: 33 об.; *P28*: 1–2 (правка в копии, снятой Троицким). Эта-то правка (введение графини Лидии Ивановны – «Наш милый самовар <...>») является одним из оснований для датировки *ДЖЦР* концом зимы – первой половиной весны 1874 года. Дело в том, что правка успела отразиться в гранках последней из набранных тою весной глав Части 1 – с Карениным,

сии сцены после скачек, созданной лишь немногим раньше того, но позднейшей по времени действия⁴⁹³, обреченный на отсечение персонаж еще получил выход, подчеркивает сложность процесса этой правки. Кроме того, сам «маршрут» правки в авантексте, начиная с конспективной пометы в черновике глав о Левине, показывает, что даже серия совсем новых глав Части 2 – ибо в редакции 1873 года не было Левина весной – родилась еще до того, как оформилась идея замкнуть Часть 1 сценами погружения Анны и Вронского в привычную той и другому среду.

Совершив эту экскурсию от рукописи 27 вверх по течению текста *ДЖЦР*, двинемся в противоположном направлении. Ведомые номерами листов *П/74*, мы попадаем в **рукопись 38**⁴⁹⁴. Нижний слой ее содержательно и по объему составляет ядро *ДЖЦР* – кульминационную Часть 3 в этой редакции. Входящие в эту рукопись сегменты с *П/74* значительно пространнее, чем в любой из трех других рукописей с этой пагинацией. Текст начинается главами о Левине в деревне в сенокосную пору (3:1–6) и завершается счастливым свиданием, на исходе следующей зимы, Анны и Вронского после ее родов, болезни и выздоровления (4:23). В проекции на *ОТ* этот материал соответствует двум вместе взятым Частям – 3-й и 4-й⁴⁹⁵, но еще без целого ряда важных компонентов сюжета и отрезков повествования, которые, к примеру, вводятся в позднее добавленных главах о трех петербургских героях в течение нескольких дней после признания Анны мужу и о хозяйственных заботах и интеллектуальных исканиях Левина на протяжении пары месяцев во второй половине лета – начале осени. В связи с темой развода надо сразу указать на концовку – ее немного погодя нам предстоит разобрать подробнее – рукописи 38 в ее нижнем слое и, соответственно, кульминационной части в *ДЖЦР*

встречающим Анну на вокзале в Петербурге и знакомящимся там с Вронским (*К119*: 33). В рукописи же, с верхнего слоя которой делался набор, соответствующие листы (*Р18*: 28–33 об.) маркированы карандашной пагинацией, продолжающейся без значительных пропусков в копии глав будущей концовки Части 1 и зачина Части 2 (*Р28*: 1 и след.) и в копиях дальнейших частей. Из этого ясно, что пагинация была сделана, когда актуальным был еще нижний слой, то есть до нового раунда авторской правки, пока снятая копия еще оставалась, так сказать, достаточно белой. Ведь после получения корректуры не имело смысла вновь возвращать в работу и без того испещренную правкой наборную рукопись (и, будь сквозная пагинация последовательных частей романа сделана тогда, ее номера проставлялись бы на листах корректуры последних из набранных глав Части 1, а не их наборной рукописи). Итак, изготовление корректуры последних глав Части 1, датируемое концом марта – апрелем 1874 года, выступает *terminus ante quem* для пагинации, связываемой мною с *ДЖЦР*.

⁴⁹³ Из перебеленного в рукописи 27 чернового автографа сцены с Анной и Карениным после скачек сохранился только малый фрагмент: *Р21*: 13 об.–14.

⁴⁹⁴ Присвоенный рукописи в *ОнР* номер согласуется с последовательностью антиграфа и апографа не для всех ее мест.

⁴⁹⁵ В текстологии *АК* рукопись 38, в своем роде осевая для генезиса текста романа, явно недооценена. Датируя ее 1875 годом без расщепления на слои, *ОнР* характеризует ее только как одну из редакций Части 3 и не упоминает в качестве компонента той или иной редакции Части 4 (см.: *ОнР*. С. 204). Таким же образом упускается из виду тот факт, что немалый сегмент нижнего слоя рукописи 38 представляет собой копию ключевых для содержания Части 4 рукописей-автографов 49, 65, 68, 69 и 70, полный состав или верхний слой которых, в свою очередь, неверно датируется началом 1876 года (*ОнР*. С. 207, 212–213). Согласно моей датировке, эти автографы подверглись правке или (рукопись 70) были написаны наново на рубеже 1873–1874 годов и вскоре – вероятно, даже до изготовления наборной рукописи Части 1 – перебелены С. А. Толстой для *ДЖЦР*. О верхнем слое рукописи 38 речь идет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.